

Монография представляет собой комплексное исследование процессов формирования, толкования и применения норм гражданского права, построения на основе норм закона сложных условных суждения имплицативного типа о правах и обязанностях субъектов гражданского права. Адресована научным работникам, преподавателям учреждений образования, обеспечивающих получение высшего образования, аспирантам, студентам магистратуры, студентам, обучающимся по юридическим и экономическим специальностям, практическим работникам.

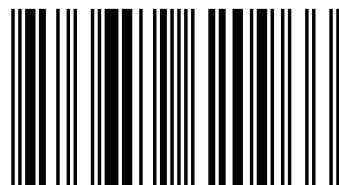
Парадигма гражданского права

Игорь Маньковский

Современные тенденции развития системы гражданского права

Маньковский Игорь Александрович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой адвокатуры "Международного университета "МИТСО", г. Минск, Республика Беларусь

978-3-659-62096-6

Маньковский

LAP
LAMBERT
Academic Publishing

Игорь Маньковский

Современные тенденции развития системы гражданского права

FOR AUTHOR USE ONLY

FOR AUTHOR USE ONLY

Игорь Маньковский

**Современные тенденции развития
системы гражданского права**

FOR AUTHOR USE ONLY

LAP LAMBERT Academic Publishing

Impressum / Выходные данные

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek: Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Alle in diesem Buch genannten Marken und Produktnamen unterliegen warenzeichen-, marken- oder patentrechtlichem Schutz bzw. sind Warenzeichen oder eingetragene Warenzeichen der jeweiligen Inhaber. Die Wiedergabe von Marken, Produktnamen, Gebrauchsnamen, Handelsnamen, Warenbezeichnungen u.s.w. in diesem Werk berechtigt auch ohne besondere Kennzeichnung nicht zu der Annahme, dass solche Namen im Sinne der Warenzeichen- und Markenschutzgesetzgebung als frei zu betrachten wären und daher von jedermann benutzt werden dürften.

Библиографическая информация, изданная Немецкой Национальной Библиотекой. Немецкая Национальная Библиотека включает данную публикацию в Немецкий Книжный Каталог; с подробными библиографическими данными можно ознакомиться в Интернете по адресу <http://dnb.d-nb.de>.

Любые названия марок и брендов, упомянутые в этой книге, принадлежат торговой марке, бренду или запатентованы и являются брендами соответствующих правообладателей. Использование названий брендов, названий товаров, торговых марок, описаний товаров, общих имён, и т.д. даже без точного упоминания в этой работе не является основанием того, что данные названия можно считать незарегистрированными под каким-либо брендом и не защищены законом о брендах и их можно использовать всем без ограничений.

Coverbild / Изображение на обложке предоставлено: www.ingimage.com

Verlag / Издатель:

LAP LAMBERT Academic Publishing

ist ein Imprint der / является торговой маркой

OmniScriptum GmbH & Co. KG

Heinrich-Böcking-Str. 6-8, 66121 Saarbrücken, Deutschland / Германия

Email / электронная почта: info@lap-publishing.com

Herstellung: siehe letzte Seite /

Напечатано: см. последнюю страницу

ISBN: 978-3-659-62096-6

Copyright / АВТОРСКОЕ ПРАВО © 2014 OmniScriptum GmbH & Co. KG

Alle Rechte vorbehalten. / Все права защищены. Saarbrücken 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1. ПРЕДМЕТ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ПРАВООПОНИМАНИЯ	3
ГЛАВА 2. МЕТОД ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ	13
ГЛАВА 3. СИСТЕМА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: СОВРЕМЕННАЯ НАУЧНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ	24
ГЛАВА 4. ГРАЖДАНСКИЙ КОДЕКС РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА	35
ГЛАВА 5. ДЕКРЕТЫ И УКАЗЫ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК ПРАВОВОЕ СРЕДСТВО ОПЕРАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ	45
ГЛАВА 6. НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ ВЫСШИХ ОРГАНОВ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ И НАЦИОНАЛЬНО-ГО БАНКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА	55
ГЛАВА 7. «ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ» В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	63
ГЛАВА 8. СПОСОБЫ УЧАСТИЯ ОРГАНИЗАЦИИ СО СТАТУСОМ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	73
ГЛАВА 9. ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ: НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	83
ГЛАВА 10. НОРМА ПРАВА В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	96
ГЛАВА 11. ПОНЯТИЕ, ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ И ПРИЗНАКИ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: СОВРЕМЕННАЯ НАУЧНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ	107
ГЛАВА 12. ПРЕДМЕТНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ НОРМ	117
ГЛАВА 13. НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ НОРМ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА	129
ГЛАВА 14. НОРМЫ-ПРИНЦИПЫ КАК ГАРАНТЫ СТАБИЛЬНОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	141
ГЛАВА 15. ИМПЕРАТИВНЫЕ НОРМЫ В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА	157
ГЛАВА 16. КОНЦЕПЦИИ ЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПРАВОВОЙ НОРМЫ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ	170
ГЛАВА 17. ЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА СТРУКТУРЫ ПРАВОВОЙ НОРМЫ: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ	181
ГЛАВА 18. САНКЦИЯ В ЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ПРАВОВОЙ НОРМЫ: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ	191
ГЛАВА 19. ТОЛКОВАНИЕ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ	202
ГЛАВА 20. МЕТОДЫ ТОЛКОВАНИЯ КАК СРЕДСТВО УЯСНЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО СМЫСЛА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ: НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	211
ГЛАВА 21. АНАЛОГИЯ КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОБЕЛОВ В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ	230
ГЛАВА 22. ЮРИДИЧЕСКИЕ ФАКТЫ КАК ОСНОВАНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ: НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	239
ГЛАВА 23. СДЕЛКИ КАК ОСНОВАНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ	254
ГЛАВА 24. УСЛОВИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК: СОВРЕМЕННАЯ НАУЧНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ	264

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Маньковский И.А., кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой адвокатуры, начальник центра частноправовых исследований НИИ ТиСО Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО»

Монография подписана в печать 3 октября 2014 г.

Уч. изд. л 13,19.

FOR AUTHOR USE ONLY

ГЛАВА 1

ПРЕДМЕТ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ

На современном этапе развития правопонимания и гражданского права Республики Беларусь предмет правового регулирования очерчен нормами ст. 1 ГК согласно которым:

– во-первых, гражданское право определяет правовое положение участников гражданского оборота, основания возникновения и порядок осуществления права собственности и других вещных прав, прав на результаты интеллектуальной деятельности;

– во-вторых, гражданским правом регулируются отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием, договорные и иные обязательства;

– в-третьих, гражданским правом регулируются другие имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения.

Следовательно, в соответствии с нормами ст. 1 ГК в настоящее время предметом гражданско-правового регулирования являются три группы общественных отношений:

1) отношения, связанные с определением правового положения субъектов гражданского права, созданием предпосылок возникновения иных гражданско-правовых отношений, созданием субъектов гражданского права и организацией их функционирования;

2) имущественные отношения, возникающие с участием предпринимателей и иные имущественные отношения, а также все обязательственные отношения как договорные, так и внедоговорные;

3) личные неимущественные отношения, связанные с имущественными, а также, согласно нормам п. 2 ст. 1 ГК личные неимущественные отношения не связанные с имущественными.

В отличие от ГК в ГК Российской Федерации закреплены нормы, непосредственно определяющие круг имущественных и личных неимущественных отношений, подпадающих под воздействие норм гражданского права. Так, согласно нормам п. 1 ст. 2 ГК России, предмет гражданско-правового регулирования составляют имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников.

ГК России в отличие от ГК в настоящее время не разделяет личные неимущественные отношения на две группы: связанные с имущественными и не связанные с имущественными.

Кроме того, нормы гражданского права Российской Федерации, в отличие от норм ГК, не регулируют, а защищают неотчуждаемые права и свободы человека и другие нематериальные блага, если иное не вытекает из существа этих нематериальных благ.

Закрепленные в ГК России отличия, по нашему мнению, более точно отражают предназначение и возможности гражданского права, как правового средства, предназначенного для регулирования имущественных отношений, возникающих в процессе производства, обмена и потребления материальных благ.

Имущественные отношения, составляющие предмет гражданского права Беларуси характеризуются теми же признаками, а именно равенством своих участников, автономией их воли и имущественной самостоятельностью, что следует из ст. 2 ГК, закрепляющей систему принципов, определяющих гражданские отношения. При этом, система принципов гражданского права как в Беларуси, так и в России является содержательно идентичной за исключением трех конституционных принципов, дополнительно включенных в систему принципов гражданского права Республики Беларусь.

Анализ общественных отношений, названных в ГК 1998 года в качестве предмета правового регулирования показывает их кардинальное отличие от общественных отношений, составляющих предмет правового регулирования нормами ГК 1964 года и нормами ГК 1922 года (ГК БССР 1923 года) несмотря на то, что участниками гражданско-правовых отношений в соответствии с нор-

мами трех кодексов неизменно являются граждане и организации.

Так, ГК 1998 года не ограничивает виды имущества, которое может находиться в собственности граждан, а также цели его использования; допускает участие граждан в предпринимательской деятельности без всяких ограничений; допускает участие граждан в создании коммерческих организаций; устанавливает национальный правовой режим для иностранных граждан, лиц без гражданства, иностранных и международных организаций со статусом юридического лица (организаций, не являющихся юридическими лицами), иностранных государств.

Таким образом, на основе анализа содержания общественных отношений, определяемых как предмет гражданско-правового регулирования, развивающихся в период с 1922 года и по настоящее время можно вполне определенно утверждать о существенной трансформации правопонимания в начале XX века, когда пришедшей к власти партией большевиков насаждались чуждые человеку ценности.

Сформировавшееся с 1917 года понимание места гражданского права и частных, по своей природе, гражданско-правовых отношений, в системе общественных отношений советского общества выразилось в применяемых для регулирования анализируемого спектра общественного взаимодействия административных методов правового регулирования, что, по нашему мнению, привело к краху социалистического способа общественного производства и распаду СССР. Очередная трансформация правопонимания произошла в конце XX века когда экономика СССР пришла в упадок не выдержав конкуренции с мировой экономикой, основывающейся на рыночных принципах регулирования, что явилось основой для прекращения непрочного существования СССР.

В силу последнего факта произошло активное внедрение в жизнь демократических институтов политического управления и возврат сознания людей к собственным человеческому сообществу приоритетам, в том числе к осознанию приоритета личных (семейных) ценностей и необходимости применения в процессе регулирования экономики частноправовых средств, учитывающих

объективные законы экономического развития.

Общественные отношения первой группы следует признать искусственно созданными, не присущими человеку, не обусловленными его естественными потребностями и, следовательно, возникающими исключительно в силу требований гражданско-правовых норм с целью создания надлежащих правовых условий развития общественных отношений, входящих во вторую и третью группы.

Если предположить, что когда-либо сознание человека достигнет той степени совершенства при которой поведение людей в отношении друг друга будет безукоризненным, не требующим государственного вмешательства и, следовательно, отпадет необходимость в гражданском праве, как средстве государственного воздействия на участников экономических отношений, то можно с уверенностью утверждать, что и отношения первой группы между людьми не возникнут.

Особенность общественных отношений второй и третьей групп состоит в том, что их существование обусловлено естественными потребностями человека в пище, одежде, других, необходимых человеку для нормального существования предметах материального мира. Указанные отношения возникают исключительно по воле участвующих в них лиц, а не в силу требований правовых норм, отсутствие которых не остановит процесс производства, обмена и потребления продукции. Анализируемые отношения, в отличие от отношений первой группы, а также от публично-правовых отношений не устанавливаются правом, а наоборот в некоторой степени ограничиваются им.

В связи с тем, что гражданско-правовые отношения, входящие в состав второй и третьей групп могут существовать сами по себе, вне установленного на государственной территории правопорядка, в процессе исследования гражданского права и урегулированных его нормами общественных отношений следует выделять фактические отношения и юридические отношения, в рамках которых поведение субъектов гражданского права может не совпадать. Например, юридически, субъект может обладать имуществом, а фактически нет и, наоборот. Вместе с тем в большинстве случаев фактическое и юридическое положение субъекта гражданского права совпадает.

Далее в соответствии с приведенной классификацией общественных отношений составляющих предмет гражданско-правового регулирования проведем анализ каждой из названных групп более детально.

Общественные отношения, входящие в первую группу следует рассматривать как первичные, определяющие возможности субъектов гражданского права по их дальнейшему участию в гражданско-правовых отношениях, определяющие процедуру создания субъектов гражданского права, основания и способы их взаимодействия друг с другом, иные условия участия в имущественных и личных неимущественных отношениях.

Указанная совокупность общественных отношений отдельными учеными выделяется в самостоятельную группу предмета гражданско-правового регулирования и именуется организационными отношениями.

Так, В.В. Ровный выделяет следующие группы организационных отношений, возникающие: в процессе создания и функционирования организаций со статусом юридического лица; при банкротстве должника; в процессе установления хозяйственных связей; в процессе установления очередности совершения различных действий, имеющих юридическое значение; в иных случаях, непосредственно не связанных с воздействием на объекты гражданского права и с личностью какого-либо субъекта [1, с. 22–24].

Согласно точке зрения В.А. Белова «гражданское право регулирует некоторые виды организационных отношений, возникающих, в частности, из учредительных договоров, договоров о создании юридических лиц и их учредительных документов, из предварительного договора, из договоров об организации перевозок, узловых соглашений, договоров централизованного завоза и вывоза грузов, из так называемых генеральных соглашений по поставкам, подрядным работам и др.» [2, с. 45].

Идея выделения в структуре предмета гражданско-правового регулирования организационных отношений не нова и в советский период развития цивилистической науки высказывалась О.А. Красавчиковым, который в предмет гражданско-правового регулирования включал четыре группы организационных от-

ношений: предпосылочные; делегирующие; контрольные; информационные [3, с. 50–57].

Поддерживая, в целом, идею о необходимости выделения в структуре предмета гражданского права организационных отношений С.С. Вабищевич дополнительно выделяет статутные (институциональные) отношения, лежащие, согласно утверждению ученого «в основе определения правосубъектности участников гражданского оборота», которая «является предпосылкой моделирования гражданских правоотношений» [4, с. 45–52].

Соглашаясь с утверждением С.С. Вабищевич о необходимости выделения в структуре предмета гражданского права не только организационных, но и отдельно статутных отношений в обоснование целесообразности их выделения следует указать на то, что участниками основной массы имущественных отношений могут быть не все субъекты гражданского права, а только те из них, правовое положение которых соответствует установленным нормами гражданского права критериям участия в том или ином гражданском правоотношении. К таким критериям следует отнести: 1) правоспособность; 2) дееспособность; 3) принадлежность субъекта гражданского права к одной из предусмотренных нормами гражданского права групп (физическое лицо (гражданин Республики Беларусь, иностранный гражданин, лицо без гражданства), не обладающее правовым статусом индивидуального предпринимателя; физическое лицо, обладающее правовым статусом индивидуального предпринимателя; коммерческая организация; некоммерческая организация; Республика Беларусь; административно-территориальная единица Республики Беларусь.

В соответствии с приведенными критериями определяется объем правосубъектности, предоставленный нормами гражданского права конкретному лицу и, соответственно, его возможностей по участию в иных гражданско-правовых отношениях.

Так, для того чтобы физическое лицо могло быть полноправным участником регулируемых нормами гражданского права общественных отношений, не связанных с предпринимательской деятельностью, оно должно обладать правосубъ-

ектностью в полном объеме. Например, несовершеннолетний в возрасте до четырнадцати лет не наделен нормами гражданского права полным объемом дееспособностью и, следовательно, в соответствии с нормами ст. 27 ГК вправе самостоятельно совершать только: 1) мелкие бытовые сделки; 2) сделки, направленные на безвозмездное получение выгод, не требующие нотариального удостоверения либо государственной регистрации; 3) сделки по распоряжению средствами, предоставленными законным представителем или с согласия последнего третьим лицом для определенной цели или свободного распоряжения.

Таким образом, круг возможных отношений второй группы, т.е. отношений по владению, пользованию и распоряжению имуществом, в которые может самостоятельно вступать несовершеннолетний в возрасте до четырнадцати лет, ограничен соответствующими нормами гражданского права.

Для участия в предпринимательской деятельности физическое лицо должно быть зарегистрировано в качестве индивидуального предпринимателя, что закреплено в ст. 22 ГК. При этом процедура приобретения на территории Беларуси статуса индивидуального предпринимателя гражданином отличается от приобретения аналогичного правового статуса иностранным гражданином. В случае несоблюдения требований о государственной регистрации осуществляемая предпринимательская деятельность будет признана незаконной со всеми вытекающими отсюда неблагоприятными последствиями, которые неизменно наступят для нарушителя государственно-правовых предписаний.

В том случае, когда физическое лицо пожелает стать, например, участником гражданско-правовых отношений финансовой аренды и, в частности, выступить в роли лизингополучателя, то в соответствии нормами ст. 636 ГК оно должно будет изначально приобрести правовой статус индивидуального предпринимателя либо выступить в качестве учредителя коммерческой организации и только после выполнения всех связанных с этим формальностей сможет лично либо опосредованно, через созданную коммерческую организацию, вступить в гражданско-правовые отношения финансовой аренды.

Правовое положение Республики Беларусь как субъекта гражданского права

отличается от правового положения иных участников гражданского оборота, что закреплено в соответствующих нормативных правовых актах. Так, например, согласно нормам, закрепленным в Указе Президента Республики Беларусь от 4 мая 2007 г. № 209 «О лотерейной деятельности на территории Республики Беларусь» Республика Беларусь имеет исключительное право на осуществление лотерейной деятельности на государственной территории.

Таким образом, на основании изложенного можно с полной уверенностью утверждать о том, что если у субъекта гражданского права возникнет желание вступить в гражданско-правовые отношения второй группы, то круг его возможностей в данной области общественного взаимодействия будет непосредственно зависеть от правового положения, т.е. основываться на отношениях первой группы. При этом, по нашему мнению, общественные отношения, возникающие в процессе наделения физических лиц соответствующей правосубъектностью либо в процессе создания организаций со статусом юридического лица следует квалифицировать как отношения статутные, т.е. отношения в процессе участия в которых создается новый субъект гражданского права либо приобретает соответствующий правовой статус лицо, признаваемое субъектом гражданского права.

Наряду со статутными отношениями, в структуру отношений первой группы, на что указывалось выше, отдельные ученые включают организационные отношения, что также является вполне обоснованным. В частности, отношения, возникшие между двумя субъектами гражданского права на основании предварительного договора безусловно следует рассматривать как организационные, направленные на создание легитимных предпосылок вступления указанных лиц в будущем в отношения второй группы, именуемые имущественными. Организационные отношения как таковые непосредственно имущественных прав и обязанностей у субъектов гражданского права не порождают, однако являются основанием для заключения в дальнейшем соответствующих договоров, направленных на возникновение непосредственно имущественных отношений. Такowymi также являются отношения, возникающие на основании договоров

об организации перевозок и ряд других аналогичных соглашений.

Отношения, направленные на подтверждение легитимности имущественных отношений, например, по передаче права собственности на объекты недвижимости к которым, в частности, относятся общественные отношения по государственной регистрации факта перехода права собственности на здание, сооружение и иные аналогичные объекты, их части также следует рассматривать как организационные.

Несмотря на то, что применительно к современному уровню развития цивилистической науки факт наличия в структуре предмета гражданско-правового регулирования статутных и организационных отношений следует признать в достаточной степени обоснованным в большинстве учебников по гражданскому праву, которые можно признать классическими, предлагается к изучению двухуровневая структура предмета гражданско-правового регулирования, состоящая из имущественных отношений и личных неимущественных отношений. Предлагаемый в учебниках подход присущ «советской цивилистической традиции». Цивилисты советского периода исследуя гражданско-правовые отношения в рамках научной школы, именуемой юридическим позитивизмом, опирались на содержание норм ГК 1922 года и ГК 1964 года в соответствующих статьях которых отсутствовало указание на то, что «гражданское законодательство определяет правовое положение участников гражданского оборота, основания возникновения и порядок осуществления права собственности и других вещных прав, прав на результаты интеллектуальной деятельности», как это сделано в ст. 1 ГК Беларуси. Вместе с тем, руководствуясь методами юридического позитивизма, являющегося и в настоящее время господствующей научной школой, ограничивающей научное познание гражданского права рамками исследования гражданско-правовых норм, в учебниках по гражданскому праву следовало бы, по нашему мнению, учесть новые подходы законодателя к определению структуры предмета гражданско-правового регулирования.

Отсутствие преемственности научных знаний, накопленных предшествующими поколениями или их использование без дальнейшего совершенствования,

соответствующего уровню политического и экономического развития общества, может, по нашему мнению, стать непреодолимым препятствием на пути дальнейшей эволюции правовой мысли человечества.

Таким образом, на основании изложенного можно сделать вывод о том, что на современном этапе развития как цивилистической доктрины, так и гражданского права в объективном смысле, т.е. как совокупности правовых норм, структура предмета гражданского права является трехуровневой, чем, в первую очередь, отличается от предмета правового регулирования, имманентного гражданскому праву СССР.

Первый уровень общественных отношений, составляющих предмет гражданско-правового регулирования состоит из двух групп отношений: 1) статутных и 2) организационных, которые в совокупности условно можно назвать управленческими гражданско-правовыми отношениями на наличие которых в предмете гражданско-правового регулирования, хотя и несколько с другим содержанием, указывает В.А. Витушко [5, с. 67–73].

Указанные, управленческие гражданско-правовые отношения в советский период развития гражданско-правовых отношений были заменены административными отношениями, основывающимися на государственных плановых актах и не были включены в предмет гражданского права по той причине, что не использовались на территории СССР в силу сложившихся политических условий управления экономикой.

Список использованных источников

1. Гражданское право : учеб. : в 3-х т. / Е.Н. Абрамова [и др.] ; под ред. А.П. Сергеева. – М. : ТК Велби, 2008. – Т. 1. – 1008 с.
2. Белов, В.А. Гражданское право. Общая часть. Т. 1. Введение в гражданское право : учебник / В.А. Белов. – М. : Юрайт, 2011. – 511 с.
3. Красавчиков, О.А. Гражданские организационно-правовые отношения / О.А. Красавчиков // Советское государство и право. – 1966. – № 10. – С. 50–57.

4. Вабищевич, С.С. Проблемы предмета гражданско-правового регулирования / С.С. Вабищевич // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2010. – № 2. – С. 45–52.

5. Витушко, В.А. Курс гражданского права: Общая часть: В 5-ти т. / В.А. Витушко – Минск : БГЭУ, 2001. – Т. 1. – 414 с.

ГЛАВА 2

МЕТОД ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

В соответствии с разработанной советскими учеными в рамках двух дискуссий о системе советского права (1938–1940-х гг.; 1954–1955 гг.) и применяемой в настоящее время предметно-методологической концепцией разделения права на отрасли, одним из критериев, определяющих гражданское право как отрасль права наряду с предметом правового регулирования, является метод правового регулирования, под которым традиционно понимается совокупность приемов и правовых средств, посредством использования которых государство оказывает регулирующее воздействие на участников определенных общественных отношений, в том числе и имущественных, возникающих в сфере материального производства [1, с. 29–32].

Проблемные аспекты используемого гражданским правом метода правового регулирования исследовали отдельные белорусские ученые.

В частности, В.А. Витушко, в процессе исследования метода гражданско-правового регулирования, провел анализ научных работ советского и постсоветского периода, выполненных по указанной проблематике и пришел к выводу о том, что «общенаучная методология, в том числе естественнонаучная, и техническая не чужды гражданско-правовой, а подлежат применению и к гражданским правоотношениям с учетом конкретных обстоятельств» [2, с. 108].

В ходе исследования процессов правового воздействия на участников предпринимательской деятельности С.С. Вабищевич указывает на то, что метод гражданско-правового регулирования применяется государством в процессе опосредования правовыми нормами горизонтальных предпринимательских отношений [3, с. 48–58].

В ходе исследования принципов гражданского права Н.Л. Бондаренко провела их анализ как правовых средств, характеризующих метод гражданско-правового регулирования и пришла к выводу о том, что «метод правового регулирования и принципы – это те правовые категории, без которых невозможна квалификация гражданских правоотношений как таковых, которые выступают в качестве критериев деления отраслей права» [4, с. 68].

Рассматривая особенности метода гражданско-правового регулирования В.Ф. Чигир пришел к выводу о том, что, в общем, под методом правового регулирования следует понимать систему свойственных данной отрасли права юридических приемов, способов, средств, используемых для регулирования соответствующих общественных отношений [5, с. 23].

Несмотря на то, что отдельные аспекты метода гражданско-правового регулирования нашли свое отражение в трудах белорусских ученых, ряд вопросов и, в частности, на зависимость метода правового регулирования от установленного на государственной территории правового режима, влияние содержания метода на экономическое развитие государства в рамках белорусских научных работ отражения не нашли.

В продолжение исследования необходимо отметить, что на каждом конкретном этапе политического и экономического государственного и общественного развития государственная власть использует для регулирования отношений материального производства такие правовые средства, которые обусловлены выбранным направлением развития экономики, политическими представлениями, сложившимися в государстве и обществе о праве собственности, процессах производства и распределения продукции, порядке взаимодействия производителей и государственной власти.

В целом применяемый метод правового регулирования зависит от политического режима, установленного на государственной территории, и соответствующих ему принципов государственного управления, в конечном счете допускающих или не допускающих возможность участия в экономической деятельности независимых от государства товаропроизводителей, их способность иметь на праве собственности средства производства и получать доход, не ограниченный размером.

Историческим примером применения различных правовых средств регулирования имущественно-стоимостных отношений, составляющих предмет гражданско-правового воздействия, может служить, в частности, тот факт, что «до 1932 г. в СССР заготовки сельскохозяйственных продуктов производились в порядке купли-продажи, с 1932 по 1958 г. – в порядке обязательных поставок, с 1958 г. они осуществляются путем государственных закупок – до 1960 г. только на основе обязательных для колхозов плановых заданий, а с 1961 г. и на основе договоров контрактации.

При всех четырех формах заготовок – налицо имущественные отношения между колхозами и государственными заготовительными органами. Но имущественные отношения, регулировавшиеся путем обязательных поставок, не тождественны имущественным отношениям, складывающимся в области заготовок сельскохозяйственных продуктов на основе государственных закупок и контрактационных договоров» [6, с. 53]. В приведенном примере ярко отражен факт применения различных средств правового регулирования к одним и тем же общественным отношениям, возникающим и развивающимся с неизменяемой главной целью – обеспечение государственных нужд продукцией сельскохозяйственного производства.

Обязательные для колхозов плановые задания безусловно квалифицируются как административные акты, исполнение которых основано на императивном методе правового регулирования, а договоры контрактации представляют собой гражданско-правовое средство, использование которого сопряжено с применением диспозитивного метода правового регулирования [6, с. 305].

Анализируемые отношения на протяжении всего указанного периода времени, а также и на настоящем этапе экономического развития, составляют предмет гражданско-правового регулирования, что наглядно показывает зависимость применяемого к определенным общественным отношениям метода правового регулирования от политических и экономических условий развития общества и государства без изменения сути регулируемых общественных отношений, и указывают на возможность изменения используемых средств правового воздействия на субъектов гражданского права в зависимости от конкретных задач, стоящих перед государством в каждый определенный период государственного развития.

Зависимость метода гражданско-правового регулирования от установленного на государственной территории политического режима обусловлена тем обстоятельством, что, во-первых, регулируемые нормами гражданского права имущественные отношения составляют экономическую основу государственного развития.

Во-вторых, в процессе участия в таких отношениях обеспечивается экономическая, в том числе продовольственная и энергетическая безопасность государства, создаются фонды различного имущества, условия для его накопления как государством, так и частными лицами.

Процесс развития гражданского права как отрасли права на территории России и Беларуси, если его рассматривать за относительно обозримый период, с точки зрения применяемых методов правового регулирования можно условно разделить на три этапа:

- досоветский этап развития, озаглавленный разработкой проекта Гражданского уложения Российской империи;
- советский этап развития, за который прошло две кодификации гражданского законодательства;
- постсоветский этап развития, связанный с очередной кодификацией гражданского законодательства, продолжающийся и в настоящее время.

Каждому из названных этапов присущи свои специфические особенности

политического управления обществом и соответствующая им совокупность приемов и правовых средств воздействия на участников гражданско-правовых отношений, т.е. свой специфический метод правового регулирования, отражающий представления государственной власти о качестве и содержании имущественно-стоимостных товарно-денежных эквивалентно-возмездных отношений, составляющих основной предмет гражданского права.

При этом гражданское право как правовое средство регулирования общественных отношений, возникающих в сфере материального производства, изначально выраженное в разрозненных нормативных правовых актах системы гражданского законодательства, впоследствии кодифицированное, весь указанный выше период времени неизменно входило в состав системы права государства и использовалось государственной властью для воздействия непосредственно на участников экономических отношений.

Первый, досоветский этап развития гражданского права характеризуется наличием частной собственности на землю и иные объекты недвижимости, включая единые имущественные комплексы, на продуктивный и рабочий скот, иное имущество, что присуще капиталистическому пути государственного экономического развития. По пути капитализации экономических отношений пошли Россия и Беларусь в постсоветский период.

Досоветский период развития экономических отношений, гражданско-правовых норм, регулирующих поведение участников экономических отношений и способов воздействия на их поведение, характеризуется крепостным правом, действовавшим на территории Российской империи до 1861 г., допускавшим, по сути, рабовладение крестьянами, поставленными в личную, административную и поземельную (имущественную) зависимость от землевладельца, ярко выраженным делением людей на сословия, концентрацией большого количества земель в вотчинах, находившихся на праве собственности у дворян, составляющих относительно небольшую часть населения Российской империи, в состав которой входили и земли современной Беларуси.

Крепостное право с точки зрения правового регулирования превращало лю-

дей не в субъектов экономической деятельности, а в объект правоотношений, в частности, в предмет договоров купли-продажи, мены.

Такое положение крепостных крестьян исключало возможность их активного самостоятельного участия в экономической деятельности в качестве производителей и продавцов товаров, работ, услуг, исключало их из состава субъектов частной собственности на землю и средства производства.

По сути основную часть населения, способного к самостоятельному эффективному труду и участию в экономических отношениях, была отстранена от процессов производства материальных благ, основанного на частной инициативе. Использование рабского труда крепостных крестьян на мануфактурах сказывалось на их низкой эффективности, вызванной, в том числе, отсутствием заинтересованности работников в результатах своего труда.

Сложившаяся система общественных отношений обусловила и применяемые для регулирования имущественных отношений приемы и средства регулирования, характеризующиеся выводом отдельной части населения из состава субъектов гражданского права и участников гражданско-правовых отношений, по сути, пораженных в имущественных правах.

Изменение взглядов государственной власти и общества на систему общественных отношений, выразившееся в отмене крепостного права, оказало влияние и на складывающееся в обществе правопонимание и, соответственно, на используемый метод гражданско-правового регулирования. Так, Проект гражданского уложения Российской империи, в отличие от предшествовавшего ему гражданского законодательства, признавал способность иметь и приобретать гражданские права, личные и имущественные, с рождения и до смерти за всеми людьми, что нашло свое закрепление в ст. 1 главы 1 Проекта. В развитие норм ст. 1 Проекта в его ст. 2 было закреплено правило, согласно которому каждое лицо пользовалось всеми гражданскими правами без различия пола, исповедания, происхождения и состояния, с теми лишь изъятиями, которые положительно указаны в законе.

Следовательно, нормы, закрепленные в Проекте гражданского уложения Рос-

сийской империи, регулировали гражданские отношения, используя правовые средства, устанавливающие юридическое равенство участников гражданских отношений через равенство их правоспособности и дееспособности, единые моменты их возникновения и прекращения у всех лиц независимо от пола, расы, вероисповедания и т.п.

По сути, содержание норм Проекта гражданского уложения Российской империи свидетельствовало о намерении государственной власти использовать в процессе воздействия на экономические отношения присущий современному демократическому обществу диспозитивный метод правового регулирования, уравнивающий всех лиц в гражданских правах и допускающий достаточно широкое усмотрение сторон в процессе участия в гражданско-правовых отношениях.

В отличие от гражданского права досоветской России, строившегося на идеях капиталистического способа производства, содержание гражданского права советского периода и применяемый в процессе регулирования имущественных отношений метод были обусловлены коммунистическими воззрениями государственной власти, основанными на идеях К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина (В.И. Ульянова). Если исключить из советского периода развития гражданского права период НЭП, когда коммунистическая власть на непродолжительный срок повернула ход экономического развития в допустимых с ее точки зрения пределах в сторону капитализации процессов материального производства, то можно с достаточной степенью определенности утверждать о том, что правовое регулирование имущественных отношений на территории бывшего СССР осуществлялось на основании императивного метода [7, с. 304–312].

Непосредственно на императивный метод (метод централизации, имманентный административному праву) опиралось управление полностью огосударственной экономикой, которая, в силу используемого метода правового регулирования, характеризовалась как административно-командная. Прикрываясь коммунистическими лозунгами о необходимости воплощения в жизнь высоких идей коммунизма, в государстве посредством императивного метода регулиро-

вания экономических отношений, включая и трудовые, граждане СССР законодательно были лишены права иметь в собственности какое-либо значимое по стоимости имущество, легальной возможности получения средств к существованию способом иным, чем низкооплачиваемый труд в государственных организациях, были лишены предпринимательской инициативы и, как следствие, возможности самостоятельного осуществления хозяйственной деятельности с целью получения прибыли. В ст. 1 ГК БССР 1964 г. была закреплена цель регулирования имущественных и связанных с ними личных неимущественных отношений, в качестве которой указывалось на создание материально-технической базы коммунизма.

Основой имущественных отношений в советском обществе была определена социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на средства производства. Кроме того, нормами названной статьи в качестве метода гражданско-правового регулирования прямо предусматривался императивный метод, свойственный административно-правовому регулированию. Так, согласно указанным нормам хозяйственная жизнь Белорусской ССР определялась и направлялась государственными планами экономического и социального развития. Содержание метода гражданско-правового регулирования, выражающееся в принципах гражданского права, в полной мере соответствовало закрепленной в ГК 1964 г. цели регулирования имущественных и связанных с ними личных неимущественных отношений.

Так, регулирующее воздействие государства на участников имущественных отношений основывалось на следующих постулатах:

- всемерной охраны, укрепления, совершенствования и развития социалистических общественных отношений, социалистической системы хозяйства и социалистической собственности;
- обеспечения планового начала и плановой дисциплины в отношениях социалистических организаций, сочетания планового руководства с имущественной самостоятельностью социалистических организаций, развития их самостоятельности и инициативы;

- соблюдения начал хозяйственного расчета и материальной заинтересованности;
- правильного сочетания личных интересов с общественными;
- равноправия субъектов гражданского права;
- товарищеского сотрудничества сторон, участвующих в имущественных отношениях, добросовестности сторон в осуществлении прав и исполнении обязанностей [8, с. 17–21].

Содержание приведенных принципов правового регулирования имущественно-стоимостных отношений, входящих в предмет гражданского права, указывает на то, что частные имущественные интересы граждан, для учета которых, по сути, предназначено гражданское право, в период СССР практически не учитывались, а основная задача гражданско-правового регулирования заключалась в развитии и поддержании государственной экономики, основанной на государственной собственности на средства производства.

В соответствии с выбранным методом правового регулирования и установленными целями регулирования имущественных отношений в ГК БССР 1964 г. определялись и имущественные возможности граждан, которым, согласно нормам ст. 99 ГК разрешалось иметь на праве собственности предметы обихода, личного потребления, удобства и подсобного домашнего хозяйства, жилой дом и трудовые сбережения. Перечень имущества, которое мог иметь на праве собственности советский человек, был закрытым.

Нормами, закрепленными в п. 3 указанной статьи ГК БССР, запрещалось использовать имущество, находящееся в личной собственности, для извлечения нетрудовых доходов, которыми, по общему правилу, признавались любые доходы, полученные вне рамок процесса труда на принадлежащих государству фабриках, заводах и других имущественных комплексах.

Постсоветский период развития правопонимания вообще, и цивилистической мысли – в частности характеризуется кардинальным изменением политической системы как российского, так и белорусского общества, заменой авторитарного политического режима демократическим, развитием системы права, в том чис-

ле гражданского права и опосредованной его нормами экономической системы в соответствии со сложившимися на современном этапе государственного развития политическими взглядами общества.

Императивный метод правового регулирования, применяемый в процессе государственного воздействия на субъектов экономической системы и провозглашавший такой принцип участия в экономических отношениях, согласно которому было запрещено все, что прямо не разрешалось правовыми нормами, заменен кардинально противоположенным диспозитивным методом правового регулирования, согласно императивам которого участникам гражданско-правовых отношений разрешены любые варианты поведения, прямо не запрещенные правовыми нормами.

Согласно применяемому методу правового регулирования Республика Беларусь на современном этапе развития идет по пути активной либерализации государственной экономики, что нашло свое законодательное закрепление в Директиве Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь».

Таким образом, в результате изменения политических приоритетов в очередной раз претерпело изменение понимание того, каким должно быть гражданское право, в целом, и используемые им приемы государственного воздействия на участников экономических отношений, в частности.

Это, в свою очередь, отразилось на содержании гражданско-правовых норм и перечне предоставленных гражданам возможностей, в том числе на составе имущества, которое может находиться в частной собственности, и правах граждан по участию в экономических отношениях, складывающихся как на государственной территории, так и за ее пределами.

Изложенное позволяет сделать общий вывод о том, что содержание метода правового регулирования гражданско-правовых отношений, состав входящих в содержание метода правовых средств и используемых государственной властью приемов правового воздействия на участников экономических отношений постав-

лены в прямую зависимость от выбранного обществом и государством пути политического развития, поставленных перед обществом и государством целей и при неизменности предмета правового регулирования на разных этапах развития общества могут быть различными. При этом, процедура закрепления выбранных правовых средств и способов воздействия на участников экономических отношений в Конституции, Гражданском кодексе и иных нормативных правовых актах делает их легитимными и, следовательно, допустимыми независимо от содержания.

Исторические примеры изменения содержания правового воздействия на участников гражданско-правовых отношений от метода координации в досоветский и постсоветский период до метода субординации (административно-командного способа управления) в период экономического развития СССР и краха советской экономической системы убедительно показывают необходимость тщательного выбора применяемых правовых средств, ограниченного администрирования экономических процессов во избежание подавления частной предпринимательской инициативы.

Список использованных источников

1. Маньковский, И.А. Гражданское право. Общая часть : в 3 т. / И.А. Маньковский, С.С. Вабищевич. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2013. – Т. 1: Введение в гражданское право. – 488 с.
2. Витушко, В.А. Курс гражданского права. Общая часть : в 5 т. / В.А. Витушко. – Минск : БГЭУ, 2001. – Т. 1. – 414 с.
3. Вабищевич, С.С. Предпринимательское право: состояние и перспективы развития предпринимательской деятельности : монография : в 2 т. / С.С. Вабищевич. – Минск : Молодежное, 2008. – Т. 1. – 498 с.
4. Бондаренко, Н.Л. Принципы гражданского права Республики Беларусь / Н.Л. Бондаренко. – Минск : БГЭУ, 2007. – 179 с.
5. Гражданское право. Общая часть : учебник : в 3 т. / А.В. Каравай [и др.] ;

под ред. В.Ф. Чигира. – Минск : Амалфея, 2008. – Т. 1. – 864 с.

6. Братусь, С.Н. Предмет и система советского гражданского права / С.Н. Братусь. – М. : Госюриздат, 1963. – 197 с.

7. Витушко, В.А. Теоретические основы современного правопонимания : общеправовой и отраслевой правовой подходы : монография / В.А. Витушко, С.С. Вабищевич, И. А. Маньковский ; под науч. ред. В.А. Витушко. – Минск : Международный ун-т «МИТСО», 2012. – 392 с.

8. Гражданское право БССР : в 3 т. / К.А. Борзова [и др.] ; под ред. В.Ф. Чигира. – Минск : Изд-во БГУ, 1975. – Т. 1. – 384 с.

ГЛАВА 3

СИСТЕМА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: СОВРЕМЕННАЯ НАУЧНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Процедура применения правовых норм, в том числе и гражданского права, предполагает установление между отдельными нормами, представляющими множество элементов системы права, некоторых взаимосвязей, необходимых для эффективного правоприменения, определенных логикой правового регулирования и позволяющих объединить правовые нормы в однородные группы в зависимости от целей правового опосредования, требуемого правового результата и тех групп общественных отношений для воздействия на участников которых будет применяться та или иная совокупность правовых норм.

В соответствии с названными целями нормы права объединены в систему права, состоящую из двух групп крупных правовых образований, именуемых отраслями публичного права и отраслями частного права, что предопределено наличием двух взаимообусловленных сфер общественного взаимодействия: публичной сферы и частной сферы. При этом, непосредственно под системой права, на что указывает В.С. Нерсесянц, следует понимать юридико-доктриналь-

ную категорию и конструкцию, включающую в себя нормы права и объединяющие их правовые институты и отрасли права [1, с. 430], что свидетельствует о дифференциации норм, входящих в систему права, в первую очередь, по отраслям права, включающим в себя более дробную дифференциацию правовых норм. Таким образом, традиционно, к элементам системы права относят правовые нормы, правовые субинституты, правовые институты, подотрасли и отрасли права [2, с. 180–183].

Исходя из того, что гражданское право является базовой отраслью частного права, в гражданское право входят все перечисленные элементы системы права.

Изложенное позволяет определить систему гражданского права как совокупность расположенных в определенной логической последовательности взаимосвязанных и взаимозависимых, сбалансированных между собой элементов, обеспечивающих полное системное регулирование экономических отношений, возникающих на государственной территории в процессе производства, обмена и потребления продукции.

Исторически сложилось два способа отраслевого расположения норм гражданского права объединенных в две соответствующие системы: институционную и пандектную.

В соответствии с институционной системой нормы гражданского права располагаются в трех разделах: лица, собственность, способы приобретения собственности, что свойственно ГК Франции. Отличительной чертой указанной системы является группировка норм ГК в одной (единой) части.

Специфика пандектной системы состоит в том, что нормы гражданского права объединены в две группы, разделенные на части: общую и особенную. В общую часть включены нормы, применяемые для регулирования общих вопросов гражданского оборота и распространяющие свое действие на все общественные отношения, составляющие предмет гражданского права, что исключает необходимость повторного размещения указанных норм в специальных институтах гражданского права, закрепленных в Особенной части ГК.

Система гражданского права Беларуси, являясь пандектной, состоит из об-

щей и особенной частей. При этом, на что обращает внимание В.А. Белов «термином «Общая часть гражданского права» традиционно обозначаются два понятия – широкое и более узкое (входящее в первое). Материал общей части в широком смысле традиционно считается соответствующим материалу части первой (ст. 1–453 ГК Российской Федерации; *смст. 1–423 ГК – Прим. авт.*) действующего ГК, т.е. нормам Гражданских кодексов от общих положений о гражданском законодательстве до общей части обязательственного права включительно. Общей частью гражданского права в узком смысле принято называть лишь материал, в равной степени относящийся ко всем видам субъективных гражданских прав, как к относительным, так и к абсолютным (раздел 1 (ст. 1–208) ГК Российской Федерации (*смст. 1–209 ГК – Прим. авт.*): от общих положений до исковой давности с прибавлением (с некоторых пор) общих положений о гражданско-правовой ответственности)» [3, с. 95].

Таким образом, в общую часть гражданского права в широком смысле включены следующие разделы: 1. Основные положения. 2. Лица. 3. Объекты гражданских прав. 4. Сделки и представительство. 5. Сроки. Исковая давность. 6. Право собственности и другие вещные права. 7. Общие положения об обязательствах. 8. Общие положения о договоре.

В современной юридической литературе встречается подход, при котором общую часть рассматривают в узком смысле и включают в нее «<...> основные положения: о понятии и принципах гражданского права; о субъектах гражданского права; об объектах гражданских правоотношений; о возникновении, изменении и прекращении гражданских правоотношений; об осуществлении и защите гражданских прав; о сроках в гражданском праве» [4, с. 78–79].

Приведенный подход к изучению общей части гражданского права встречается в настоящее время достаточно редко из-за его несовпадения с распределением норм гражданского права в общей и особенной частях ГК. Таким образом, изучение гражданского права используя традиционное деление его норм на общую часть в широком смысле и особенную часть, что нашло свое закрепление в ныне действующем ГК, следует признать более оправданным.

Специфика общественных отношений, регулируемых нормами, входящими в общую часть в ее узком смысле, такова, что не позволяет сгруппировать их в подотрасли гражданского права. Это связано с тем, что нормы, входящие в общую часть, являются разнообразными, распространяют свое действие на все гражданско-правовые отношения, позволяют применить единообразный подход к их регулированию.

Так, нормами общей части определяются предмет и принципы гражданско-правового регулирования, закрепляются его объекты, определяется правовой статус субъектов гражданского права, дается понятие и классификация сделок, определяются условия их недействительности, закрепляются требования к форме сделок, устанавливается продолжительность исковой давности, условия и процедура участия в отношениях представительства.

В состав общей части гражданского права, но уже в широком смысле, наряду с правовыми институтами, к которым относятся граждане (физические лица), юридические лица, сделки, представительство и доверенность, сроки, исковая давность, входит одна подотрасль гражданского права – «Право собственности и другие вещные права», а также часть подотрасли «Обязательственное право», именуемая «Общая часть обязательственного права». В целом, как отмечает Н.Д. Егоров «значение общей части в гражданском праве трудно переоценить. Она отражает однородность предмета отраслевого регулирования, служит объединяющим началом для всех отраслевых норм, выражает общность их юридического содержания» [5, с. 34]. Точку зрения Н.Д. Егорова разделяет В.П. Камышанский согласно утверждению которого «общая часть выступает объединяющим началом для всей отрасли гражданского права, позволяющим обеспечить единые подходы к правовому регулированию общественных отношений различными институтами гражданского права» [6, с. 30–31].

Особенная часть гражданского права, применительно к устоявшемуся в цивилистической науке подходу к содержанию Общей части, состоит из двух полных подотраслей гражданского права: «Исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальная собственность)» и «На-

следственное право», а также включает в себя вторую, специальную часть подотрасли «Обязательственное право», именуемую «Отдельные виды обязательств».

Если исследовать систему гражданского права используя второй подход согласно которому Общая часть рассматривается в узком смысле, то в Особенную часть следует включить следующие подотрасли: «Право собственности и другие вещные права»; «Обязательственное право»; «Исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальная собственность)» и «Наследственное право». Нормы, включенные в Общую часть ГК до Раздела II при таком подходе составляли бы Общую часть гражданского права, на что указывалось выше.

Подотрасль гражданского права «Право собственности и другие вещные права» опосредует статистику имущественных отношений, закрепляет состояние принадлежности вещей определенным субъектам гражданского права, определяет пределы возможного господства собственника над принадлежащей ему вещью, закрепляет перечень ограниченных вещных прав, пределы возможного поведения их субъектов в отношении вещей, принадлежащих собственнику, устанавливает способы защиты прав собственников и иных титульных (законных) владельцев в случае их нарушения.

Подотрасль гражданского права, именуемая «Обязательственное право», в отличие от подотрасли «Право собственности и другие вещные права» опосредует динамику гражданско-правовых отношений или процесс перехода имущественных прав от собственников к иным лицам. Анализируемая подотрасль состоит из двух крупных частей, именуемых «Общая часть обязательственного права» и «Отдельные виды обязательств».

При этом, на что указывалось выше, раздел III ГК «Общая часть обязательственного права», представляющий собой общие положения, применяемые в процессе заключения, изменения и исполнения всех гражданско-правовых договоров, составляющих раздел IV ГК «Отдельные виды обязательств» включен в состав Общей части ГК и, соответственно, в Общую часть гражданского пра-

ва как учебной дисциплины. Раздел III ГК «Общая часть обязательственного права» включает в себя два подраздела «Общие положения об обязательствах» и «Общие положения о договоре».

Раздел IV ГК «Отдельные виды обязательств» дифференцируется на отдельные институты гражданского права в качестве которых выступают нормы гражданского права объединенные в соответствующих главах ГК. Например, глава 30 «Купля-продажа», глава 34 «Аренда», глава 47 «Хранение» и другие главы Раздела IV ГК. Многие институты анализируемой подотрасли включают в себя субинституты, нормы которых закреплены в параграфах, расположенных в главах исследуемой подотрасли. Например, §§ 1–8 главы 30 ГК, §§ 1–3 главы 47 ГК и т.д.

В указанную подотрасль включены и такие гражданско-правовые институты, в состав которых субинституты не входят. Например, глава 31 «Мена», глава 32 «Дарение». Нормы подотрасли «Обязательственное право», во взаимодействии с нормами, содержащимися в институтах общей части ГК, опосредуют процедуру заключения и исполнения всех гражданско-правовых договоров, практически весь процесс динамики гражданско-правовых отношений, а также некоторые обязательственные правоотношения, возникающие из односторонних сделок и деликтов.

Следующей является подотрасль, именуемая «Исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальная собственность)», включающая 9 институтов, один из которых состоит из трех субинститутов. Нормы названной подотрасли регулируют общественные отношения, возникающие в процессе создания и использования объектов интеллектуальной собственности, что в последнее время приобретает все большую актуальность (особенно вопросы защиты имущественных и личных неимущественных прав авторов произведений науки, литературы, искусства, изобретений, промышленных образцов и т.п.).

Последняя подотрасль гражданского права «Наследственное право» включает в себя пять гражданско-правовых институтов, нормы которых регулируют

общественные отношения по переходу прав и обязанностей умершего лица к другим лицам или государству в процессе универсального правопреемства.

Таким образом, нормы Общей и Особенной частей гражданского права, закрепленные в ГК составляют единую целостную систему, предназначенную для регулирования имущественно-стоимостных эквивалентно-возмездных товарно-денежных отношений, возникающих между юридически равными субъектами обладающими имущественной самостоятельностью и автономной волей, а также для защиты личных неимущественных прав названных субъектов.

В юридической литературе встречаются и другие подходы к определению системы гражданского права и, в частности, к определению количества подотраслей, входящих в систему гражданского права и их названий.

Так, Е.А. Суханов Общую часть гражданского права рассматривает в узком смысле и, соответственно, в Особенную часть включает пять подотраслей: вещное право, обязательственное право, права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, наследственное право, гражданско-правовое регулирование и защита личных неимущественных благ [4, с. 79]. Егоров Н.Д. также как Е.А. Суханов рассматривая Общую часть гражданского права в узком смысле в состав Особенной части гражданского права включает семь подотраслей: право собственности и другие вещные права, права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, обязательственное право, корпоративное право, право на защиту личных нематериальных благ, семейное право, наследственное право [5, с. 35].

Применительно к приведенным подходам следует пояснить, что семейное право, в частности на территории Республики Беларусь, в настоящее время официально не включено в состав гражданского права и представляет собой самостоятельную отрасль частного права, хотя и выделившуюся из гражданского права в советский период развития цивилистической науки. Безусловно, в настоящее время после того как юридическая наука стала очищаться от коммунистических догм и политического влияния на свое содержание такое правовое образование, как семейное право следует вернуть в гражданское право в качестве подотрасли, что

предопределено логикой правового регулирования имущественных отношений и охраны личных неимущественных благ.

Вместе с тем, до тех пор пока это не сделано официально и не является общепризнанным семейное право следует рассматривать как самостоятельную отрасль частного права.

Такая подотрасль гражданского права как «Корпоративное право» также в настоящее время официального признания не получила хотя дискуссия о необходимости ее формирования и признания ведется не первое десятилетие. В настоящее время так называемое «корпоративное право», по нашему мнению, следует рассматривать как институт Общей части гражданского права, именуемый «Юридические лица» в который кроме норм ГК следует включить соответствующие законы нормы которых конкретизируют и детализируют правовой статус отдельных групп коммерческих и некоммерческих организаций: хозяйственных обществ, общественных объединений, политических партий, религиозных организаций, профессиональных союзов и др.

Безусловно, применительно к тому объему правовых норм который в настоящее время закреплён в специальных законодательных актах, посвященных детализации правового статуса различных организаций со статусом юридического лица, а также с учетом соответствующих правовых норм, закрепленных непосредственно в ГК, вся их совокупность, определяющая процедуру создания, функционирования и ликвидации коммерческих и некоммерческих организаций может претендовать на объединение в отдельную подотрасль гражданского права, именуемую «корпоративное право». Однако до официального признания такого объединения правовых норм вести речь о существовании названной подотрасли преждевременно.

Аналогичные замечания можно сделать в отношении выделяемой Е.А. Сухановым подотрасли «Гражданско-правовое регулирование и защита личных неимущественных благ» и Н.Д. Егоровым – подотрасли «Право на защиту личных нематериальных благ».

Очевидным является тот факт, что оба ученых называют по разному одну и ту

же совокупность правовых норм, направленную на защиту личных неимущественных благ, которая в качестве самостоятельной подотрасли гражданского права официально не признана и законодательно в соответствующий раздел ГК не оформлена. В этой связи, в настоящее время можно вести речь не о подотрасли гражданского права, а о разрозненной совокупности правовых норм, опосредующих однородную группу общественных отношений.

Точку зрения, аналогичную приведенной, высказывает В.Ф. Чигир, согласно утверждению которого «<...> массив норм, гражданского права, обеспечивающих защиту личных неимущественных благ, явно недостаточен для формирования отдельной подотрасли гражданского права. Эти нормы составляют отдельный институт гражданского права, не входящий ни в одну из его подотраслей» [7, с. 43–44].

Таким образом, применительно к современной системе гражданского права Беларуси, следует вести речь о четырех полностью сформировавшихся подотраслях гражданского права безотносительно деления гражданского права на Общую и Особенную части: право собственности и другие вещные права; обязательственное право; исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальная собственность); наследственное право, на что также указывает В.Ф. Чигир [7, с. 43].

Применительно к системе гражданского права, предлагаемой Е.А. Сухановым, Н.Д. Егоровым и рядом других ученых можно констатировать тот факт, что научные разработки в этом направлении безусловно являются актуальными и в условиях динамичного развития экономических отношений и системы гражданского права, как правового средства регулирования экономических отношений – необходимыми.

В качестве приоритетов таких исследований можно назвать:

- формирование корпоративного права, как подотрасли гражданского права;
- объединение разрозненных правовых норм, направленных на защиту личных неимущественных благ, носящих, в первую очередь, естественно-правовой характер, в подотрасль гражданского права, что позволит осуществлять защиту

указанных благ на качественно новом уровне;

– возврат в систему гражданского права в качестве подотрасли норм, регулирующих отношения семьи и брака исключив из их состава административные нормы, опосредующие регистрацию актов гражданского состояния с перераспределением их в административное право;

– возврат в систему гражданского права в качестве подотрасли норм, регулирующих жилищные отношения, предварительно выделив из них правовые нормы административного характера, регламентирующие процедуру постановки на учет нуждающихся в улучшении жилищных условий, отказе в постановке, движения очереди, снятия с учета в органах местного управления и самоуправления, иные административные вопросы предоставления и эксплуатации жилых помещений государственного жилищного фонда с включением указанных норм, опосредующих процессы государственного управления жилищным фондом, в административное право;

– возврат в систему гражданского права в качестве подотрасли норм, регулирующих трудовые отношения между нанимателем и работником, исключив из их совокупности нормы административно-правового характера, предоставляющие работникам социальные гарантии и компенсации, объединив их в комплексную отрасль законодательства – право социального обеспечения;

– формирование подотрасли гражданского права с условным названием «природоресурсное право», в рамках которого должны быть объединены правовые нормы земельного, водного, лесного и т.п. кодексов, регулирующие по сути своей гражданско-правовые отношения, возникающие в процессе использования природных объектов, перехода вещных прав на них, защите вещных прав на природные объекты.

Необходимость восстановления гражданского права как отрасли права в выше указанных границах, вызвана тем обстоятельством, что выделение из гражданского права семейного, жилищного, трудового, земельного права было обусловлено не экономическим смыслом, а основано на господствующей после 1917 г. коммунистической идеологии, признанной не соответствующей мо-

ральным устоям общества, принципам его экономического развития, которое после относительно непродолжительного советского периода получило развитие по объективным законам экономики, основанным на демократических принципах политического управления обществом и государством, действительных потребностях человека.

Список использованных источников

1. Нерсесянц, В.С. Общая теория права и государства : учеб. / В.С. Нерсесянц. – М. : НОРМА, 2001. – 552 с.
2. Общая теория права : учеб. / Ю.А. Дмитриев [и др.] ; под общ. ред. А.С. Пиголкина. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1995. – 383 с.
3. Белов, В.А. Гражданское право : общая часть : учеб. / В.А. Белов. – М. : Юрайт, 2011. – Т. 1: Введение в гражданское право. – 521 с.
4. Российское гражданское право : учеб.: в 2-х т. / В.С. Ем [и др.] ; под общ. ред. Е.А. Суханова. – М. : Статут, 2010. – Т. 1. – 958 с.
5. Гражданское право : учеб.: в 3-х т. – 7-е изд., перераб. и доп. / Н.Д. Егоров [и др.] ; под общ. ред. Ю.К. Толстого. – М. : Проспект, 2011. – Т. 1. – 784 с.
6. Гражданское право : учеб.: в 2-х ч. / А.В. Барков [и др.] ; под общ. ред. В.П. Камышанского, Н.М. Коршунова, В.И. Иванова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2011. – Ч. 1. – 704 с.
7. Гражданское право : учеб. : в 3 т. / А.В. Каравай [и др.] ; под общ. ред. В.Ф. Чигира. – Минск : Амалфея, 2008. – Т. 1. – 864 с.

ГЛАВА 4

ГРАЖДАНСКИЙ КОДЕКС РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

В соответствии с нормами ст. 1 Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 г. «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» кодекс (кодифицированный нормативный правовой акт) представляет собой закон, обеспечивающий полное системное регулирование определенной области общественных отношений.

Исходя из приведенного определения кодекса ГК Республики Беларусь можно определить как кодифицированный закон, предназначенный для полного системного регулирования общественных отношений, возникающих на территории Беларуси по поводу производства, обмена и потребления материальных благ.

Гражданский кодекс Беларуси принят 7 декабря 1998 г., вступил в силу 1 июля 1999 г. (глав 4 «Юридические лица» – с 5 марта 1999 г.). ГК Российской Федерации состоит из четырех частей. Часть первая принята 30 ноября 1994 г., часть вторая – 26 января 1996 г., третья часть, состоящая из разделов V «Наследственное право» и VI «Международное частное право», принята 26 ноября 2001 г., а четвертая часть, состоящая из раздел VII «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации», – 18 декабря 2006 г.

Достижение цели полного системного регулирования соответствующих общественных отношений возможно только в том случае, если ГК будет обладать высшей после Конституции юридической силой, что обеспечит полное соответствие содержанию норм ГК содержания норм, закрепленных в иных нормативных правовых актах системы гражданского законодательства, которые в таком случае должны приниматься на основании и в соответствии с ГК.

Однако, в соответствии с нормами ст. 137 Конституции и ст. 3 ГК, в системе гражданского законодательства Беларуси второе по юридической силе место

после Конституции занимают временные декреты и указы Главы государства, принятые в соответствии с Конституцией, что существенно изменяет положение ГК и закрепленных в нем норм гражданского права содержание которых может быть изменено нормами, закрепленными в декрете или указе.

Такое место ГК в иерархической системе гражданского законодательства лишает участников гражданских отношений гарантии стабильности условий участия в экономической деятельности, порождает необходимость учета норм, содержащихся не только в ГК, но и в многочисленных нормативных правовых актах, принятых как в соответствии с ГК, так и в соответствии с указами и декретами Президента, как нормативными правовыми актами, обладающими большей чем ГК юридической силой. Причем, нормативные правовые акты изначально рассматриваемые как подчиненные ГК по юридической силе, но принятые во исполнение временного декрета или указа, основанного на Конституции, могут содержать нормы, изменяющие установленный нормами ГК правопорядок, что также усложняет процедуру правоприменения.

Действительный состав и иерархическая структура системы гражданского законодательства Беларуси в которую включены практически все нормативные правовые акты системы законодательства, предусмотренные Законом о нормативных правовых актах, обусловили закрепление в ГК большого количества отсылочных норм, что исключает возможность полного системного регулирования гражданских общественных отношений одним кодифицированным нормативным правовым актом, т.е. Гражданским кодексом. Отсылочные нормы ГК заканчиваются фразой «если иное не предусмотрено законодательными актами» и отсылающие к декретам, указам или законам либо фразой «если иное не предусмотрено законодательством» и отсылающие к любому нормативному правовому акту системы законодательства.

Так в ГК по состоянию на 1 июня 2012 г. содержалось 16 отсылок к законодательным актам (см., например: стст. 4, 57, 59, 92, 113, 168, 226, 272, 311 и др.) и 64 отсылки к законодательству (см., например: стст. 420, 424, 441, 445 и др.).

Из приведенных примеров видно, что система гражданского законодательст-

ва построена таким образом, что процедура участия в значительной части общественных отношений, возникающих в процессе производства, обмена и потребления продукции может быть урегулирована нормативными правовыми актами различного юридической силы. Причем, отсылки к иному законодательству построены таким образом, что нормы любого нормативного правового акта, теоретически находящегося в подчиненном ГК положении, могут изменять установленный ГК правопорядок.

В отличие от ГК в четырех частях ГК Российской Федерации, заканчивающегося ст. 1551, отсылка к другому закону встречается 2 раза, а к другому законодательству – всего 3, и то, в одном случае, нормы ГК отсылают к Жилищному законодательству. При этом в состав ГК России не включены нормы вводного закона, определяющие процедуру введения в действие ГК и порядок его применения. В отличие от ГК России в ГК аналогичные нормы включены в Раздел VIII ГК «Заключительные положения». Таким образом, фактически ГК, без учета вводных норм, заканчивается ст. 1135 и формально, без учета изменений и дополнений, содержит на 416 статей меньше чем ГК Российской Федерации, но на 75 отсылок больше.

При этом если отсылочные нормы, закрепленные в ГК Российской Федерации, отсылают исключительно к Федеральным законам, то в аналогичных нормах, закрепленных в ГК, сделана отсылка к законодательству, т.е. к любому нормативному правовому акту, входящему в состав обширного гражданского законодательства Республики Беларусь, что в корне меняет существо правового регулирования анализируемых общественных отношений и принижает роль ГК и закрепленных в нем норм в механизме гражданско-правового регулирования.

Таким образом, система гражданского законодательства Российской Федерации строится по принципу максимально возможной, в разумных пределах, концентрации правовых норм в ГК, а система гражданского законодательства Республики Беларусь включает в свой состав неоправданно большое, по нашему мнению, количество иных, кроме ГК, нормативных правовых актов, нормы которых оказывают воздействие на гражданские отношения.

Закрепление в ГК большого количества отсылочных норм, что особенно ярко проявляется в Разделе IV ГК «Отдельные виды обязательств», в значительной степени затрудняет правоприменительную деятельность, которая при избранном в Беларуси подходе связана с необходимостью изучения наряду с нормами ГК содержания иных нормативных правовых актов при совершении практически любой гражданско-правовой сделки во избежание нарушения правил участия в гражданско-правовых отношениях, установленных нормами иных нормативных правовых актов.

Возможность изменения установленного нормами ГК гражданского правопорядка, путем включения гражданско-правовых норм в иные нормативные правовые акты, обладающие большей чем ГК юридической силой, по нашему мнению, ставит под сомнение значимость кодификации как одного из способов систематизации норм права. Вместе с тем нормой, закрепленной в ч. 2 п. 24 Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 10 апреля 2002 г. № 205 «О Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь», кодификация признается главным путем развития системы законодательства, позволяющим достичь единого, юридически цельного регулирования в отраслях и определенных институтах права. При этом кодекс юридической наукой определяется как результат кодификации, обладающий высшей юридической силой и относящийся только к определенной отрасли права, что в полной мере выдерживается в отношении ГК Российской Федерации.

Так, Н.Д. Егоров характеризует ГК России как нормативный правовой акт, который «призван обеспечить единообразное правовое урегулирование частных имущественных и частных неимущественных отношений на всей территории Российской Федерации» [1, с. 41], что подтверждается положением ГК России в иерархической системе гражданского законодательства применительно к которой Гражданский кодекс может характеризоваться как «экономическая конституция» Российской Федерации, обладающая на государственной территории верховенством в сфере регулирования экономических (гражданских) отношений.

Указанное высокое место ГК России в иерархической системе гражданского законодательства подтверждается тем фактом, что установленный ГК Российской Федерации в соответствии с Конституцией России гражданский правопорядок может быть изменен только одним способом – посредством внесения изменений непосредственно в ГК. Примечательно то, что даже Конституция не включена в состав системы гражданского законодательства России на вершине которого в соответствии с нормами ст. 3 ГК стоит Гражданский кодекс.

В отличие от системы гражданского законодательства России на вершине гражданского законодательства Республики Беларусь в соответствии с нормами ст. 3 ГК находится Конституция, что изначально указывает на подчиненное положение Гражданского кодекса который, в силу приведенных выше особенностей системы гражданского законодательства Беларуси, не может претендовать на роль «экономической конституции» и, следовательно, на роль гаранта стабильности установленного нормами ГК гражданского правопорядка.

Вместе с тем, по объему правовых норм, закрепленных в ГК, степени значимости опосредуемых ими общественных отношений Гражданский кодекс следует признать основным и системообразующим нормативным правовым актом системы гражданского законодательства. Все нижестоящие нормативные правовые акты системы гражданского законодательства должны приниматься на основании и во исполнение Гражданского кодекса, а содержание норм, закрепленных в нижестоящих нормативных правовых актах должно соответствовать содержанию норм ГК.

Такое положение ГК сохраняется до принятия декрета или указа Президента Республики Беларусь, отменяющего или изменяющего установленный нормами ГК порядок участия в экономических отношениях. Непосредственно до указанного момента ГК обладает качествами основного системообразующего нормативного правового акта системы гражданского законодательства и способен полно урегулировать соответствующую группу общественных отношений.

Структурно Гражданский кодекс состоит из двух частей: Общей и Особой, которые включают в свой состав восемь разделов: Раздел I «Общие поло-

жения»; Раздел II «Право собственности и другие вещные права»; Раздел III «Общая часть обязательственного права»; Раздел IV «Отдельные виды обязательств»; Раздел V «Исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальная собственность)»; Раздел VI «Наследственное право»; Раздел VII «Международное частное право»; Раздел VIII «Заключительные положения».

В восьми разделах содержится семьдесят пять глав, двенадцать из которых включают в свой состав 59 параграфов. При этом шестьдесят три главы на параграфы не делятся.

Заканчивается ГК статьей 1153, но содержит большее количество статей, так как в его состав периодически включают дополнительные нормы и, следовательно, дополнительные ячейки их размещения – статьи ГК. Например, Законом Республики Беларусь от 18 августа 2004 г. в главу 53 ГК было включено 11 статей: 910-1–910-11, содержащих нормы гражданского права, определяющие процедуру заключения и исполнения договора комплексной предпринимательской лицензии, что увеличило объем ГК на 11 статей. Вместе с тем, Законом Республики Беларусь 28 декабря 2009 г. из состава ГК были исключены статьи 264–266, 271, 523, 524 что сократило объем ГК на 6 статей. Таким образом, фактическое количество закрепленных в ГК статей с течением времени меняется, что обусловлено, во-первых, постоянным изменением тенденций развития как белорусской, так и мировой экономики и, соответственно, необходимостью адекватного законодательного реагирования на происходящие изменения и, во-вторых, стремлением государства к совершенствованию процессов участия в экономических отношениях.

В отличие от ГК Беларуси Гражданский кодекс России состоит не из двух, а из четырех частей, на что указывалось выше, и включает в свой состав нормы, в полном объеме регулирующие общественные отношения, возникающие в процессе создания, использования и охраны объектов интеллектуальной собственности. В Беларуси указанные отношения наряду с нормами ГК урегулированы нормами специальных нормативных правовых актов.

Особенностью ГК, как кодифицированного нормативного правового акта, является глубокая системная связь его норм, начиная с первых статей Общей части и заканчивая нормами, закрепленными в Разделе VIII «Заключительные положения». Такое построение ГК предопределяет особенности изучения системы гражданского права и особенности применения норм гражданского права в процессе разрешения конкретных практических задач. По сути, в отличие от других отраслей права и соответствующих им кодифицированных нормативных правовых актов участие в гражданско-правовых отношениях и разрешение гражданско-правовых казусов не возможно на основании правовых норм, закрепленных в одной статье ГК и даже в одной главе ГК.

Так, например, невозможно надлежащим образом участвовать в отношениях по поставке товаров без учета норм, закрепленных, во-первых, в § 3 главы 30 ГК, во-вторых, в § 1 главы 30 ГК, в-третьих, без учета норм Общей части, определяющих правосубъектность участников гражданско-правовых отношений, в-четвертых, без учета норм, определяющих способы и процедуру обеспечения исполнения обязательств по поставке товаров, а в случае нарушения договорных обязательств, также без учета норм о гражданско-правовой ответственности, включая ст. 366 ГК, нормы которой определяют порядок применения мер гражданско-правовой ответственности за неисполнение денежного обязательства. Наряду с нормами ГК в процессе участия в отношениях по поставке товаров и разрешения возможных споров о праве гражданском необходимо также руководствоваться нормами ряда постановлений Совета Министров Республики Беларусь.

Приведенный пример глубокой взаимосвязи и взаимообусловленности норм Гражданского кодекса и иных нормативных правовых актов системы гражданского законодательства является не единственным. Участие практически во всех обязательственных отношениях обусловлено необходимостью учета в определенной логической последовательности совокупности правовых норм Общей и Общей частей ГК, а также иных нормативных правовых актов системы гражданского законодательства.

Такое взаимопроникновение и взаимосвязь правовых норм, закрепленных в различных главах ГК друг с другом обусловлено пандектными началами его построения, которые, как отмечает В.В. Ровный «предопределили не только общую структуру Кодекса как нормативного правового акта, но и особенности внутреннего его устройства (конструкции), поэтому деление нормативного материала по признаку «общее – специальное» можно наблюдать на самых разных его уровнях» [2, с. 58].

Общая часть ГК исходя из ее названия и предназначения содержит общие нормы гражданского права, а Особенная – специальные. Кроме того, применительно к отдельным подотраслям, институтам и субинститутам ГК в их структуру также включены общие и специальные нормы.

Так, например, гражданско-правовой институт «Юридические лица», нормы которого закреплены в главе 4 ГК, состоит из общих норм (общей части), закрепленных в § 1 «Основные положения» и специальных норм, закрепленных в §§ 2–6 главы 4 ГК, нормы которых можно рассматривать как субинституты анализируемого гражданско-правового института. В свою очередь, нормы соответствующих субинститутов также могут дифференцироваться на общие и специальные. В частности, субинститут «Хозяйственные товарищества и общества», закрепленный в § 2 главы 4 ГК включает в свой состав общие нормы о хозяйственных товариществах и обществах, закрепленные в п. 1 «Основные положения о хозяйственных товариществах и обществах» § 2 главы 4 ГК, а специальные – в пп. 2–7 § 2 главы 4 ГК.

Подотрасль «Право собственности и другие вещные права» включает в свой состав восемь гражданско-правовых институтов нормы которых закреплены в главах 13–20 ГК. При этом, нормы главы 13 ГК «Общие положения» представляют собой общую часть анализируемой подотрасли (общие нормы), а нормы, закрепленные в главах 14–20 ГК особенную часть (специальные нормы) анализируемой подотрасли.

Подотрасль «Обязательственное право» состоит из своей общей части «Общие положения об обязательствах», нормы которой являются общими по от-

ношению к нормам Особенной части названной подотрасли «Отдельные виды обязательств», нормы которой следует рассматривать как специальные.

Особенная часть подотрасли «Обязательственное право» включает в свою структуру ряд гражданско-правовых институтов, имеющих свою общую и особенную части и, следовательно, общие и специальные нормы. К таковым относится, например, институт «Купля-продажа», закрепленный в главе 30 ГК, § 1 которой «Общие положения» содержит общие нормы, подлежащие применению к иным отношениям купли-продажи, в тех случаях если нормами §§ 2–8 главы 30 ГК (специальными нормами) не предусмотрены иные условия участия в соответствующих общественных отношениях.

К институтам особенной части структурно включающим в свой состав самостоятельную, применительно к конкретному институту, общую часть относятся: рента (глава 33 ГК); аренда (глава 34 ГК); подряд (глава 37 ГК); хранение (глава 47 ГК); обязательства вследствие причинения вреда (глава 58 ГК).

Таким образом, исходя из структуры ГК, глубокой системной интеграции его норм, соподчиненности субинститутов, институтов, подотраслей в рамках единой отрасли права, именуемой базовой (основной) отраслью частного права Гражданский кодекс согласно утверждению В.В. Ровного можно признать важнейшим фундаментальным нормативным правовым актом в системе гражданского законодательства, «ее «ядром», объединяющим все другие гражданские законы» [2, с. 56], что можно сказать и о ГК Республики Беларусь если под законами понимать исключительно обычные закона Республики Беларусь, а не все законодательные акты.

Гражданский кодекс в соответствии с утверждением Н.Д. Егорова призван, в принципе, урегулировать все общественные отношения, входящие в предмет гражданского права, и является базой для развития всего текущего гражданского законодательства [1, с. 40], что можно, в принципе, сказать и о ГК Республики Беларусь который сохраняет определенное Н.Д. Егоровым положение до момента вступления в силу декрета либо указа Президента Республики Беларусь, изменяющего либо отменяющего установленный нормами ГК граждан-

ский правопорядок.

Определяя место ГК Российской Федерации в системе гражданского законодательства Е.А. Суханов отмечает, что ГК является «центральным, стержневым актом гражданского законодательства России» чем обязан «не только общему характеру содержащихся в нем правил, но и требованию о том, чтобы все иные гражданские законы, а также законы, содержащие нормы гражданского права, соответствовали его предписаниям» [3, с. 94].

Изложенное выше позволяет констатировать тот факт, что Гражданский кодекс Республики Беларусь выполняя роль «ядра» системы гражданского законодательства, являясь «базой для развития всего текущего гражданского законодательства», «центральным, стержневым актом гражданского законодательства», содержащим нормы общего характера, применяемые ко всем гражданско-правовым отношениям, не может быть признан источником гражданского права, обладающим высшей юридической силой в системе актов гражданского законодательства и, как следствие, не выполняет роль «экономической конституции» государства, не является гарантом неизменности, стабильности установленного нормами ГК гражданского правопорядка.

Список использованных источников

1. Гражданское право : учеб.: в 3-х т. – 7-е изд., перераб. и доп. / Н.Д. Егоров [и др.] ; под общ. ред. Ю.К. Толстого. – М. : Проспект, 2011. – Т. 1. – 784 с.
2. Гражданское право : учеб.: в 3-х т. / Е.Н. Абрамова [и др.] ; под общ. ред. А.П. Сергеева. – М. : ТК Велби, 2008. – 1008 с.
3. Российское гражданское право : учеб.: в 2-х т. / В.С. Ем [и др.] ; под общ. ред. Е.А. Суханова. – М. : Статут, 2010. – Т. 1. – 958 с.

ГЛАВА 5

ДЕКРЕТЫ И УКАЗЫ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК ПРАВОВОЕ СРЕДСТВО ОПЕРАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

С момента внесения в 1996 г. изменений в Конституцию Республики Беларусь место и роль актов Президента Беларуси в системе законодательства, их соотношение с иными законодательными актами рассматривались Г.А. Василевичем, В.А. Кадавбовичем, С.А. Калининым, Д.А. Лагуном, В.И. Реутом и рядом других ученых.

Вместе с тем, вопросы юридической силы актов Главы государства ни практикой их применения, ни учеными окончательно не разрешены. В настоящее время по вопросу юридической силы нормативных правовых актов, на что указывает Г.А. Василевич, «в правоприменительной практике продолжаются споры, имеют место недоразумения, высказываются противоречивые мнения, что не содействует единообразному и правильному применению правовых норм как важнейшему условию конституционной законности» [1, с. 40].

Неопределенное положение в отношении юридической силы актов Главы государства сохраняется и в современной учебной юридической литературе и, в частности, в изданиях по гражданскому и трудовому праву [2, с. 68–69; 3, с. 105], что не способствует подготовке высококвалифицированных юристов-практиков. В этой связи целесообразно еще раз вернуться к вопросу о соотношении актов Главы государства с другими законодательными актами системы законодательства и, в частности, системы гражданского законодательства в которую декреты и указы Президента включены в качестве законодательных актов нормами ст. 3 ГК.

Так, согласно нормам ст. 85 Конституции Президент Республики Беларусь на основе и в соответствии с нормами Основного Закона издает указы и распоряжения, имеющие обязательную силу на всей государственной территории. В

случаях, предусмотренных Конституцией, Президент издает декреты, имеющие силу законов. Анализ приведенной нормы показывает, что в Конституции Республики Беларусь изначально сила закона придана только одному виду актов, издаваемых Президентом Республики Беларусь – декрету.

В соответствии с нормами ст. 101 Конституции Президент Республики Беларусь имеет право издавать два вида декретов: декреты, полномочия на издание которых делегированы Президенту Республики Беларусь Национальным собранием посредством принятия соответствующего закона (делегированные декреты) и временные декреты, принимаемые Главой государства самостоятельно, в силу особой необходимости. Оба вида декретов согласно норме ст. 85 Конституции имеют силу закона.

Согласно нормам ст. 101 Конституции закон о делегировании законодательных полномочий Президенту, во-первых, должен определять предмет регулирования и срок полномочий Президента на издание декретов и, во-вторых, не может разрешать ему изменение этого закона, а также предоставлять право принимать нормы, имеющие обратную силу. Таким образом, содержание делегированного декрета и полномочия Президента по его изданию должны быть обусловлены принятым Парламентом законом о делегировании Главе государства полномочий на издание декрета. Непосредственно такой декрет имеет меньшую юридическую силу по отношению к закону на основании которого он принят, т.е. носит «подзаконный» характер.

Временные декреты Президент имеет право издавать по своей инициативе в силу особой необходимости, без соответствующих полномочий, переданных Национальным собранием. Следует отметить, что такая категория, как «особая необходимость», на что указывает В.И. Реут, «является оценочной, сложно поддающейся наполнению строгим юридическим содержанием». В частности, продолжает В.И. Реут, «конституция не устанавливает каких-либо критериев, позволяющих определить наличие либо отсутствие такой «особой необходимости» [4, с. 120].

В целях определения случаев принятия Президентом временных декретов и

«совершенствования законодательства о государственном строе Республики Беларусь» в п. 33 Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 10 апреля 2002 г. № 205 «О Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь» были закреплены нормы согласно которым предполагалось на уровне законов регламентировать процедуру принятия декретов Президента (установить перечень случаев, вызывающих особую необходимость их принятия, сроки рассмотрения в Парламенте, порядок действия и признания утратившими силу временных декретов, разграничить основания для принятия декретов и указов).

Исполнение приведенной нормы Концепции положило бы конец дискуссии по поводу места актов Президента в системе законодательства, упорядочило бы их принятие и применение. Однако анализируемая норма до настоящего времени не нашла своей дальнейшей реализации ни в Конституции, ни в иных законодательных актах, в том числе и в Законе Республики Беларусь от 21 февраля 1995 г. «О Президенте Республики Беларусь».

Временные декреты в силу норм ст. 101 Конституции в 3-дневный срок подлежат передаче для рассмотрения обеими палатами Парламента и вступают в силу, если не отменены квалифицированным большинством, – не менее 2/3 от списочного состава обеих палат. Такие декреты имеют силу закона, признаются временными, но действуют бессрочно, вплоть до их отмены в установленном порядке, если конкретный срок действия декрета не определен непосредственно его нормами, и обладают большей юридической силой по отношению ко всем иным законам системы гражданского законодательства за исключением Конституции, что подтверждается нормами ст. 137 Основного закона.

Следовательно, временным декретам Президента Республики Беларусь придан «надзаконный» характер.

Так, согласно нормам ст. 137 Конституции в случае расхождения декрета или указа с законом закон имеет верховенство лишь тогда, когда полномочия на издание декрета или указа были предоставлены законом. Приведенная норма ус-

танавливает иерархическое соотношение законов с декретами и указами Главы государства. Буквальное толкование анализируемой нормы, дословно воспроизведенной в ст. 3 ГК показывает, что ГК или другой закон могут иметь верховенство над указом и декретом Президента только в одном случае (лишь тогда) – когда полномочия на издание декрета или указа были предоставлены законом. Если же декрет или указ приняты Президентом по собственной инициативе ни ГК, ни другой закон не могут иметь верховенство над актами Главы государства.

Под законом, которым Президенту могут быть переданы полномочия на издание декрета следует понимать закон, принятый Парламентом в порядке, предусмотренном нормами п. 1 ст. 101 Конституции, что следует из буквального толкования указанных норм.

Следовательно, в отличие от делегированных декретов акты, принятые Президентом самостоятельно следует признать обладающими на территории Республики Беларусь большей, чем законы, включая кодексы, юридической силой.

Сделанный нами вывод подтверждается нормами стст. 28–30 Закона о Президенте Республики Беларусь, согласно нормам ст. 28 которого декреты и указы Президента, если иное не предусмотрено Конституцией, имеют верховенство над актами иных государственных органов и должностных лиц. Следовательно, нормами ст. 137 Конституции и ст. 28 Закона о Президенте Республики Беларусь указам, принятым на основании Конституции придана равная с временными декретами юридическая сила, что нашло отражение и в ст. 3 ГК.

Кроме того, в соответствии с нормами ст. 30 названного Закона отношения, возникшие или приобретшие качественно новое состояние со вступлением в силу временного декрета, после его отмены (но не в период действия) могут регулироваться законом, что также указывает на подчиненное положение закона по отношению ко временному декрету. Таким образом, на что указывает Г.А. Василевич «можно сделать вывод о приоритете над ГК временных декретов и тех указов, издание которых базируется непосредственно на Конституции» [5].

Аналогичную верную позицию занял Высший Хозяйственный Суд Респуб-

лики Беларусь в Постановлении Пленума от 16 декабря 1999 г. № 16 «О применении норм Гражданского кодекса Республики Беларусь, регулирующих заключение, изменение и расторжение договоров» (см. ч. 3 п. 1).

В соответствии с нормами ст. 30 Закона о Президенте Республики Беларусь Палаты Национального собрания могут принять закон, по содержанию совпадающий с соответствующим временным декретом. Со вступлением такого закона в силу временный декрет утрачивает свою силу. При принятии закона, частично совпадающего по содержанию с временным декретом, этот декрет сохраняет свою силу в части, не урегулированной таким законом.

Содержание приведенных норм также указывает на приоритет временных декретов над законами, принятие которых является основанием отмены временного декрета только в одном случае, когда содержание принятого закона полностью совпадает с содержанием декрета. В случае, если закон и декрет имели бы равную юридическую силу, на что указывает Д.А. Лагун [6], вступление закона в силу независимо от его содержания, как акта одного уровня, принятого позже, означало бы отмену норм временного декрета.

Наряду с декретами нормы Конституции различают два вида указов Президента. Нормой ст. 85 Основного закона названы указы, принятые на основе и во исполнение Конституции, а нормой ст. 116 Конституции – указы, изданные во исполнение закона, которые, в соответствии с той же нормой, должны соответствовать Конституции, международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь, законам и декретам, что указывает на подчиненное положение указов, принятых во исполнение закона, по отношению ко временным декретам Президента.

Однако, на что обращает внимание Г.А. Василевич, в отличие от делегированных декретов Президента механизм передачи Национальным собранием Главе государства полномочий на издание указов в Конституции не закреплен [7, с. 295]. То же можно сказать и о других нормативных правовых актах системы законодательства Беларуси.

Несмотря на то, что соотношение по юридической силе временных декретов

и указов Президента, принятых во исполнение Конституции, нормами Основного закона и иных нормативных правовых актов легально не определено практика их применения пошла по пути придания названным нормативным правовым актам равной юридической силы (см., например, Постановление Пленума ВХС от 16.12.1999 г. № 16). Причем, в процессе регулирования гражданско-правовых отношений, предпочтение перед декретом Президента отдается такому правовому средству как указ, что, по нашему мнению, обусловлено упрощенной по отношению к декретам процедурой принятия указов которые не подлежат представлению на рассмотрение Национального собрания.

Исходя из того, что практика пошла по пути признания за двумя названными нормативными правовыми актами равной юридической силы, в случае коллизии двух норм, закрепленных в указе и декрете, применять необходимо нормы, закрепленные в акте, принятом позже, что соответствует общим правилам действия нормативных правовых актов, обладающих равной юридической силой, во времени.

При этом возникает вопрос о целесообразности наличия в системе гражданского законодательства двух нормативных правовых актов, издаваемых одним и тем же органом и имеющих равную юридическую силу. «Если признать «надзаконный» характер всех указов Президента, кроме тех, которые были изданы во исполнение закона, отмечает В.И. Реут, то теряется всякий смысл во введенном многообразии актов Главы государства» [8, с. 62]. При этом круг вопросов, для разрешения которых нормы гражданского права необходимо закрепить в декрете либо в указе Президента, фактически не определен, что также вносит некоторую неопределенность в систему законодательства, в том числе и гражданского.

Вместе с тем, на различное местоположение декретов и указов Президента в иерархической системе нормативных правовых актов указывает норма ст. 104 Конституции, согласно которой декреты подлежат опубликованию и вступлению в силу в порядке, определенном для законов, что не свойственно указам. Приведенное положение декретов подтверждается нормой ст. 65 Закона Рес-

публики Беларусь от 10 января 2000 г. «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», согласно которой декреты вступают в силу в том же порядке, что и законы, а указы – в порядке, определенном для постановлений Правительства и иных нормативных правовых актов. Указанное, по нашему мнению, также является основанием для преимущественного использования указов Президента в процессе регулятивного воздействия на участников экономических отношений, что придает процессу регулирования большую оперативность.

Таким образом, анализируемой нормой декреты отнесены к нормативным правовым актам уровня закона, что нельзя сказать об указах. Изложенное также подтверждается нормами ст. 28 Закона о Президенте Республики Беларусь в соответствии с которыми силу закона имеют только декреты Президента, как делегированные, так и временные, а также нормами, закрепленными в ч. 2 п. 18 Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь, согласно которым в случае особой необходимости в оперативном изменении правового регулирования общественных отношений следует использовать декреты Главы государства.

Вместе с тем, в соответствии с нормами ст. 137 Конституции, ст. 30 Закона о Президенте Республики Беларусь, ст. 3 ГК в настоящее время временные декреты и указы Президента Республики Беларусь принятые на основе и во исполнение Конституции, на что указывалось выше, в правоприменительной деятельности занимают равное по юридической силе положение, что следует из практики их принятия и применения, и стоят на самом высоком после Конституции месте в иерархической системе гражданского законодательства Беларуси, на что указывает Г.А. Василевич [5].

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что система гражданского законодательства Республики Беларусь и иерархия входящих в нее нормативных правовых актов обладают определенной спецификой, которая состоит в наличии в системе гражданского законодательства нормативных правовых актов, фактически обладающих большей, чем ГК, юридической силой, что несколько принижает роль кодифицированного нормативного правового акта (ГК) в регу-

лировании гражданских отношений и является предпосылкой возможной оперативной отмены или изменения норм ГК актами Президента.

Проводя сравнительный анализ системы гражданского законодательства Беларуси с системой гражданского законодательства Российской Федерации, следует отметить, что иерархия нормативных правовых актов в системе гражданского законодательства России построена таким образом, чтобы достичь наибольшей стабильности в регулировании экономических отношений. Так, согласно нормам ст. 3 ГК Российской Федерации главенствующее место в системе гражданского законодательства занимает ГК России – кодифицированный нормативный правовой акт, специально принятый для выполнения указанной задачи. На второй ступени иерархической лестницы стоят федеральные законы. Таким образом, статья 3 ГК России, на что обращает внимание Н.Д. Егоров, «включает в понятие «гражданское законодательство» только ГК и принятые в соответствии с ним иные федеральные законы. Иные акты, содержащие нормы гражданского права, выведены за пределы понятия «гражданское законодательство» [9, с. 38]. Такой, узкий, подход к определению состава системы гражданского законодательства Российской Федерации предопределен п. «о» ст. 71 Конституции России согласно нормам которой «гражданское законодательство составляет предмет исключительной федеральной компетенции», на что обращает внимание Е.А. Суханов, согласно мнению которого «ни какие нормативные акты, содержащие нормы гражданского права, не вправе принимать ни органы субъектов Российской Федерации, ни органы местного самоуправления. Любые содержащиеся в нормах ГК отсылки к «закону» (или к «законодательству») означают отсылки только к федеральному закону» [10, с. 92]. Приведенную точку зрения разделяет В.А. Белов, который отмечает, что «сведение термина «гражданское законодательство» исключительно к ГК и федеральным законам, принятым «в соответствии с ним», является новым не только для российского законодательства, но и для науки гражданского права» [11, с. 159].

Наличие в системе гражданского законодательства кодифицированного нормативного правового акта (ГК России), нормы которого могут быть изменены

только путем внесения в него изменений законодательным органом Российской Федерации, обеспечивает наибольшую стабильность гражданско-правовых отношений, способствует их планомерному и стабильному развитию.

Вместе с тем, наличие в системе гражданского законодательства Беларуси нормативных правовых актов, обладающих большей чем ГК юридической силой и значительно большей оперативностью принятия и введения в действие позволяет Республике Беларусь в отличие от России с большей оперативностью регулировать гражданско-правовые отношения, являющиеся, по сути, экономическими, своевременно оказывать государственное воздействие на развивающиеся в экономике позитивные или негативные тенденции с целью стимулирования экономической активности либо защиты национальной экономики.

Таким образом, можно сделать обобщающий вывод о том, что в условиях становления либо модернизации экономики либо в условиях развития локальных или мировых кризисных явлений система гражданского законодательства, обладающая правовыми средствами оперативного воздействия на субъектов экономической деятельности и развивающиеся на государственной территории экономические процессы (применительно к Беларуси – временные декреты и указы, принятые на основании Конституции) является более предпочтительной по сравнению с традиционной системой законодательства в силу своей большей мобильности, позволяющей исполнительной ветви власти оперативно реагировать на изменяющиеся условия осуществления экономической деятельности. В свою очередь, оперативность государственного вмешательства в развитие экономики является предпосылкой большей стабильности экономической системы, зависимой от внешних сырьевых и энергетических ресурсов, и, как следствие, подверженной влиянию мировых кризисных явлений в экономике.

Список использованных источников

1. Василевич, Г.А. Комментарий к Закону «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» / Г.А. Василевич. – Минск : Интерпрессервис, 2003. –

256 с.

2. Гражданское право : учеб. : в 3 т. / А.В. Каравай [и др.] ; под общ. ред. В.Ф. Чигира. – Минск : Амалфея, 2008. – Т. 1. – 864 с.

3. Трудовое право : учеб. / Е.И. Астапов [и др.] ; под общ. ред. В.И. Семенкова. – 4-е изд., перераб. и доп. – Минск : Амалфея, 2011. – 768 с.

4. Реут, В.И. Нормотворчество главы государства : отечественный опыт и зарубежная практика / В.И. Реут. – Минск : ИСПИ, 2004. – 187 с.

5. Василевич, Г.А. Иерархия одноуровневых нормативных правовых актов / Г.А. Василевич // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

6. Лагун, Д.А. Юридический статус временных декретов / Д.А. Лагун // Вестник БГУ. – 2010. – Серия 3. – № 3. – С. 85–89.

7. Василевич, Г.А. Конституция Республики Беларусь (научно-практический комментарий) / Г.А. Василевич. – Минск : Право и экономика, 2001. – 486 с.

8. Реут, В.И. Иерархия нормативных правовых актов в Республике Беларусь / В.И. Реут // Право Беларуси. – 2003. – № 11. – С. 61–67.

9. Гражданское право : учеб. : в 3-х т. – 7-е изд., перераб. и доп. / Н.Д. Егоров [и др.] ; под общ. ред. Ю.К. Толстого. – М. : Проспект, 2011. – Т. 1. – 784 с.

10. Российское гражданское право : учеб. : в 2-х т. / В.С. Ем [и др.] ; под общ. ред. Е.А. Суханова. – М. : Статут, 2010. – Т. 1. – 958 с.

11. Белов, В.А. Гражданское право : общая часть : учеб. / В.А. Белов. – М. : Юрайт, 2011. – Т. 1: Введение в гражданское право. – 521 с.

ГЛАВА 6

НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ ВЫСШИХ ОРГАНОВ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ И НАЦИОНАЛЬНОГО БАНКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Акты Конституционного Суда, Верховного Суда, Высшего Хозяйственного Суда (с 1 января 2014 г. система хозяйственных судов Республики Беларусь включена в систему общих судов в качестве экономических судов областей и г. Минска) и Национального банка Республики Беларусь, во-первых, нормами ст. 2 Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 г. «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» признаны нормативными правовыми актами и, во-вторых, нормами ст. 3 Гражданского кодекса включены в систему гражданского законодательства, следовательно, могут содержать правовые нормы, регулирующие гражданские отношения в силу чего официально признаются источниками гражданского права.

По юридической силе нормативные правовые акты указанных государственных органов, согласно их месту в системе законодательства Беларуси, определенному нормами ст. 10 Закона о нормативных правовых актах, а также месту в системе гражданского законодательства, определенному нормами ст. 3 ГК, находятся в подчиненном положении по отношению к постановлениям Совета Министров Республики Беларусь и всем законодательным актам. При этом, согласно месту нормативных правовых актов Национального банка в системе законодательства, определенному нормами ст. 10 Закона о нормативных правовых актах указанные акты находятся в подчиненном положении по отношению к нормативным правовым актам высших органов судебной власти.

Возникает, во-первых, вопрос о том, соответствуют ли нормы ст. 2, ст. 10 Закона о нормативных правовых актах и ст. 3 ГК Конституции в части, установления приоритета актов высших органов судебной власти над нормативными

правовыми актами министерств, иных республиканских органов государственного управления и Национального банка, местных Советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов, во-вторых, вопрос об обоснованности придания актам Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда юридической силы нормативных правовых актов и, в-третьих, вопрос о правомерности включения в систему гражданского законодательства актов высших органов судебной власти и Национального банка.

Для ответа на поставленные вопросы проведем анализ компетенции Национального банка по регулированию общественных отношений.

Так, придание актам Национального банка юридической силы нормативных правовых, никаких возражений не вызывает, что подтверждается нормами ст. 24 Банковского кодекса Республики Беларусь от 25 октября 2000 г. согласно которым Национальный банк является государственным органом, регулирующим согласно нормам ст. 136 Конституции кредитные отношения, денежное обращение, определяющим порядок расчетов и обладающим исключительным правом эмиссии денег. Безусловно, выполнение регулирующей функции общественных отношений, закрепленных в ст. 136 Конституции, возможно только в том случае, если актам Национального банка будет придана юридическая сила нормативных правовых, т.е. актов, рассчитанных на неопределенный круг лиц и на неоднократное применение.

Далее возникает вопрос об обоснованности включения нормативных правовых актов Национального банка в систему гражданского законодательства.

Исследование спектра общественных отношений, составляющих предмет гражданско-правового регулирования показывает, что в определенных случаях нормативные правовые акты Национального банка оказывают регулирующее воздействие на развитие гражданско-правовых отношений и, следовательно, могут быть включены в систему гражданского законодательства. В частности, Национальный банк своим постановлением устанавливает размер ставки рефинансирования которая используется в отдельных гражданско-правовых отношениях, например, для определения размера ответственности за неисполнение

денежного обязательства (см. ст. 366 ГК).

Нормативными правовыми актами Национального банка в соответствии с нормами п. 4 ст. 51 ГК определяется правовое положение представительств и филиалов (отделений) банков и небанковских кредитно-финансовых организаций, которые являются субъектами гражданского права и, следовательно, создаются на основании норм гражданского права, но с учетом специфики, определенной в нормативных правовых актах Национального банка.

Согласно нормам ст. 144 ГК депозитный и сберегательный сертификаты, банковская сберегательная книжка являются ценными бумагами и относятся к объектам гражданских прав, но выдаются в порядке, определяемом Национальным банком.

Примеры отсылок к нормативным правовым актам Национального банка, содержащихся в ГК, можно продолжить.

Изложенное позволяет утверждать о том, что нормативные правовые акты Национального банка содержат нормы гражданского права и, следовательно, входят в состав системы гражданского законодательства Беларуси, что обусловлено национальной спецификой ее построения.

В отличие от Национального банка, являющегося органом государственного управления, относящимся к системе органов исполнительной власти, Конституционный Суд, Верховный Суд, Высший Хозяйственный Суд занимают иное место в системе государственных органов, определенное, в первую очередь, нормами ст. 6 Конституции в соответствии с которыми государственная власть в Республике Беларусь осуществляется на основе разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную.

Судебная власть согласно утверждению Г.А. Василевича, представляет собой разновидность государственной власти, осуществляемой судами в рамках установленной законом процедуры по рассмотрению дел о конституционности нормативных правовых актов, разрешению уголовных, гражданских, административных и иных споров [1, с. 623].

В соответствии с нормами ст. 2 Кодекса Республики Беларусь о судоустрой-

стве и статусе судей от 29 июня 2006 г. судебная власть принадлежит судам, осуществляется только судами посредством конституционного, гражданского, уголовного, хозяйственного и административного судопроизводства, является самостоятельной и взаимодействует с законодательной и исполнительной властями.

«Роль судебной власти, на что указывает Г.А. Василевич, состоит в том, чтобы в связи с возникновением юридического конфликта обеспечить верховенство права, выраженного в общепризнанных принципах международного права, Конституции, законах, международных договорах Республики Беларусь, иных актах общегосударственного и иного уровня» [1, с. 624].

Судебную систему, согласно нормам ст. 5 Кодекса о судостроительстве и статусе судей, составляют Конституционный Суд, общие суды во главе с Верховным Судом, хозяйственные суды во главе с Высшим Хозяйственным Судом.

Задачи Конституционного Суда определены нормами ст. 116 Конституции, нормами ст. 6 Кодекса о судостроительстве и статусе судей и нормами ст. 5 Закона Республики Беларусь от 30 марта 1994 г. «О Конституционном Суде Республики Беларусь».

Согласно названным нормам Конституционный Суд призван обеспечивать верховенство Конституции и ее непосредственное действие на территории Беларуси для чего рассматривает дела и дает заключения о соответствии нормативных правовых актов системы законодательства и международных договоров Конституции, а также нормативных правовых актов друг другу в соответствии с их юридической силой.

Из целей создания и компетенции Конституционного Суда, определенных нормами Конституции и указанных нормативных правовых актов, следует, что у Конституционного Суда отсутствует компетенция в области регулирования гражданских отношений на что обращает внимание В.И. Реут [2, с. 62]. Вместе с тем, следует отметить факт наличия у Конституционного Суда косвенной возможности регулирующего вмешательства в развитие гражданско-правовых отношений. В частности, Конституционный Суд, согласно утверждению В.И.

Реута, может действовать в качестве так называемого «негативного законодателя» посредством исключения из системы гражданского законодательства нормативных правовых актов вследствие признания их в установленном порядке не соответствующими Конституции [2, с. 62].

Так, например, Конституционным Судом:

– 15 июня 2000 г. было принято Решение «О некоторых вопросах, связанных с правовым положением частных нотариусов», которым Конституционный Суд констатировал факт отсутствия законных оснований для обязательной регистрации частных нотариусов в качестве индивидуальных предпринимателей;

– 29 мая 2002 г. было принято Решение «О правовом регулировании приема наличных денежных средств индивидуальными предпринимателями с использованием кассовых суммирующих аппаратов», на основании которого Конституционный Суд предложил Совету Министров Республики Беларусь и Минскому городскому исполнительному комитету внести изменения в принятые ими нормативные правовые акты.

Конституционным Судом принимались и другие решения по различным вопросам правового регулирования общественных отношений, входящих в предмет гражданского права.

Все принятые Решения содержат рекомендации по изменению действующего законодательства либо позицию Конституционного Суда по рассматриваемому вопросу.

Таким образом, принимая решения в области гражданско-правового регулирования Конституционный Суд вносит предложения и рекомендации по приведению законодательства в соответствии с Конституцией, а также по приведению содержания нижестоящих нормативных правовых актов в соответствии с вышестоящими, но не принимает новых норм гражданского права.

Следует отметить тот факт, что по состоянию на 6 июля 2012 года в открытом доступе находилось 533 решения Конституционного Суда по самым различным вопросам. При этом ни одно из решений, принятых в сфере гражданско-правового регулирования не содержало нормы гражданского права [3].

В связи с изложенным можно сделать вывод, во-первых о необоснованности включения в систему гражданского законодательства нормативных правовых актов Конституционного Суда и, во-вторых, об отсутствии такой необходимости, что подтверждается многолетней практикой деятельности указанного высшего органа судебной власти.

Задачи общих и хозяйственных судов Республики Беларусь определены нормами ст. 6 Кодекса о судостроительстве и статусе судей в соответствии с которыми общие и хозяйственные суды призваны защищать права и свободы граждан и организаций, конституционный строй, обеспечивать правильное применение законодательства при осуществлении правосудия, способствовать укреплению законности и предупреждению правонарушений.

Исходя из норм, определяющих задачи общих и хозяйственных судов, закрепленных в Кодексе о судостроительстве и статусе судей, а также из провозглашенного в Конституции принципа разделения властей можно сделать обоснованный вывод о том, что в компетенцию органов судебной власти входит деятельность исключительно по осуществлению правосудия, которая не предполагает принятие правовых норм, регулирующих общественные отношения, в том числе составляющие предмет гражданско-правового регулирования.

Наш вывод в отношении Верховного Суда подтверждается нормами ст. 46 и ст. 51 Кодекса о судостроительстве и статусе судей, определяющими компетенцию Верховного Суда и Пленума Верховного Суда, а в отношении Высшего Хозяйственного Суда – нормами ст. 69 и ст. 74 Кодекса о судостроительстве и статусе судей, определяющими компетенцию Высшего Хозяйственного Суда и Пленума Высшего Хозяйственного Суда.

Названные правовые нормы устанавливают компетенцию как Верховного, так и Высшего Хозяйственного Суда исключительно в сфере судопроизводства осуществляя которое как Верховному Суду, так и Высшему Хозяйственному Суду предоставлено право:

– обращения в Конституционный Суд с предложением о даче заключений по вопросам соответствия нормативных правовых актов Конституции;

- разработки предложений по совершенствованию законодательства, регулирующего соответствующие общественные отношения;
- обобщения практики применения судами законодательства.

Таким образом, ни Конституция, ни Кодекс о судоустройстве и статусе судей не содержат правовых норм, предусматривающих возможность осуществления органами судебной власти нормотворческой деятельности, в том числе и в сфере гражданско-правового регулирования.

Вместе с тем, как Верховный Суд, так и Высший Хозяйственный Суд принимают нормативные правовые акты, содержащие нормы, направленные на регулирование различных сфер общественных отношений, на что обращал внимание Конституционный Суд Республики Беларусь [4].

Изложенное позволяет сделать вывод о необоснованности включения в систему гражданского законодательства нормативных правовых актов Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда как органов, уполномоченных исключительно на осуществление правосудия.

При этом нормотворческую деятельность высших органов судебной власти, направленную на принятии правовых норм, регулирующих общественные отношения в том числе входящие в предмет гражданского права, следует признать не соответствующей Конституции и, в частности, закрепленному в ст. 6 Конституции принципу разделения властей.

Учитывая объем и содержание компетенции высших органов судебной власти, установленной правовыми нормами, можно прийти к выводу о неправомерности признания нормами ст. 10 Закона о нормативных правовых актах и нормами ст. 3 ГК за актами высших органов судебной власти большей юридической силы по отношению к нормативным правовым актам министерств, иных республиканских органов государственного управления и Национального банка, местных Советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов.

Наш вывод основан на том, что все выше перечисленные органы относятся к органам исполнительной ветви власти, подчинены Совету Министров и осуществляют свою деятельность, в том числе по регулированию соответствующих

общественных отношений, вне рамок судопроизводства.

Кроме того, следует отметить необоснованность придания актам Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда юридической силы нормативных правовых актов, т.е. актов, рассчитанных на неопределенный круг лиц и неоднократное применение. Исходя из направленности их действия акты Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда следует отнести к локальным правовым, т.е. к актам, действие которых ограничено рамками одной или нескольких организаций (в данном случае рамками системы общих или системы хозяйственных судов), что следует, в том числе, из содержания постановлений Пленума Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда либо их названий.

Так, любое постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда, направленное на разъяснение порядка применения норм гражданского права, после слов «Пленум Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь <...> ПОСТАНОВЛЯЕТ:» начинается обращением непосредственно к хозяйственным судам:

– хозяйственным судам Республики Беларусь следует обеспечивать ... (п. 1 Постановления от 16 декабря 1999 г. № 16);

– обратить внимание хозяйственных судов ... (п. 1 Постановления от 23 декабря 2003 г. № 10);

– разъяснить хозяйственным судам Республики Беларусь (п. 1 Постановления от 21 января 2004 г. № 1).

Указание на суды также содержится непосредственно в названии постановлений (см., например, постановление от 26 апреля 2005 г. № 16 и другие).

То же относится и к постановлениям Пленума Верховного Суда Республики Беларусь (см., например, Постановление от 22 декабря 2011 г. № 9 и другие).

Изложенное позволяет сделать обобщающий вывод о том, что акты высших органов судебной власти не могут содержать нормы гражданского права по причине отсутствия у названных государственных органов компетенции по регулированию соответствующих общественных отношений, в силу этого не могут рассматриваться в качестве источников гражданского права и не должны

входить в систему гражданского законодательства. Кроме того, акты Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда по своей сути должны быть признаны локальными правовыми актами действие которых ограничено рамками системы общих и системы хозяйственных судов.

Список использованных источников

1. Василевич, Г.А. Конституционное право Республики Беларусь / Г.А. Василевич. – Минск : Право и экономика, 2002. – 686 с.
2. Реут, В.И. Иерархия нормативных правовых актов в Республике Беларусь / В.И. Реут // Право Беларуси. – 2003. – № 10. – С. 61–67.
3. Информация представлена на основании данных ООО «Информационно-правовое агентство «Регистр» по состоянию на 6 июля 2012 г.
4. См.: Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 12 июля 2001 г. № Р-124/2001; Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 12 ноября 2002 г. № Р-151/2002.

ГЛАВА 7

«ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ» В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Социальный образ жизни человека predetermined необходимость объединения людей в целях производства необходимой для жизни продукции посредством аккумуляции средств производства и личных усилий каждого члена социума. Кроме того, процесс производства продукции с целью получения прибыли, сам по себе, являющийся экономически рискованным требовал создания конструкции, снижающей или полностью перекладывающей риск фактического производителя на какое-либо другое лицо.

Таким образом человеческая мысль, на что указывает В.А. Белов, к постижению права, как гарантированной возможности элиминирования предпринимательских рисков при помощи противопоставления правовых конструкций реальной действительности [1, с. 130–132].

Возникшее в силу объективных причин объединение людей и аккумулированное ими имущество были оформлены правом в качестве теоретической конструкции, названной теоретиками права «юридическое лицо» которая, как категория гражданского права, получила свое развитие в трудах ученых разных стран и продолжает вызывать неподдельный интерес как ученых, так и практических работников и в настоящее время.

Основная сущность и предназначение юридического лица определяется в теориях сущности юридического лица наиболее активно разрабатываемых с конца XIX – начала XX в. Именно с указанного периода правовая конструкция «юридическое лицо» прочно заняла одно из ведущих мест в сфере гражданского оборота и наряду с отдельными производителями (индивидуальными предпринимателями) является субъектом права и, соответственно, субъектом экономической деятельности.

Несмотря на то, что «юридическое лицо» как категория гражданского права подвергалась неоднократному научному анализу необходимость и целесообразность дальнейшего детального изучения сущности и содержания теоретико-правовой конструкции «юридическое лицо» не вызывает сомнения. Это обусловлено тем, что в ней, как верно отметил И.А. Зенин, «концентрируются проблемы, противоречия и тенденции развития правосубъектности, права частной собственности и другие институты частного права» [2, с. 51], составляющие основу регулирования экономических отношений.

С того момента, когда «юридическое лицо» утвердилось в правовой и экономической системах государственные органы осуществляют постоянную нормотворческую деятельность с целью создания оптимальной совокупности правовых норм, определяющих юридическое содержание анализируемой теоретической конструкции, способных оказать стимулирующее воздействие на рост предпри-

нимательской активности населения, что стало особенно актуальным в силу происходящих в Республике Беларусь процессов либерализации экономических отношений.

Содержание указанной совокупности правовых предписаний в различные периоды общественного развития было неоднородным и зависело от установленного политического режима, закрепленных в конституции форм собственности и совокупности экономических прав граждан. Названные обстоятельства оказывали и продолжают оказывать непосредственное влияние на содержание анализируемой правовой категории, на ее место в системе права и значение «юридического лица» для экономического развития государства.

Примером влияния установленного на государственной территории политического режима на субъектный состав участников хозяйственной деятельности, является период существования СССР и современный период развития Республики Беларусь и других республик бывшего СССР.

Первым и наиболее существенным отличием является тот факт, что в СССР были установлены исключительная государственная собственность на средства производства и запрет на осуществление частными лицами предпринимательской деятельности. Второй отличительной особенностью экономических отношений того периода был ограниченный субъектный состав участников хозяйственной деятельности. Концепция развития хозяйственной деятельности в СССР, на что указывает С.С. Вабищевич, основывалась на плановой экономике, концентрации производства и централизации управления им, воплощаемым в жизнь посредством создания различных видов государственных хозяйственных объединений [3, с. 10–12].

В настоящее время претворить в жизнь подобную СССР концепцию экономического развития не представляется возможным в силу того, что к участию в экономических отношениях допущено большое количество субъектов частной формы собственности, а это исключает легальную возможность осуществления централизованного руководства их деятельностью.

Вместе с тем, независимо от политического режима и закрепленных в кон-

ституции форм собственности человек с давних времен осуществлял хозяйственную деятельность посредством введения в экономический (гражданский) оборот отличного от себя, самостоятельного субъекта системы права, являющегося порождением правовой мысли человека и именуемого «юридическое лицо», который, как явление правовой действительности, постоянно развивается вместе с развитием воззрений человечества на принципы, способы и формы осуществления экономической деятельности.

Что же представляет из себя теоретико-правовая конструкция «юридическое лицо» – реально существующее образование, являющееся субъектом гражданского права, или совокупность правовых норм – правовую фикцию, с помощью которой нормы гражданского права наделяют людей особым правовым статусом, необходимым для наиболее удобного осуществления экономической деятельности? Кто же фактически участвует в гражданском обороте – люди, наделенные особым правовым статусом, либо само юридическое лицо как реально существующий субъект правовой системы? Сколько существует юридических лиц как участников гражданского оборота и какие их виды предусмотрены нормами гражданского права?

Так, в главе 4 ГК «Юридические лица» закреплены нормы, содержащие понятие юридического лица, согласно которым юридическим лицом признается организация, обладающая определенными признаками, а также сделано указание на то, что юридическими лицами могут быть коммерческие и некоммерческие организации. Кроме того, в анализируемой главе ГК предусмотрен закрытый перечень правовых форм коммерческих организаций и открытый перечень правовых форм некоммерческих организаций, которые могут быть участниками общественных отношений, складывающихся в гражданско-правовой сфере. Так кто же является реальным, фактическим участником гражданского оборота – юридическое лицо или коммерческие и некоммерческие организации, и что же в этом случае представляет из себя юридическое лицо, какова его квинтэссенция?

С целью получения ответов на поставленные вопросы проведем анализ соот-

ветствующих правовых норм, входящих в систему гражданского права. Так, в соответствии с нормами ст. 44 ГК юридическим лицом признается организация. Под организацией, в свою очередь, в русском языке понимается объединение людей, совместно реализующих программу или цель и действующих на основе определенных правил и процедур [4, с. 848]. При этом, в соответствии с нормами ст. 44 ГК, юридическим лицом признается не любая организация, а наделенная закрепленными в указанной статье специальными признаками. Следовательно, нормы ст. 44 ГК делают указание на две самостоятельные категории первой из которых является «юридическое лицо», а второй – «организация».

В соответствии с закрепленным в ст. 44 ГК определением, юридическим лицом может быть только организация. В этой связи возникает логичный вопрос о том, а все ли организации, все ли объединения людей являются юридическими лицами, обладают необходимыми для этого признаками?

Например, в ст. 19 УК закреплено понятие преступной организации, а в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 19 марта 1998 г. № 1 (Утратило силу – Постановление Пленума Верховного Суда, 25 сентября 2003 г. № 9) было закреплено определение банды, под которой в то время юридическая наука и практика понимали преступную организацию.

Закрепленные в уголовном законодательстве определения объединений людей, безусловно, являются организациями, однако можем ли мы их признать субъектами гражданского права, наделенными правами юридического лица, обладают ли эти организации предусмотренными нормами ст. 44 ГК признаками, к которым, согласно названных правовых норм, относятся такие, как наличие в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленного имущества, возможность самостоятельно отвечать по своим обязательствам, от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, исполнять обязанности, быть истцом и ответчиком в суде, а также обязательная государственная регистрация.

Очевидным является то, что названные преступные организации не обладают ни одним из пяти закрепленных в ст. 44 ГК признаков юридического лица, за

исключением того, что являются организованными группами людей.

Кроме указанных выше в процессе своей жизнедеятельности люди объединяются и в иные организации для достижения абсолютно правомерных целей. При этом у объединившихся людей есть общая цель, для достижения которой они организовались, орган управления, осуществляющий координацию действий группы лиц в процессе осуществления соответствующей деятельности, а также установленные для всех участников организации общие правила поведения. Например, к таким организациям можно отнести учебную группу учреждения образования, в которой есть староста, осуществляющий координацию деятельности членов группы, общая цель – получение образования. Вместе с тем, такая организация не обладает всеми признаками, позволяющими ей стать юридическим лицом и участвовать в гражданском обороте как единое целое от своего имени.

Однако указанная группа имеет предусмотренную нормами гражданского права возможность выполнить закрепленные в ст. 44 ГК требования и в порядке, определенном административно-правовыми нормами, закрепленными в Положении о государственной регистрации, утвержденном Декретом Президента Республики Беларусь № 1 от 16 января 2009 г., приобрести статус юридического лица – стать полноправным самостоятельным участником гражданского оборота, наделенным соответствующими правами и обязанностями.

Еще одним примером организации, не обладающей всеми признаками юридического лица, но при этом являющейся полноправным участником гражданских отношений, является совокупность лиц, объединенных на основе договора простого товарищества, процедура заключения и исполнения которого регламентирована нормами стст. 911–926 ГК. Объединившаяся посредством названного правового средства совокупность лиц обладает имуществом на праве общей долевой собственности. Заключенный между участниками с целью получения прибыли договор простого товарищества подлежит обязательной регистрации в инспекции Министерства по налогам и сборам, его участники ведут отдельный бухгалтерский учет экономических результатов совместной деятель-

ности, участвуют в распределении полученной организацией прибыли и покрытия образовавшихся убытков. Однако организация, образованная в результате заключения договора простого товарищества, не может быть признана юридическим лицом по ряду причин и, в частности, по той причине, что не обладает такими признаками юридического лица, как имущественная обособленность и самостоятельная имущественная ответственность.

Объединившись в названные в приведенных примерах и в другие подобные организации, их участники имеют возможность совместно действовать для достижения общей цели, однако такое объединение не трансформируется в единый субъект правовой системы и, соответственно, не имеет возможности участвовать в гражданском обороте как единое целое, отдельное от своих участников. Все права и обязанности участники такого объединения будут приобретать и исполнять не от имени объединения, а каждый в отдельности, от себя лично, что соответственно отразится и на юридической ответственности за совершенные деяния, которую также каждый участник будет нести самостоятельно, от своего имени.

На основании приведенных примеров можно сделать вывод о том, что в общественных отношениях, возникающих на территории Беларуси как в сфере экономического оборота, так и в иных сферах, наряду с гражданами Республики Беларусь, иностранными гражданами и лицами без гражданства – самостоятельными единоличными участниками, участвуют различные организованные группы – организации как обладающие признаками юридического лица, предусмотренными нормами ст. 44 ГК, так и не обладающие указанными признаками и отличающиеся друг от друга совокупностью предоставленных им прав и возложенных на них обязанностей.

Определяя нормами ст. 44 ГК минимальный набор требований, предъявляемых к организованной группе с целью наделения ее полномочиями юридического лица, государство при помощи правовых средств выполняет одну из возложенных на него функций – регулятивную, формируя посредством имеющихся в его арсенале юридических возможностей состав участников предпринимательской

деятельности, допуская к ее осуществлению только такие группы лиц, которые организованы необходимым государству образом.

Закрепленная в ст. 44 ГК совокупность признаков юридического лица позволяет участникам экономических отношений выделять из массы различных организованных действительных субъектов гражданского права, имеющих юридически обеспеченную возможность участия в экономическом обороте, что, в свою очередь, способствует стабилизации гражданского оборота, созданию легитимных условий участия в нем исключительно в соответствии с гражданско-правовыми принципами добросовестности и разумности.

Закрепленные в ст. 44 ГК признаки юридического лица являются своеобразной оболочкой, формой, содержание которой составляют как диспозитивные, так и императивные правовые нормы, определяющие способы и пределы участия в гражданском обороте организаций, которым в процессе государственной регистрации был присвоен правовой статус юридического лица. Выполнение организованной группой требований, закрепленных в ст. 44 ГК, а именно, достижение ею (в установленных правовыми нормами случаях одним лицом) социального состояния, соответствующего признакам юридического лица, позволяет группе, по сути своей, самостоятельных субъектов правовой системы, пройти процедуру государственной регистрации и фактически получить в свое управление новый, отдельный от них субъект гражданского права, способный участвовать в предпринимательской деятельности с целью получения прибыли. До момента государственной регистрации, а по сути, до момента юридического (фиктивного, формального) создания нового субъекта гражданского права организованные в группу физические лица не имеют юридической возможности осуществлять предпринимательскую деятельность в качестве единого субъекта.

Именно в предоставлении возможности физическим лицам с помощью приемов юридической техники стать (хоть и опосредованно, через созданную организацию с правами юридического лица) участниками предпринимательских отношений, и состоит один из аспектов сущности теоретико-правовой конструкции «юридическое лицо».

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1) общественные отношения, возникающие на государственной территории в процессе производства, реализации (иного как юридического, так и фактического перехода от одних лиц к другим) и потребления различных материальных благ, а также состав лиц, участвующих в таких отношениях, достаточно разнообразны;

2) анализируемые общественные отношения могут возникать как на легитимной, законной основе, так быть и противоправными, не влекущими положительных юридических последствий, что не исключает их из разряда общественных отношений, а участвующих в них лиц из числа субъектов правовой системы государства;

3) как в легитимных, так и в противоправных экономических (имущественных) отношениях принимают участие единоличные и коллективные (объединенные по различным основаниям) субъекты правовой системы, т.е. организации, созданные на основе объединения лиц;

4) участвующие в экономической деятельности организации, в свою очередь, могут быть созданы как на легитимной, так и на противоправной основе, т.е. быть незаконными, деятельность которых не порождает положительных правовых последствий в экономической сфере;

5) легальные объединения лиц, участвующих в экономической деятельности, подразделяются на две группы:

а) с правами юридического лица;

б) без прав юридического лица;

б) приобретение организованной группой прав юридического лица открывает для данной группы практически неограниченные возможности участия в экономической деятельности, безусловно в рамках, определенных системой права конкретного государства.

В любом случае, приобретенные организованной группой права юридического лица предоставляют такой группе расширенные по отношению к субъектам, такими правами не наделенным, возможности участия в экономической

деятельности;

7) исходя из того, что в общественных отношениях участвуют непосредственно организации, категорию «юридическое лицо» следует рассматривать как правовой статус (набор прав и обязанностей), приобретаемый организациями в определенном правовыми нормами порядке с целью получения легальной возможности участия в экономической деятельности в качестве единого независимого от своих учредителей субъекта права с полным набором предоставляемых правовым статусом «юридическое лицо» возможностей.

Таким образом, при определении субъектного состава гражданского правоотношения следует указывать не на юридическое лицо, а на организацию со статусом юридического лица, т.е. организацию (коммерческую или некоммерческую), обладающую правами самостоятельного субъекта права, на что также указывается в юридической литературе. Так, И.П. Грешников, например, рассматривает юридическое лицо не как субъект, а как абстракцию, необходимую для включения различных организованностей в круг субъектов «... гражданского права» [5, с. 114], Ю.А. Тарасенко определяет юридическое лицо как инструмент отграничения (обособления) имущества, производимого в целях ограничения риска его утраты в процессе определенной деятельности лица, реально стоящего за лицом юридическим [6, с. 265].

Список использованных источников

1. Белов, В.А. Гражданское право. Общая часть. Том II. Лица, блага, факты : учебник / В.А. Белов. – М. : Юрайт, 2011. – 1093 с.
2. Зенин, И.А. Гражданское и торговое право капиталистических стран: Учеб. пособие / И.А. Зенин. – М. : МГУ, 1992. – 300 с.
3. Вабищевич, С.С. Финансово-промышленные группы: проблемы теории и законодательства / С.С. Вабищевич. – Минск : Молодежное, 2003. – 136 с.
4. Большой энциклопедический словарь ; ред. кол. : А.М. Прохоров [и др.] . – М. : Большая Российская энциклопедия; СПб. : НОРИНТ, 1997. – 1456 с.

5. Грешников, И.П. Субъекты гражданского права: юридическое лицо в праве и законодательстве / И.П. Грешников. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 331 с.

6. Гражданское право : актуальные проблемы теории и практики / В.А. Белов [и др.] ; под ред. В.А. Белова. – М. : Юрайт-Издат, 2007. – 993 с.

ГЛАВА 8

СПОСОБЫ УЧАСТИЯ ОРГАНИЗАЦИИ СО СТАТУСОМ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Право выступать от имени организации без доверенности, как правило, имеет одно физическое лицо – директор организации, председатель правления либо председатель совета директоров (ее руководитель или лицо, осуществляющее его функции), а именно единоличный орган управления организации.

На основании содержания норм п. 3 ст. 49 ГК в цивилистической литературе и в хозяйственной практике Республики Беларусь сложилось мнение о том, что исполнительный орган организации является ее представителем, действующим в рамках правовых норм, закрепленных в главе 10 ГК. Согласно нормам, закрепленным в п. 3 ст. 183 ГК, руководитель организации, если предположить, что он является ее представителем в значении этого термина, установленного нормами главы 10 ГК, не имеет права совершать сделки от имени организации в отношении себя лично. Например, одно и то же лицо является руководителем двух организаций или руководителем организации является одновременно индивидуальным предпринимателем. В силу сложившегося в теоретической и практической юриспруденции подхода к определению места органа управления организации в системе гражданско-правовых отношений директор организации, будучи одновременно индивидуальным предпринимателем, не сможет, как ин-

дивидуальный предприниматель, заключить договор с управляемой организацией.

По указанному пути пошла практика хозяйственных судов Республики Беларусь [1], позиция которых сводится к тому, что орган организации со статусом юридического лица (единоличный орган управления – директор либо руководитель коллегиального органа управления – председатель совета директоров, председатель правления) являются представителями организации в силу закона, которые при осуществлении своих полномочий должны руководствоваться нормами главы 10 ГК «Представительство. Доверенность».

Однако возникает вопрос о соответствии сложившейся в Беларуси судебной практики сущности теоретико-правовой конструкции «юридическое лицо» и тому правовому положению, которое занимает в ней орган управления организации со статусом юридического лица. Также вызывает сомнение соответствие сложившейся судебной практики логике гражданского оборота и, в частности, логике хозяйственной и, как ее разновидности, предпринимательской деятельности, что наводит на мысль о некотором несовершенстве гражданско-правовых норм в части регулирования правового положения органа управления организации со статусом юридического лица.

Сложившаяся по рассматриваемой проблематике российская судебная практика, в отличие от белорусской, является противоречивой – в одних случаях применяющей нормы о представительстве к договорам, подписанным от имени двух организаций одним физическим лицом, а в других – нет.

Несмотря на существующую в Беларуси и России судебную практику и соответствующее ей мнение некоторых ученых, не все правоведаы как России, так и Республики Беларусь, согласны с применением норм о представительстве (глава 10 ГК, глава 10 ГК РФ) к деятельности исполнительного органа организации со статусом юридического лица.

Так, В.А. Витушко обоснованно считает отношения, возникающие в процессе деятельности исполнительного органа организации, отношениями, смежными с представительством, указывая на то, что «органы юридического лица

действуют от имени и в интересах юридического лица, но их действия закон рассматривает как действия самого юридического лица», ссылаясь при этом на нормы п. 1 ст. 49 ГК, п. 1 ст. 53 ГК РФ [2, с. 245].

На невозможность возникновения гражданско-правовых отношений представительства между исполнительным органом организации и самой организацией со статусом юридического лица указывает Я.И. Функ [3].

Орган организации со статусом юридического лица предлагает отличать от представителя И.Ш. Файзутдинов, который отмечает, что отношения представительства предполагают наличие двух лиц, каждый из которых является субъектом права и выражает свою волю, а орган организации со статусом юридического лица является его частью, что исключает наличие двух субъектов гражданского права, между которыми могут возникнуть отношения представительства [4, с. 257].

Отличие между органом организации со статусом юридического лица и его представителем, представляющим интересы организации по доверенности, выданной ее исполнительным органом, проводит В.М. Малинкович [5, с. 58].

Для точного и соответствующего требованиям гражданского оборота определения правового положения исполнительного органа организации со статусом юридического лица в гражданском праве и согласования теории и практики применения гражданско-правовых норм необходимо исследовать гражданско-правовой институт представительства и возможность его применения к деятельности исполнительного органа организации.

Так, в соответствии с нормами п. 1 ст. 183 ГК под представительством понимаются действия одного лица (представителя), совершаемые от имени и в интересах другого лица (представляемого) на основании полномочия, основанного на доверенности, правовых нормах либо акте уполномоченного на то государственного органа или органа местного управления и самоуправления, в результате совершения которых права и обязанности возникают у представляемого.

Из приведенного определения следует, что: 1) представительство по своей сути является гражданским правоотношением; 2) возникающим между двумя

самостоятельными субъектами гражданского права: представителем и представляемым; 3) в результате участия в котором представитель совершает предусмотренные в доверенности, акте законодательства или акте уполномоченного государственного органа действия в интересах представляемого от своего имени и своей волей, руководствуясь указаниями представляемого. При этом представляемый обладает собственной волей, что естественно для такого субъекта гражданского права, как человек, и способен самостоятельно выразить свою волю вовне; 4) в случае превышения представителем своих полномочий совершенные им действия порождают права и обязанности непосредственно у представителя.

Далее применим изложенные выше тезисы к отношениям, возникающим в процессе деятельности исполнительного органа организации со статусом юридического лица.

1. Вступление в свои полномочия исполнительного органа организации со статусом юридического лица, а точнее, ее директора, основано:

а) во-первых, на решении общего собрания участников хозяйственного общества (на решении собственника имущества (учредителя) унитарного предприятия), которое принимается в рамках гражданского правоотношения и носит предварительный характер, так как непосредственно прав и обязанностей директора организации у физического лица, указанного в решении общего собрания участников организации, не порождает;

б) во-вторых, на нормах Трудового кодекса и, в частности, на нормах его главы 18 «Особенности регулирования труда руководителя организации и членов коллегиального исполнительного органа», что переводит гражданское правоотношение в разряд трудового.

При этом единоличным органом управления организации, т.е. ее директором, может быть исключительно физическое лицо, у которого полномочия директора возникают только после заключения с ним трудового договора (контракта) в соответствии с нормами главы 18 Трудового кодекса. Следовательно, правовой основой возникновения полномочий физического лица как исполнительного

органа организации со статусом юридического лица, являются нормы трудового права Республики Беларусь, а возникающие при этом правоотношения являются трудовыми, а не гражданско-правовыми.

Вместе с тем, указанные отношения могут возникнуть и на основании гражданско-правового договора, если функции органа управления передаются управляющей организации или индивидуальному предпринимателю, которые, не являясь органом управления организации, выполняют его функции.

«Между органами юридического лица и указанным лицом, отмечает Я.И. Функ, невозможны никакие правовые отношения, так как органы юридического лица не являются самостоятельными субъектами права, они – составляющая часть юридического лица, его организация. Между человеком, составляющим сущность органа, и юридическим лицом могут возникать лишь трудовые отношения, если речь идет об исполнительном органе» [3].

Исключение составляют случаи, когда участники хозяйственного товарищества осуществляют предпринимательскую деятельность от имени товарищества на основании заключенного между ними гражданско-правового договора, а также, когда учредитель унитарного предприятия осуществляет функции его органа управления на основании самостоятельно принятого решения.

Однако, во-первых, хозяйственные товарищества в Республике Беларусь в настоящее время фактически не существуют в силу их недостаточной привлекательности как правовой формы участия в предпринимательских отношениях, а во-вторых, данная правовая форма осуществления предпринимательской деятельности в принципе, по своему назначению и конструкции, не предполагает присвоение ей статуса юридического лица, и во многих иностранных правовых порядках такого статуса не имеет.

Что же касается выполнения функций исполнительного органа унитарного предприятия его учредителем, то данный факт следует признать исключением из общего правила. В указанном случае правовой основой деятельности учредителя унитарного предприятия действительно являются нормы гражданского права и, в частности, нормы п. 4 ст. 113 ГК.

2. В процессе осуществления полномочий директора не возникают свойственные представительству гражданско-правовые отношения между двумя лицами: представителем и представляемым. Это связано с тем, что исполнительный орган управления организации, в качестве которого выступает физическое лицо, и организация, деятельностью которой он управляет, не являются двумя самостоятельными субъектами гражданского права, а представляют собой единое целое – организацию и ее орган управления. Как организация не может участвовать в гражданском обороте без органа управления, так и орган управления вне рамок организации таковым не является.

3. В отношениях представительства как представляемый, так и представитель имеют собственную волю, а во взаимосвязи организации и ее исполнительного органа управления организация со статусом юридического лица, являясь образованием фиктивным, собственной воли не имеет, чем собственно и обусловлена необходимость введения в состав любой организации со статусом юридического лица такой ее структурной части, как исполнительные органы управления, в качестве которых, как верно отмечает Я.И. Функ, фактически выступают люди, вырабатывающие и осуществляющие волю организации [3].

Именно директор организации формирует ее волю и выражает ее вовне в отношениях с другими субъектами гражданского права. По большому счету, воля организации зависит от воли физического лица – ее директора и фактически является ничем иным, как волей этого физического лица, которая в результате применения юридических фикций доводится до иных участников гражданского оборота как воля самой организации со статусом юридического лица.

Как верно указывает Г.В. Цепов, «процесс формирования и выражения воли юридического лица можно представить следующим образом:

- 1) первый этап составляет выражение субъектами управления воли, которую они полагали бы выдать за волю юридического лица;
- 2) второй этап – допущение, что данная воля является волей юридического лица;
- 3) третий этап – выражение этой воли перед третьими лицами уже как воли

юридического лица.

И в первом, и в третьем случаях фактически действуют только указанные субъекты, однако если на первом этапе это – непосредственно их воля, то на последнем признается, что это уже воля юридического лица» [6, с. 89–93].

4. В том случае, если в процессе осуществления текущего руководства деятельностью организации со статусом юридического лица, например, при заключении гражданско-правового договора, ее исполнительный орган управления (директор) выйдет за пределы предоставленных ему полномочий, круг которых, по общему правилу, конкретно не определен (*если ограничения в отношении полномочий директора организации не установлены в учредительных документах либо решением общего собрания учредителей (решением собственника имущества организации)*), то права и обязанности по заключенному директором договору все равно возникнут у организации. Если бы применялись нормы главы 10 ГК «Представительство. Доверенность», то права и обязанности по договору, заключенному представителем с превышением им своих полномочий, возникли бы непосредственно у представителя, т.е. у конкретного физического лица, назначенного директором организации.

Это связано с тем, что исполнительный орган управления организации не обладает самостоятельной правосубъектностью и действует в рамках правосубъектности организации.

Негативные последствия, которые могут наступить в рамках гражданско-правовых отношений в случае совершения организацией со статусом юридического лица сделки, выходящей за пределы ее правоспособности, предусмотрены нормами ст. 174 ГК, согласно которым такая сделка может быть признана недействительной судом по иску учредителя (участника) организации или государственного органа, осуществляющего контроль или надзор за деятельностью организации при том условии, что другая сторона в сделке знала или в силу правовых норм обязана была знать о ее неправомерности, но совершила такую сделку виновно – умышленно или по неосторожности.

В случае признания совершенной организацией сделки недействительной для

нее могут наступить иные, предусмотренные другими отраслями права и отраслями законодательства негативные последствия имущественного характера (например, применение административной ответственности по основаниям, предусмотренным нормами налогового права).

Признание судом сделки недействительной не переводит права и обязанности по такой сделке на действительно совершившее ее лицо, т.е. на директора, а фактически аннулирует ее, и дальнейшие возможные негативные последствия такого аннулирования опять-таки ложатся в первую очередь на организацию.

Таким образом, на основе приведенных аргументов и компетентных мнений специалистов можно сделать вполне обоснованный и логичный вывод о том, что правовые нормы, закрепленные в главе 10 ГК «Представительство. Доверенность», не могут применяться к отношениям, возникающим в процессе осуществления исполнительным органом организации со статусом юридического лица своих полномочий по управлению организацией. Следовательно, упоминавшиеся выше примеры из опубликованной судебной практики показывают, что она складывается вопреки развитию теории гражданского права, сущности института представительства и его значению в гражданско-правовом регулировании, а также вопреки сущности теоретико-правовой конструкции «юридическое лицо» и логике ее применения в гражданском обороте.

Анализируемые отношения носят специфический характер в силу фиктивности самой организации со статусом юридического лица, а также в силу отсутствия у нее своей воли и, следовательно, способности самостоятельно, вне рамок действий исполнительного органа управления, выражать ее во вне в отношениях с иными субъектами гражданского права.

Вместе с тем, основываясь на том, что в п. 3 ст. 49 ГК закреплены нормы, определяющие организацию со статусом юридического лица, от имени которой действует исполнительный орган управления, как представляемого, многие ученые и практики пришли к выводу о возможности и необходимости применения норм главы 10 ГК к отношениям, возникающим в процессе осуществления исполнительным органом организации функций управления.

В целях предотвращения неоднозначного развития науки гражданского права, а также во избежание казусных ситуаций, возникающих в процессе участия организаций со статусом юридического лица в гражданском обороте и в практике рассмотрения соответствующих споров хозяйственными судами, необходимо изменить закрепленную в п. 3 ст. 49 ГК формулировку посредством замены в указанных нормах термина «представляемой», на иной, отражающий фактически складывающиеся общественные отношения, соответствующие сущности организации со статусом юридического лица и ее предназначению как участника гражданского оборота.

Предлагаемая нами формулировка норм п. 3 ст. 49 ГК исключает возможность возникновения споров о необходимости применении норм главы 10 ГК к действиям исполнительного органа управления организацией со статусом юридического лица и указывает на то, что отношения, возникающие между организацией со статусом юридического лица и ее директором, носят характер трудовых отношений (применимо в том случае, когда функции директора выполняет физическое лицо, с которым заключен трудовой договор).

Кроме руководителя организации, который участвует в гражданском обороте от ее имени в силу полномочия, основанного на нормах гражданского и трудового права, а также положениях учредительных документов, в отношениях с третьими лицами от имени организации могут принимать участие лица, работающие в организации по трудовому договору или по договорам гражданско-правового характера (например, по договору подряда).

Иные, кроме директора, работники организации не осуществляют текущее руководство ее деятельностью и, следовательно, не формируют ее волю, а в процессе исполнения своей трудовой функции выполняют волю директора, трансформированную при помощи приемов юридической фикции в волю самой организации со статусом юридического лица. В том случае, когда наемные работники вступают от имени организации в гражданские и иные правоотношения с третьими лицами, они выполняют функции ее представителей, на действия которых как раз и распространяются нормы главы 10 ГК.

Правовые нормы, закрепленные в главе 10 ГК, предусматривают два правовых основания участия работников организации в отношениях с третьими лицами от имени и в интересах организации:

1) работник может выступать от имени организации в силу полномочия, основанного на доверенности, выданной по правилам ст. 186 ГК, подписанной руководителем организации, подпись которого заверяется мастичной печатью организации. Объем правоспособности такого представителя определяется в доверенности, в силу чего его действия, выходящие за рамки указанных полномочий, не порождают прав и обязанностей для организации. В случае совершения представителем организации действий, выходящих за пределы предоставленных ему полномочий, и, в частности, совершения не предусмотренной в доверенности сделки, права и обязанности по такой сделке в силу норм ст. 184 ГК наступают непосредственно у совершившего ее лица;

2) полномочия работника на участие в гражданско-правовых отношениях от имени организации могут, согласно нормам ч. 2 п. 1 ст. 183 ГК, явствовать из обстановки, в которой действует представитель. К такому представительству относятся действия лиц, работающих в сфере обслуживания (водители общественного транспорта, парикмахеры, фотографы, продавцы в организациях розничной торговли, лица, осуществляющие прием одежды в химическую чистку, работники отделений связи и т.п.). Кроме того, представителями организации, полномочия которых явствуют из обстановки, являются лица, представляющие организацию, например, на выставке определенного вида продукции и т.п. В таких случаях доверенность на право представлять интересы организации со статусом юридического лица в гражданско-правовых отношениях не требуется.

Названные лица своими действиями приобретают права и обязанности для представляемых ими организаций, в связи с чем в случае возникновения у потребителя товаров, работ, услуг претензий к действиям данных лиц он должен будет адресовать претензии непосредственно представляемой ими организации.

Список использованных источников

1. Александров, Д. Аналитический материал / Д. Александров // Бюллетень нормативно-правовой информации. Юридический мир. – 2002. – № 6.
2. Витушко, В.А. Гражданское право : учеб. пособ. : в 2 ч. / В.А. Витушко. – Минск : Белорусская наука, 2007. – Ч. 1. – 566 с.
3. Функ, Я.И. Органы управления коммерческих организаций и их представители / Я.И. Функ // Бюллетень нормативно-правовой информации. Юридический мир. – 2005. – № 17.
4. Гражданское право : учеб. / В.Ф. Яковлев [и др.] ; под ред. В.Ф. Яковлева. – М. : РАГС, 2003. – 503 с.
5. Гражданское право : учеб. / В.В. Залесский [и др.] ; под ред. В.В. Залесского, М.М. Рассолова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2002. – 703 с.
6. Цепов, Г.В. Понятие органа юридического лица по российскому законодательству / Г.В. Цепов // Правоведение. – 1998. – № 3. – С. 89–93.

ГЛАВА 9

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ: НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Участие субъектов гражданского права в имущественных и личных неимущественных отношениях, составляющих предмет гражданско-правового регулирования, обусловлено, в первую очередь, естественными потребностями человека, удовлетворение которых осуществляется посредством производства, обмена и потребления необходимых для жизни материальных благ и, во вторую, – желанием человека, обеспечившего свое нормальное существование, получить дополнительные доходы, предоставляющие субъекту возможности по-

вышения уровня своей жизни, ее комфортности, расширения сферы влияния в обществе и другие аналогичные возможности.

По общему правилу участники гражданских отношений осуществляют свои права и исполняют обязанности самостоятельно и по своему усмотрению, что предусмотрено нормами ст. 8 ГК и логично следует из требований, предъявляемых к совершению сделок, как самых распространенных юридических фактов. В частности, одним из требований, предъявляемых к сделкам, является необходимость их совершения на основе свободно сформированного и добровольно выраженного во вне волеизъявления непосредственно стороной сделки.

Вместе с тем, в силу различных причин юридического либо фактического свойства, не во всех случаях субъект гражданского права имеет возможность удовлетворить свои потребности в осуществлении принадлежащих ему прав и в исполнении возложенных на него обязанностей посредством личного участия в соответствующих гражданско-правовых отношениях.

К причинам юридического свойства следует отнести в первую очередь, отсутствие у субъекта дееспособности в объеме, необходимом для осуществления прав и исполнения обязанностей в гражданском обороте, что исключает возможность самостоятельного фактического участия такого субъекта в гражданско-правовых отношениях. К числу фактических причин, препятствующих непосредственному участию субъекта в гражданско-правовых отношениях, можно отнести, например, его болезнь, нахождение в командировке, необходимость совершения нескольких сделок одновременно с субъектами, находящимися географически в разных местах, отсутствие у субъекта специальных знаний и другие аналогичные причины не связанные с правосубъектностью конкретного лица. При наличии указанных выше обстоятельств возникает противоречивая ситуация когда осуществление гражданских прав и исполнение обязанностей непосредственно лицом, которому они принадлежат не представляется возможным и при этом осуществление прав и исполнение обязанностей в гражданском обороте для такого лица (в некоторых случаях и для общества или государства) является необходимым. Ряд субъектов гражданского права, являясь фиктивными-

ми участниками гражданско-правовых отношений (организациями со статусом юридического лица), не обладающими свойствами психической личности и, следовательно, возможностью непосредственно совершать как фактические, так и юридические действия, вынуждены принимать участие в гражданском обороте не только через свои органы, но в ряде случаев и через своих представителей, действующих как по доверенности, так и в силу полномочий, предоставленных трудовым договором.

В целом, ситуации при которых субъекты гражданского права по каким-либо причинам юридического или фактического свойства не могут, не желают или не в состоянии самостоятельно осуществлять принадлежащие им права и исполнять возложенные на них обязанности представляют собой достаточно частое явление в гражданском обороте. Однако такое положение субъектов гражданского права не создает препятствий для нормального, стабильного, непрерывного развития гражданских отношений благодаря наличию в системе гражданского права специальной совокупности правовых норм, позволяющих субъекту участвовать в гражданских правоотношениях опосредовано, т.е. осуществлять свои права и исполнять обязанности используя правосубъектность другого лица. По верному утверждению В.А. Витушко «институт представительства создает юридическую фикцию присутствия лица одновременно в различных местах» [1, с. 244].

Названная совокупность правовых норм закреплена в главе 10 ГК (стст. 183–190) и составляет институт гражданского права, именуемый «Представительство. Доверенность». Нормы указанного института направлены на создание правовых условий осуществления в гражданском обороте прав и исполнения обязанностей субъектами гражданского права, которые в силу каких-либо причин самостоятельно реализовать свою правосубъектность не в состоянии.

Основанные на нормах главы 10 ГК общественные отношения участвуя в которых один субъект гражданского права совершает сделки от имени другого субъекта гражданского права в силу полномочия, основанного на доверенности, правовых нормах либо акте уполномоченного на то государственного органа

или органа местного управления и самоуправления и при этом непосредственно создает, изменяет и прекращает гражданские права и обязанности у этого другого лица называются представительством.

В целом участниками анализируемых общественных отношений могут быть физические лица, организации, а также Республика Беларусь и ее административно-территориальные единицы, участвующие в гражданско-правовых отношениях через уполномоченные организации.

Лицо, нуждающееся в представлении своих интересов именуется представляемым, а лицо, представляющее чужие интересы – представителем.

В зависимости от видов представительства в качестве представляемого могут выступать либо любые субъекты гражданского права, в том числе недееспособные, ограниченно дееспособные физические лица, либо только полностью дееспособные физические лица и организации со статусом юридического лица. В качестве представителей во всех видах представительства, по общему правилу, могут выступать правосубъектные физические лица, а также коммерческие и некоммерческие организации. При этом некоммерческие организации имеют право вступать в отношения представительства на стороне представителя в том случае, если указанные отношения соответствуют целям деятельности некоммерческой организации – представителя и направлены на выполнение ее уставных задач. Коммерческие организации, обладая в настоящее время универсальной правоспособностью, имеют право участвовать на стороне представителя в любых возмездных отношениях представительства. Участие же в безвозмездных отношениях противоречит основной цели создания и деятельности коммерческих организаций и в силу этого, за некоторым исключением, не допускается.

Общие правила участия в отношениях представительства состоят в следующем:

– действия представителя, совершенные им в рамках предоставленных полномочий, порождают, изменяют и прекращают права и обязанности у представляемого;

– действия представителя, совершенные им за пределами предоставленных полномочий, порождают, изменяют и прекращают права и обязанности непосредственно у представителя, т.е. у лица, совершившего юридически значимые действия. Исключения составляют случаи последующего одобрения представителем действий представителя. В указанной ситуации права и обязанности считаются возникшими, измененными или прекращенными у представляемого с момента совершения соответствующих действий представителем;

– представитель не имеет права совершать сделки от имени представляемого в отношении себя лично либо другого лица, представителем которого он является;

– субъект гражданского права может быть представителем неограниченного круга лиц и участвовать в разных видах представительства одновременно.

Согласно нормам ст. 183 ГК представительство классифицируется по основаниям его возникновения на следующие виды:

- добровольное представительство;
- законное представительство;
- представительство, основанное на административном акте (административное представительство);
- представительство, возникающее в процессе выполнения субъектом своей трудовой функции.

Добровольным признается представительство, возникающее на основании добровольного волеизъявления как представляемого, так и представителя. В качестве юридического факта на основании которого возникают исследуемые общественные отношения выступает заключенный между сторонами представительства гражданско-правовой договор, а в качестве документа, подтверждающего полномочия представителя – доверенность. Учитывая исключительную добровольность возникающих на основе соответствующего договора общественных отношений и их, как правило, лично-доверительный (фидуциарный) характер нормами ст. 189 ГК как представляемому, так и представителю предоставлено безусловное право отказа от участия в отношениях представи-

тельства в любое время.

В силу того, что добровольное представительство возникает на основании заключенного между субъектами гражданско-правового договора как представляемый, так и представитель (физические лица) должны обладать дееспособностью в полном объеме. Исключения составляют случаи, когда представляемым является член потребительского кооператива, достигший шестнадцати, который имеет право участвовать в деятельности общего собрания членов кооператива как лично, так и через представителя посредством заключения соответствующего договора с правосубъектным лицом.

Форма договора, заключаемого между представляемым и представителем должна соответствовать общим правилам о форме сделок и, следовательно, в зависимости от условий вступления в отношения представительства может быть как письменной, так и устной.

Добровольное представительство следует признать самым распространенным видом исследуемых общественных отношений. В частности, к институту добровольного представительства прибегают в случае необходимости получения одним лицом заработной платы или иных видов вознаграждения другого лица в кассе организации. Примером добровольного представительства прямо предусмотренного нормами ГК являются общественные отношения, возникающие при установлении патронажа. Добровольное представительство как способ опосредованного участия в гражданско-правовых отношениях используется в случаях, когда для участия в общественных отношениях требуются специальные знания и во многих других случаях.

Разновидностью добровольного представительства является коммерческое представительство порядок участия в котором определен нормами ст. 185 ГК. Так, в соответствии с названными нормами коммерческим представителем признается субъект хозяйствования, осуществляющий на постоянной основе деятельность по представлению субъектов хозяйствования при заключении ими гражданско-правовых договоров в процессе осуществления предпринимательской деятельности. В отличие от иного добровольного представительства, ком-

мерческое имеет более узкую сферу применения – отношения, возникающие в процессе осуществления предпринимательской деятельности и, следовательно, ограниченный (специальный) состав участников – субъекты предпринимательской деятельности. В силу того, что коммерческое представительство возникает в рамках предпринимательских отношений, к процедуре участия в нем предъявляется ряд специальных требований отличных от отношений иного добровольного представительства.

Во-первых, коммерческому представителю предоставлено право одновременного представления двух сторон заключаемого договора. Во-вторых, договор коммерческого представительства всегда должен быть совершен в письменной форме и, по общему правилу, содержать перечень полномочий коммерческого представителя, что исключает необходимость оформления доверенности. Вместе с тем, в случае отсутствия в договоре перечня полномочий коммерческого представителя оформление доверенности является обязательным. В-третьих, как коммерческий представитель, так и представляемый им субъект хозяйствования имеют право отказаться от договора о представительстве только в соответствии со специально установленными требованиями. В-третьих, на коммерческого представителя возлагается обязанность сохранения в тайне ставших ему известными сведений о предпринимательской деятельности представляемого как в период участия в отношениях представительства, так и после их завершения.

Представительством, основанном на административном акте признаются общественные отношения в рамках которых одно лицо осуществляет права и обязанности другого лица в его интересах в силу административного акта, принятого согласно нормам ст. 183 ГК уполномоченным государственным органом или органом местного управления и самоуправления в предусмотренных правовыми нормами случаях. Таким образом для возникновения административного представительства необходимо одновременное наличие двух условий: 1) возникновение предусмотренных правовыми нормами обстоятельств; 2) принятие уполномоченным государственным органом или органом местного управ-

ления и самоуправления соответствующего решения, оформленного в виде административного акта.

В качестве представительства, основанного на административном акте (административного представительства) можно рассматривать деятельность опекуна, осуществляемую от имени и в интересах подопечного. Наш вывод основан на том, что опека, как общественные отношения представительства, возникает, согласно нормам главы 14 КоБС на основе решения об установлении опеки, принятого органом опеки и попечительства, т.е. на основании административного акта. Основанием для принятия такого решения служат следующие фактические обстоятельства:

- признание субъекта гражданского права решением суда недееспособным в следствие душевной болезни или слабоумия;
- смерть родителей, в результате чего дети остаются без опеки;
- уклонение родителей от исполнения своих обязанностей по воспитанию детей.

Таким образом опека, как общественное отношение возникает в случае наличия указанных выше жизненных обстоятельств на основании административного акта, принятого уполномоченным государственным органом.

В юридической литературе в качестве примера представительства, основанного на административном акте приводят общественные отношения, возникающие в сфере исполнения работником порученных ему организацией функций. Так, А.П. Сергеев указывает, что представительство, основанное на административном акте «чаще всего имеет место тогда, когда орган юридического лица издает приказ о назначении работника на должность, связанную с осуществлением определенных представительских функций, например, представительством в суде, составлением юридических актов, заключением сделок и т.д.» [2, с. 283]. Абсолютно идентичный пример представительства, основанного на административном акте приводит Д.А. Колбасин, который указывает, что: «чаще всего оно имеет место, когда орган юридического лица издает приказ о назначении работника на должность, связанную с осуществлением определенных

представительских функций, например, представительством в суде, составлением юридических актов, заключением сделок и т.д.» [3, с. 244].

Оба автора приводят абсолютно одинаковую мотивацию данного предположения. Так, А.П. Сергеев указывает, что «полномочия представителя в этом случае определяются изданным административным актом, либо следуют из должностной инструкции работника, либо явствуют из обстановки, в которой действует представитель (продавец, кассир, приемщик заказов и т.п.)» [2, с. 283]. Колбасин Д.А. указывает, что «полномочия представителя в этом случае определяются изданным административным актом, либо следуют из должностной инструкции работника, либо явствуют из обстановки, в которой действует представитель (продавец в розничной торговле, кассир, приемщик заказов и т.п.)» [3, с. 244].

Приведенный пример представительства, основанного на административном акте следует признать не соответствующим содержанию норм ст. 183 ГК (182 ГК РФ) согласно которым представительство, основанное на административном акте возникает в случае принятия такого акта уполномоченным государственным органом или органом местного управления и самоуправления, т.е. органами, обладающими административной юрисдикцией, а не организацией со статусом юридического лица. Тем более не является административным представительством деятельность продавца, приемщика заказов, кассира, которая в соответствии с нормами ст. 183 ГК (182 ГК РФ) образует самостоятельный вид представительства при котором полномочия представителя явствуют из обстановки, в которой он действует. Данный вид представительства абсолютно верно именуется в юридической литературе представительством в силу фактических обстоятельств [1, с. 252].

Примером представительства, основанного на административном акте также может служить факт назначения судом по представлению органа опеки и попечительства доверительного управляющего имуществом лица, признанного безвестно отсутствующим. Кроме отношений опеки и безвестного отсутствия к представительству, основанному на административном акте прибегают в случае

возникновения необходимости представления интересов государства в гражданско-правовых отношениях, что предусмотрено нормами п. 3 ст. 125 ГК.

Таким образом в качестве представляемого в отношениях административного представительства выступает либо лицо, нуждающееся в опеке, либо государство (административно-территориальная единица), а в качестве представителей – правосубъектные физические лица и организации со статусом юридического лица. Причем, в случае представления интересов Республики Беларусь во многих случаях представителем может быть только гражданин Республики Беларусь.

Юридическим фактом возникновения отношений административного представительства выступает административный акт уполномоченного государственного органа либо органа местного управления и самоуправления.

Законным признается представительство возникающее между представляемым и представителем исключительно на основании правовых норм и в предусмотренных ими случаях. Законное представительство возникает автоматически при наличии соответствующих жизненных обстоятельств. Для его возникновения не требуется вступление сторон представительства в договорные отношения либо принятие уполномоченным государственным органом или органом местного управления и самоуправления административного акта. В качестве примера законного представительства можно рассматривать общественные отношения, возникающие между родителями (усыновителями) и их детьми (усыновленными), в которых родители признаются представителями своих детей на основании норм ст. 68 КоБС в силу факта рождения ребенка. Таким образом представляемыми в отношениях законного представительства являются дети (в том числе усыновленные), а представителями их родители (усыновители). Юридическим фактом возникновения законного представительства является факт рождения ребенка либо факт его законного усыновления.

Законным представителем судовладельца и грузовладельцев в соответствии с нормами ст. 74 Кодекса торгового мореплавания Республики Беларусь от 15 ноября 1999 г. признается капитан судна в отношении сделок, вызываемых ну-

ждами судна, груза или плавания.

Представительством, возникающим в процессе выполнения субъектом своей трудовой функции признаются общественные отношения участвуя в которых субъект гражданского права, представляет интересы субъекта хозяйствования в отношениях с третьими лицами в процессе выполнения должностных обязанностей, возложенных на него трудовым договором.

Анализируемый вид представительства включает в себя два подвида.

Представительство первого подвида предполагает, что полномочия работника явствуют из обстановки в которой он действует вследствие чего дополнительного их подтверждения не требуется. К такому представительству относится деятельность работников организаций, осуществляемая публично и, в частности, деятельность продавцов (кассиров) в организациях розничной торговли; водителей транспорта общего пользования; официантов в организациях общественного питания; приемщиков заказов в организациях бытового обслуживания населения и многие другие виды деятельности, осуществляемой публично. Как указывалось выше данный подвид представительства, возникающего в процессе выполнения субъектом своей трудовой функции следует именовать представительством из фактических обстоятельств.

Представительство второго подвида предполагает деятельность работника по представлению интересов организации на основании доверенности, выданной ее руководителем или иным лицом, уполномоченным учредительными документами или локальными нормативными правовыми актами организации (например, доверенность на получение материальных ценностей в другой организации).

В силу того, что в большинстве случаев, деятельность названных лиц, осуществляемая в гражданском обороте, основана на трудовом договоре, заключенном с соответствующим субъектом хозяйствования, анализируемый вид представительства можно классифицировать, как представительство из трудового договора. Следовательно, юридическим фактом возникновения представительства из трудового договора выступает:

– во-первых, факт заключения трудового договора между нанимателем и работником и назначение последнего на должность (представительство первого подвида);

– во-вторых, факт заключения трудового договора между нанимателем и работником, назначение последнего на должность и уполномочие его на совершение соответствующих действий доверенностью (представительство второго подвида).

В качестве представляемого выступает субъект хозяйствования, заключивший с работником трудовой договор, а представителем физическое лицо, публично выполняющее по трудовому договору соответствующую трудовую функцию либо представляющее интересы организации на основании доверенности.

Независимо от вида представительства оно представляет собой общественное отношение, возникающее в сфере гражданско-правового регулирования и направленное на создания условий полноценного участия в гражданском обороте лиц, которые в силу указанных выше причин самостоятельно осуществлять свои права и исполнять обязанности не в состоянии.

В связи с тем, что представительство рассматривается как гражданско-правовые отношения в нем всегда принимают участие две стороны: представляемый и представитель. Непосредственно между указанными лицами и возникают представительские отношения суть которых состоит в том, что представитель в соответствии с правовыми нормами, изданным административным актом, гражданско-правовым либо трудовым договором наделяется полномочиями на совершение в интересах представляемого определенной совокупности юридически значимых действий, последствия совершения которых возникнут непосредственно у представляемого. Отношения, возникающие между представителем и третьими лицами в процессе выполнения представителем поручения представляемого следует рассматривать как обычные гражданско-правовые отношения в которых фактически участвует представитель, а юридически – представляемый. По верному утверждению О.Н. Садикова «отношения между третьими лицами и представителем не выражают существо института представительства

поскольку представитель действует от имени представляемого» [4, с. 336].

Учитывая тот факт, что для сферы правового регулирования важны не фактические, а юридические отношения можно сделать вывод о том, что в гражданско-правовых отношениях с третьим лицом принимает участие представляемый через фигуру представителя. Фактическое, а не юридическое замещение лица в гражданском обороте и составляет суть представительства. Юридические отношения между представителем и третьим лицом могут возникнуть только в случае, когда представитель превысил предоставленные ему полномочия в силу чего права и обязанности возникли не у представляемого, а непосредственно у представителя.

В этой связи нельзя согласиться с утверждением Д.А. Колбасина согласно которому «субъектный состав представительства состоит из трех категорий лиц: представляемого, представителя и третьего лица» [3, с. 240], а также с утверждением согласно которому «между представляемым и представителем складываются внутренние отношения, а между представителем и третьим лицом – внешние отношения» [3, с. 241]. Во-первых, внешние отношения складываются не между представителем и третьим лицом, а между представляемым и третьим лицом в результате действий представителя, на что, в частности, указывает В.А. Витушко [1, с. 247], а во-вторых, к указанным отношениям применяются общие нормы гражданского права, а не нормы о представительстве, что исключает возможность рассматривать третье лицо, как одного из субъектов отношений представительства.

Общественные отношения, не отвечающие указанным выше признакам представительства представительскими не являются. Так, в соответствии с нормами п. 2 ст. 183 ГК не являются представителями субъекты гражданского права, которые от собственного имени действуют в чужих интересах. Не являются представительскими отношения, возникающие в процессе участия в гражданском обороте в интересах организации со статусом юридического лица ее органа управления.

В качестве примера общественных отношений, сходных с отношениями

представительства, но не являющимися таковыми в юридической литературе традиционна приводят действия рукоприкладчика при подписании завещания от имени наследодателя, действия душеприказчика при наследовании, деятельность комиссионера по договору комиссии, деятельность антикризисных управляющих в процедуре банкротства.

Список использованных источников:

1. Витушко, В.А. Гражданское право : учеб. пособ. : в 2 ч. / В.А. Витушко – Минск : Белорусская наука, 2007. – Ч. 1. – 566 с.
2. Гражданское право : учеб. : в 3 т. / А.П. Сергеев [и др.] ; под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – 5-е изд. перераб. и доп. – М. : ПБОЮЛ; Л.В. Рожников, 2001. – Т. 1. – 632 с.
3. Колбасин, Д.А. Гражданское право : Общая часть : учеб. пособие : в 2-х т. / Д.А. Колбасин. – Минск : Аккад. МВД Респ. Беларусь, 2008. – Т. 1. – 263 с.
4. Гражданское право России : общая часть : курс лекций / О.Н. Садиков [и др.] ; под ред. О.Н. Садикова. – М. : Юристь, 2001. – 776 с.

ГЛАВА 10

НОРМА ПРАВА

В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Общее понятие, признаки и структура правовых норм подробно исследованы наукой «теория права», которая также детально дифференцирует правовые нормы на виды. По сути, ни один учебник по теории права не обошел стороной вопросы понятия, структуры, признаков и классификации правовых норм по видам, чего нельзя сказать о цивилистической науке, в рамках которой понятие, признаки и предназначение непосредственно гражданско-правовых норм прак-

тически не рассматривались. На этот факт обращает внимание В.А. Белов, утверждающий о том, что «несмотря на многолетнюю практику группировки правовых норм, ни один ученый так и не попытался создать отраслевой теории норм права – учения о нормах права отдельно взятой отрасли» [1, с. 208–209].

Учеными-теоретиками приводятся различные определения понятия «норма права», отличающиеся друг от друга в некоторой степени как текстуально, так и по смысловому содержанию.

Так, в частности, О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский, рассматривая норму права в качестве вида социальных норм, определяют ее как «объективно предопределяемое сознательно-волевое общее правило поведения людей, установленное для обеспечения определенной целенаправленности их практической деятельности» [2, с. 127], что, по нашему мнению, является, в целом, верным. Однако далее, выделяя нормы права из совокупности социальных норм, названные ученые в итоге указывают на то, что «норма права есть установленная или санкционированная государством и охраняемая им норма общеобязательного поведения людей как участников регулируемых ею повторяющихся общественных отношений» [2, с. 132], с чем в полной мере согласиться нельзя.

Схожее по смыслу с определением О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородского в части регулирования общественных отношений определение правовой нормы предлагает В.К. Бабаев, согласно мнению которого норма права представляет собой «общеобязательное веление, выраженное в виде государственно-властного предписания и регулирующее общественные отношения» [3, с. 369].

Аналогичное по смыслу с определением О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородского в той его части, что норма является правилом поведения, определение правовой нормы сформулировано О.Э. Лейстом, согласно утверждению которого «правовой нормой называется установленное или санкционированное государством правило поведения, охраняемое от нарушений с помощью мер государственно-го принуждения» [4, с. 559].

По сути, каждое из приведенных выше определений правовой нормы, предлагаемое как В.К. Бабаевым, так и О.Э. Лейстом, представляет собой одну из

частей определения, сформулированного О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородским, и в случае объединения двух определений в одно они содержательно повторяют первое.

Определяя норму права в качестве юридико-логической модели позитивного права и особого нормативного регулятора внешнего поведения людей, В.С. Нерсесянц под нормой права понимает «общее правило регулирования общественных отношений, согласно которому его адресаты должны при определенных условиях <...> действовать как субъекты определенных прав и обязанностей <...>, иначе последуют определенные невыгодные для них последствия <...>» [5, с. 391]. Как «формализованное общезначимое и общеобязательное правило поведения, имеющее представительство-обязывающий характер и установленное (санкционированное) государством», определяет правовую норму А.В. Поляков [6, с. 466].

Точку зрения О.Э. Лейста и А.В. Полякова, рассматривающих норму права как установленное государством правило поведения, поддерживает В.М. Сырых [7, с. 122], а точку зрения В.К. Бабаева, определяющего норму права как государственное веление, регулирующее общественные отношения, разделяет В.Н. Протасов [8, с. 171].

Определение правовой нормы, предложенное в советский период развития науки «теория права» О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородским, рассматриваемыми в одном ряду норму права как правило поведения и как регулятор общественных отношений, в постсоветский период поддерживают А.Ф. Черданцев [9, с. 208] и А.Б. Венгеров [10, с. 360–361].

Таким образом, можно условно выделить следующие подходы к пониманию нормы права, сложившиеся в рамках науки «теория права». В соответствии с первым подходом норма права – это общеобязательное правило поведения, согласно второму – это правило поведения, которое регулирует общественные отношения, исходя из третьего подхода к пониманию нормы права, предложенного В.С. Нерсесянцем, норма права представляет собой правило регулирования общественных отношений, а согласно утверждению О.С. Иоффе и М.Д.

Шаргородского – общее правило поведения людей, регулирующее общественные отношения, в которых они участвуют.

Безусловно, в других многочисленных учебниках и учебных пособиях, изданных по теории права как в советский, так и в постсоветский период развития общетеоретической юридической науки, возможно, предлагаются и несколько другие варианты определения одного из ключевых понятий юридической науки, каковым является норма права, но все они, в целом, сводятся к тому, что норма права представляет собой общеобязательное правило поведения, что и выступает квинтэссенцией любого определения правовой нормы.

Несмотря на то, что в каждом из приведенных выше определений понятия «норма права» использован термин «правило», все точки зрения, высказанные учеными-теоретиками, существенно отличаются друг от друга по своему смысловому содержанию и, следовательно, требуют их детального анализа с целью выбора одного определения, в наибольшей степени отражающего место и роль как нормы права в целом, так и нормы гражданского права в частности, в процессе государственного управления обществом.

Применительно к межотраслевому понятию правовой нормы, которое, собственно, и предлагается учеными-теоретиками, и уж тем более к понятию правовой нормы, являющейся элементом какой-либо отрасли права, вызывающим наибольшие сомнения, следует признать определение, предложенное В.С. Нерсесянцем, рассматривающим правовую норму как общее правило регулирования общественных отношений.

Проводя анализ определения понятия «норма права», предложенного В.С. Нерсесянцем, следует учитывать то обстоятельство, что, согласно утверждению О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородского, норма права как государственно-властное веление может исходить только от государства [2, с. 127].

На основе анализа определения нормы права, сформулированного В.С. Нерсесянцем и приведенного выше утверждения О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородского, можно сделать вывод о том, что норма права, являясь правилом регулирования общественных отношений, устанавливает какие-то закономерности либо

последовательность деятельности государственных органов, направленной на осуществление социального регулирования (регулирования общественных отношений), под которым С.С. Алексеев понимает процедуру определения поведения людей и их коллективов, разработки направлений их функционирования и развития, деятельность по целеустремленному упорядочению такого поведения [11, с. 30].

Таким образом, на основании определения правовой нормы, предложенного В.С. Нерсесянцем, можно сделать вывод о том, что правовые нормы принимаются с целью закрепления каких-то правил деятельности государственных органов по регулированию общественных отношений. Такой подход нельзя признать соответствующим действительности, типичным для всей совокупности правовых норм, особенно применительно к отраслевым правовым нормам в целом и к нормам гражданского права в частности.

Определение нормы права как общеобязательного государственно-властного предписания, регулирующего общественные отношения, поддерживаемого большинством ученых, включая В.К. Бабаева, В.Н. Протасова, частично А.Б. Венгеровым, А.Ф. Черданцевым и другими учеными-теоретиками, по нашему мнению, также является дискуссионным. Применительно к его содержанию возникает вопрос о том, способно ли предписание, которое также можно назвать нормой права, правилом поведения, государственным велением и т.п., регулировать общественные отношения, а именно, поведение людей и их коллективов, на что обращает внимание С.С. Алексеев.

Термин «регулировать» означает «упорядочивать <...>, направлять <...>, приводить» [12, с. 672], т.е. осуществлять какую-то деятельность. Под термином «деятельность», в свою очередь, понимается «специфическая человеческая форма отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение в интересах людей» [13, с. 348].

На основании значений анализируемых слов можно сделать вывод о том, что осуществлять какую-либо деятельность, в том числе и по регулированию общественных отношений, может только человек, но не норма, правило, веление и

т.п., которые сами являются результатом активности человека, направленной на упорядочение (регулирование) поведения людей в определенной сфере социального взаимодействия. «Норма права, отмечает В.А. Белов, <...> суть субстанция идеального свойства. Идея <...> не может оказать преобразовательного воздействия на реальную действительность – такое воздействие способны оказать только люди <...>» [14, с. 106–107].

Учитывая то обстоятельство, что на современном этапе развития государственности любое социально допустимое воздействие на процесс развития общественных отношений возможно только в рамках установленного на государственной территории правопорядка, можно сделать обоснованный вывод о том, что деятельность по упорядочению поведения людей возможна только в рамках правового регулирования, под которым С.С. Алексеев понимает «осуществляемое при помощи системы правовых средств (юридических норм, правоотношений, индивидуальных предписания и др.) результативное, нормативно-организационное воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения, охраны, развития в соответствии с общественными потребностями» [11, с. 145].

На основании изложенного также можно сделать вывод о том, что определение нормы права и как регулятора общественных отношений, и как правила регулирования общественных отношений не соответствуют действительному предназначению правовых норм.

Исходя из того, что государственное управление осуществляется только государственными органами и только в рамках правового регулирования, норму права, в том числе и норму гражданского права, следует рассматривать как правовое средство, применяя которое государство в лице уполномоченных государственных органов оказывает регулятивное воздействие на участников общественных отношений. Применительно к нашему исследованию – на участников имущественно-стоимостных эквивалентно-возмездных товарно-денежных отношений, а, по сути, на субъектов гражданского права.

Следовательно, наиболее точно, с точки зрения общетеоретической юридической науки, норму права определяют О.Э. Лейст, А.В. Поляков, В.М. Сырых

и другие ученые, являющиеся сторонниками такого подхода, согласно которому под нормой права понимается формально-определенное, установленное государством и поддерживаемое его принудительной силой общеобязательное правило поведения в определенной сфере социального взаимодействия людей – применительно к нормам гражданского права, – в сфере производства, обмена и потребления материальных благ.

На основании изложенного норму гражданского права предварительно можно определить как правовое средство, разработанное уполномоченными государственными органами, содержательно представляющее собой определенное правило поведения, предназначенное для использования в процессе правового воздействия на субъектов гражданского права.

Норма права имеет логико-семантическую природу и, согласно утверждению А.Ф. Черданцева, с языковой точки зрения находит свое выражение в грамматических предложениях правового текста, а с логической точки зрения – представляет собой определенную мысль законодателя [15, с. 6].

Наряду с исследованием нормы права как формально-определенного правила поведения, исполнение которого поддерживается принудительной силой государства, т.е. законодательной нормы (нормы закона) в широком смысле термина «закон», обозначающего всю совокупность нормативных правовых актов, в которых закреплено текстуальное выражение смысла правовой нормы, правовые нормы также рассматриваются юридической наукой как сложные условные логические суждения имплицативного типа.

Первые называются нормами-предписаниями, а вторые – нормами-суждениями имплицативного типа, сконструированными по принципу «если <...> то», т.е. логическими умозаключениями (подчиняющимися законам формальной логики) о поведенческих возможностях субъектов системы права.

Термин «импликация» обозначает «способ связи двух простых высказываний в сложное с помощью конструкции *если..., то...*» [16, с. 390].

Предназначение норм-предписаний, согласно утверждению А.В. Полякова, состоит в том, что, являясь системным элементом права, правовые нормы слу-

жат основанием наличия у субъектов прав и обязанностей, в рамках реализации которых действия субъекта получают обоснованность, становятся нормальными, кроме того, нормы-предписания включают такие действия в определенные границы, указывая на возможность совершения одних действий и на необходимость совершения других [6, с. 453].

Необходимо отметить тот факт, что норма права, являясь главным предметом научного познания в рамках юридического позитивизма, имеет ряд признаков, исследование которых позволяет выделить нормы права из ряда других социальных норм, определить место и роль норм права в механизме правового регулирования, под которым С.С. Алексеев, в свою очередь, понимает совокупность правовых средств, при помощи которых обеспечивается результативное правовое воздействие, правовой эффект которого выражается в процессе решения экономических и иных социальных задач [11, с. 150–155].

Необходимо отметить, что политическое управление определенной совокупностью людей на современном этапе развития государственности возможно только в рамках правового регулирования, основанного на использовании правовых средств, в совокупности составляющих механизм правового регулирования. При этом правовое воздействие на участников общественных отношений могут оказывать только люди, объединенные в рамках уполномоченных государственных органов, но не нормы права, представляющие собой идеальную конструкцию, объект целенаправленной активности человека.

Одним из видов правовых средств, входящих в состав механизма правового регулирования являются нормы права, посредством закрепления которых в нормативных правовых актах, подлежащих обязательному обнародованию, государство, по нашему мнению, доводит до сведения находящихся на государственной территории лиц информацию о том, какие деяния и в какой области социального взаимодействия признаются государственной властью социально безопасными (позитивными) и, следовательно, допустимыми, а какие – социально опасными (негативными, асоциальными) и, следовательно, недопустимыми. В случае совершения деяний, признанных социально опасными, госу-

дарство оставляет за собой право применения к лицам, совершившим такие деяния, помимо их воли мер государственного принудительного воздействия, содержание которых поставлено в зависимость от степени социальной опасности негативного деяния.

Непосредственная разработка правовых норм, их закрепление в нормативных правовых актах, доведение до всеобщего сведения и даже установление мер юридической ответственности за нарушение разработанных государством правил участия в общественных отношениях не является фактическим препятствием к совершению деяний, негативно оцениваемых государством, не служит гарантией надлежащего поведения участников общественных отношений. Физические лица неизменно совершают деяния, именуемые правонарушениями, руководствуясь различными мотивами, осознавая при этом опасность государственного преследования.

Исходя из того, что разработка и придание юридической силы правовым нормам, в том числе предусматривающим применение к субъектам права мер государственного принуждения, не является гарантией поведения, которое допускается в соответствии с содержанием правовых норм, последние следует рассматривать не как государственно-властные предписания, обязательные для исполнения, а как разработанные государством и доведенные до сведения лиц, находящихся на государственной территории, модели поведения позитивно или негативно оцениваемые уполномоченными государственными органами.

«Каждая правовая норма, независимо от отраслевой принадлежности, в той или иной степени выполняет в механизме правового регулирования такие функции, как функцию государственной ориентации участников общественной жизни и функцию государственной оценки разработанных вариантов поведения субъектов права» [17, с. 212].

Модели поведения, предлагаемые нормами гражданского права, в основе своей, подлежат положительной оценке государством, которое поощряет такое поведение посредством придания действиям участников экономической деятельности юридического значения и закрепления за ними соответствующих

субъективных прав.

Процесс выбора модели поведения, разрешенного или запрещенного государством, следует отнести к эмоционально-волевой психической деятельности физических лиц самостоятельно принимающих решение о совершении либо не совершении того или иного деяния в процессе сознательно-волевой оценки предусмотренных правовыми нормами позитивных либо негативных последствий своего поведения и возможной реакции государства на такое поведение.

«Исходное ценностное начало права, отмечает В.В. Лазарев, – способность оказывать воздействие на волю и сознание людей» [3, с. 443].

Таким образом, изложенное позволяет сделать вывод о том, что правовая норма представляет собой разработанную государством модель разрешенного или запрещенного поведения, посредством закрепления которой в нормативном правовом акте государственная власть оповещает находящихся на подчиненной территории физических лиц о возможных положительных или отрицательных последствиях поведения, предусмотренного той или иной правовой нормой.

Список использованных источников

1. Белов, В.А. Гражданское право : общая часть : учеб. / В.А. Белов. – М. : Юрайт, 2011. – Т. 1: Введение в гражданское право. – 521 с.
2. Иоффе, О.С. Вопросы теории права / О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородский. – М. : Юрид. лит, 1961. – 381 с.
3. Теория государства и права : учебник / В.К. Бабаев [и др.] ; под ред. В.К. Бабаева. – М. : Юристъ, 2002. – 592 с.
4. Проблемы теории государства и права : учеб. пособ. / А.Г. Бережнов [и др.] ; под ред. М.Н. Марченко. – М. : Юристъ, 2001. – 656 с.
5. Нерсесянц, В.С. Общая теория права и государства : учебник / В.С. Нерсесянц. – М. : НОРМА; Инфра-М, 2010. – 547 с.
6. Поляков, А.В. Общая теория права / А.В. Поляков. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 642 с.

7. Сырых, В.М. Теория государства и права / В.М. Сырых. – М. : Юстицинформ, 2004. – 704 с.
8. Протасов, В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства / В.Н. Протасов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт-М, 2001. – 346 с.
9. Черданцев, А.Ф. Теория государства и права : учебник / А.Ф. Черданцев. – М. : Юрайт-М, 2001. – 432 с.
10. Венгеров, А.Б. Теория государства и права : учебник / А.Б. Венгеров. – М. : Юриспруденция, 2000. – 528 с.
11. Алексеев, С.С. Теория права / С.С. Алексеев. – М. : БЕК, 1993. – 224 с.
12. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
13. Большой энциклопедический словарь / Н.М. Ланда [и др.] ; под ред. А.М. Прохорова. – М. : Большая Российская энциклопедия, СПб. : НОРИНТ, 1997. – 1456 с.
14. Гражданское право : актуальные проблемы теории и практики / А.Б. Бабаев [и др.] ; под ред. В.А. Белова. – М. : Юрайт-Издат, 2007. – 993 с.
15. Черданцев, А.Ф. Толкование права и договора / А.Ф. Черданцев. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 381 с.
16. Большой толковый словарь русского языка / Л.И. Балахонова [и др.] ; под ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – 1536 с.
17. Нормы советского права : проблемы теории / [и др.] ; под ред. М.И. Байтина, В.К. Бабаева. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1987. – 224 с.

ГЛАВА 11

ПОНЯТИЕ, ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ И ПРИЗНАКИ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: СОВРЕМЕННАЯ НАУЧНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Экономические отношения, являясь базисными, определяющими материальный уровень жизни людей, в настоящее время подлежат детальному правовому регулированию. Основным средством правового регулирования таких отношений можно признать нормы гражданского права, закрепляемые в нормативных правовых актах, совокупность которых составляет систему гражданского законодательства.

В процессе формирования определенных моделей поведения участников экономической деятельности наряду с нормами гражданского применяются нормы публично-правовых отраслей, также включающие в свой состав императивные правовые нормы. Однако процедура применения императивных норм публично-правовых отраслей и императивных норм гражданского права существенно отличается, что требует дополнительного внимания со стороны участников экономической деятельности в процессе их совместного применения. Кроме того, существенно отличаются по процедуре применения от императивных норм как гражданского права, так и публично-правовых отраслей диспозитивные и факультативные нормы гражданского права. Указанное обстоятельство предполагает необходимость разграничения правовых норм, применяемых в процессе регулирования экономической деятельности как по отраслевой принадлежности, так и по характеру воздействия на участников экономических отношений. Такое разграничение необходимо проводить, в первую очередь, исходя как из общих признаков правовой нормы, так и из признаков, присущих отдельной совокупности правовых норм.

Юридической наукой предлагается определенная совокупность общих признаков, присущих всем правовым нормам безотносительно к их отраслевой

принадлежности:

– *формальная определенность*, выраженная в точности нормативного предписания и его закреплённости в нормативных правовых актах системы законодательства. «Формальная определенность нормы права, отмечает В.М. Сырых, прежде всего означает факт закрепления ее содержания <...> нормативным правовым актом), принятым компетентным органом государства <...>» [1, с. 121];

– вытекающая из формальной определенности *нормативность* правовой нормы, указывающая на то, что правовая норма является предлагаемой государством моделью поведения, закрепляющей основные особенности общественных отношений, подлежащей обязательному соблюдению. «С помощью норм права, утверждает А.Ф. Черданцев, многочисленные ситуации приводятся к единой юридической формуле, устанавливается единообразная модель поведения неопределенного числа субъектов в количественно неопределенных ситуациях» [2, с. 21];

– основанный на двух приведенных выше признаках *общеобязательный характер* правовой нормы, заключающийся, на что указывает, в частности, В.К. Бабаев, в обязательности ее исполнения и соблюдения, предполагающей обязательную реакцию государства на поведение субъекта [3, с. 371];

– *представительно-обязывающий характер*, выраженный в предоставлении субъектам определенных прав и возложении на них обязанностей.

Исследуя признаки правовой нормы и их применимость к нормам гражданского права необходимо отметить, что политическое управление определенной совокупностью людей, находящихся на государственной территории, на современном этапе развития государственности возможно только в рамках правового регулирования, основанного на использовании правовых средств, в совокупности составляющих механизм правового регулирования, применение которого позволяет осуществлять необходимое государству правовое воздействие на участников общественных отношений и достигать желаемого социального результата. При этом правовое воздействие на участников соответствующих общественных отношений могут оказывать только люди, объединенные в рамках уполномоченных государственных органов, но не нормы права, представляю-

щие собой идеальную конструкцию, объект целенаправленной активности человека.

Одним из видов правовых средств, входящих в состав механизма правового регулирования являются нормы права, посредством закрепления которых в нормативных правовых актах, подлежащих обязательному обнародованию, государство доводит до сведения находящихся на государственной территории лиц информацию о том, какие деяния и в какой области социального взаимодействия признаются государственной властью социально безопасными (позитивными) и, следовательно, допустимыми, а какие – социально опасными (негативными, асоциальными) и, следовательно, недопустимыми. В случае совершения деяний, признанных социально опасными, государство оставляет за собой право применения к лицам, совершившим такие деяния, помимо их воли мер государственного принудительного воздействия, содержание которых поставлено в зависимость от степени социальной опасности негативного деяния (преступление, административный проступок, гражданско-правовой деликт или дисциплинарный проступок).

Перечень деяний, совершение которых признается допустимым или запрещается зависит от политического направления развития общества, степени связанности государственного управления с религией, что отчетливо проявляется в странах мусульманского права, выбранного государством курса экономического развития, и от некоторых других факторов как объективного, так и субъективного свойства.

Ярким примером зависимости установленных запретов и разрешений от перечисленных выше обстоятельств является, например, запрет во времена СССР и, наоборот, разрешение и даже стимулирование в постсоветский период частной предпринимательской инициативы.

Вместе с тем, непосредственная разработка правовых норм, их закрепление в нормативных правовых актах, доведение до всеобщего сведения и даже установление мер юридической ответственности за нарушение разработанных государством правил участия в общественных отношениях не является фактическим

препятствием к совершению деяний, негативно оцениваемых государством, не служит гарантией надлежащего поведения участников общественных отношений. Физические лица неизменно совершают деяния, именуемые правонарушениями, руководствуясь различными мотивами, осознавая при этом опасность государственного преследования, влекущего порой применение достаточно серьезных мер государственного реагирования. Основываясь на том, что люди, осознавая возможность наступления неблагоприятных последствий совершаемого деяния, нарушают установленные государством правила поведения, можно предположить, что положительные факторы, достижение которых предполагается вследствие совершения правонарушения, оцениваются нарушителем выше, чем возможные негативные последствия противоправного поведения.

Исходя из того, что разработка и придание юридической силы правовым нормам не является гарантией поведения, которое допускается в соответствии с содержанием правовых норм, последние следует рассматривать не как государственно-властные предписания, обязательные для исполнения, а как разработанные государством и доведенные до сведения лиц, находящихся на государственной территории, модели поведения позитивно или негативно оцениваемые уполномоченными государственными органами.

«В нормах, отмечает А.Ф. Черданцев, фиксируется ценностное отношение законодателя к тем или иным общественным явлениям, отношениям» [2, с. 14].

«Каждая правовая норма, независимо от отраслевой принадлежности, в той или иной степени выполняет в механизме правового регулирования такие функции, как функцию государственной ориентации участников общественной жизни и функцию государственной оценки разработанных вариантов поведения субъектов права. <...> Каждая из норм права ориентирует участников общественных отношений, но в зависимости от характера предписания ориентация имеет различную социально-правовую значимость» [4, с. 212].

Модели поведения, содержащиеся в нормах уголовного права, подлежат негативной оценке посредством применения мер уголовного преследования.

Модели поведения, предлагаемые нормами гражданского права, наоборот, в

основе своей, подлежат положительной оценке государством, поощряющим такое поведение посредством придания ему юридического значения.

Процесс выбора модели поведения следует отнести к эмоционально-волевой психической деятельности человека самостоятельно принимающего решение о совершении либо несовершении того или иного деяния в процессе сознательно-волевой оценки предусмотренных правовыми нормами позитивных либо негативных последствий своего поведения и возможной реакции государства на такое поведение.

«Исходное ценностное начало права, отмечает В.В. Лазарев, – способность оказывать воздействие на волю и сознание людей» [3, с. 443].

Следовательно, правы О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский, определяющие правовую норму как сознательно-волевое общее правило поведения людей. Правовые нормы осуществляют «функцию государственной ориентации участников общественных отношений и функцию государственной оценки их поведения <...>» [4, с. 215].

В процессе сопоставления положительных и отрицательных сторон правомерного и противоправного поведения, т.е. в процессе сознательно-волевой деятельности по оценке последствий своего деяния человек принимает решение о выборе модели разрешенного или запрещенного поведения в соответствии с мотивацией, выработанной у него в процессе психического взаимодействия с окружающей действительностью.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что правовая норма представляет собой разработанную государством модель разрешенного или запрещенного поведения, посредством закрепления которой в нормативном правовом акте государство оповещает своих граждан о возможных положительных или отрицательных последствиях поведения, предусмотренного правовой нормой.

Учитывая то обстоятельство, что нормы права, в том числе и гражданского, сами по себе, вне рамок сознательно-волевой деятельности физических лиц, не способны гарантировать надлежащее поведение субъектов и, как следствие, достижение необходимого социального эффекта, следует согласиться с утвер-

ждением В.А. Белова, в соответствии с которым «эффект правового регулирования общественных отношений <...> представляет собой не что иное, как следствие внимания участников таких отношений к нормативным актам как форме внешнего выражения государственно-властной оценки (положительной, отрицательной или нейтральной) самих этих отношений и фактов участия (или неучастия) в таковых» [5, с. 205–206].

На основании того, что все правовые нормы, включая и нормы гражданского права, как правила поведения, исходящие от государства, неизменно закреплены в нормативных правовых актах, можно констатировать факт соответствия всех видов правовых норм такому признаку, как формальная определенность.

На основании того, что правовые нормы рассматриваются в качестве средства нормативного регулирования, можно утверждать о том, что всем нормам, включая гражданско-правовые, присущ такой общий признак, как нормативность, позволяющий признать за правовой нормой значение модели поведения, разработанной государством. При этом, на что указывает В.А. Белов, такая модель поведения представляет собой всего лишь источник информирования участников различных социальных связей об отношении государственной власти к деяниям субъектов права [5, с. 206], являясь одновременно государственно-властным велением, неисполнение которого влечет применение мер государственного принуждения.

Следовательно, норма права, являясь источником информации, способна создавать эффект правового регулирования только посредством социально-психологического воздействия на участников общественных отношений в процессе их сознательно-волевой деятельности.

До реализации, отмечает А.Ф. Черданцев, норма права должна пройти через сознание и волю своих адресатов, должна быть осознана, воспринята ими и таким образом оказать влияние на волю субъекта, склонить его к поведению, предусмотренному правовой нормой [6, с. 208].

Непосредственно возможность применения государственного принуждения создает тот социально-психологический эффект, с помощью которого государ-

ство добивается правомерного поведения своих граждан.

Причем социально-психологический эффект правомерного поведения в сфере гражданского оборота достигается как возможным применением мер гражданско-правового воздействия, так и посредством мер, предусмотренных нормами уголовного права.

Вывод о том, что нормам права, наряду с формальной определенностью, присущ такой признак, как нормативность, основан в том числе и на значении термина «норма», под которой понимается «(от лат. norma – руководящее начало, правило, образец), 1) узаконенное установление, признанный обязательным порядок» (например, норма времени, норма накопления, норма высева, норма прибыли и т.п.) [7, с. 1066–1067].

Несмотря на то, что такие признаки, как формальная определенность и нормативность, в целом, присущи всем правовым нормам, нормы гражданского права отличаются от норм публично-правовых отраслей и, в частности, от норм административного, уголовного права своим предназначением, целью разработки, закрепления в источниках гражданского права, своей конструкцией и уровнем социально-психологического воздействия, оказываемого на субъектов в процессе принятия ими соответствующих мотивированных решений.

В отличие от норм публично-правовых отраслей, нормы гражданского права являются моделями разрешенного поведения, на что указывалось выше, ориентируют граждан на совершение таких действий которые позволяют достичь не только положительный экономический, но и правовой эффект, совокупность которых является гарантией дальнейшего нормального развития гражданско-правовых отношений.

Нормы гражданского права сконструированы таким образом, что не являются обязательными для исполнения, во многом позволяют субъектам гражданского права изменять содержание правовых норм.

Несоблюдение норм гражданского права, в том числе имеющих императивную конструкцию, и даже совершение деяний, противоречащих содержанию гражданско-правовых норм либо прямо запрещенных ими, не влечет обязатель-

ного применения мер государственного принуждения, что предопределено формами, способами и средствами защиты гражданских прав, хотя предполагает (допускает, не исключает) их применение.

В отличие от норм гражданского права, совершение деяний, предусмотренных (запрещенных) нормами уголовного права, в большинстве случаев влечет государственное преследование, которое в отношении виновного лица не может закончиться иначе как назначением наказания по приговору суда.

В отличие от уголовно-правовых и гражданско-правовых нормы административного, финансового права в большинстве своем, представляют собой модели необходимого государству и, как следствие, обязательного поведения. В случае несовершения или несвоевременного совершения предусмотренных ими деяний государство применяет, как правило, в обязательном порядке, к субъекту административного, финансового права меры государственного принуждения.

Изложенное позволяет утверждать о том, что нормы уголовного права, а вслед за ними административного, финансового права оказывают большее социально-психологическое воздействие на мотивацию физических лиц, в большей степени стимулируют их к правомерному поведению, чем нормы гражданского права. Это связано с тем, что совершение запрещенных ими деяний либо несовершение требуемых (например, уплата налога), непременно должно повлечь за собой применение мер государственного воздействия, отличающихся от гражданско-правовых мер, применяемых исключительно на основании волеизъявления заинтересованного лица, более существенными отрицательными последствиями, наступление которых возможно для нарушителя правовых предписаний.

Таким образом, следует констатировать тот факт, что такой признак правовой нормы, как нормативность, присущ гражданско-правовым нормам только в той части, что нормы гражданского права, как и нормы остальных отраслей права, исходят от государственной власти и закрепляют общие черты, признаки гражданско-правовых отношений.

В части обязательного соблюдения правовых норм всеми лицами, находящимися на государственной территории, признак нормативности к нормам гражданско-правовых отношений.

данского права можно применить только декларативно, что обусловлено спецификой мер государственного принуждения, применение которого к нарушителям гражданско-правовых норм возможно только на основании требования пострадавшего лица. В случае отсутствия такого требования нарушение норм гражданского права, в отличие от норм уголовного или административного права, не влечет обязательного, неотвратимого применения к нарушителю мер государственного принуждения.

В гражданском праве, в целом, в отличие от уголовного или налогового права, отсутствует механизм обязательного, по воле уполномоченных государственных органов, применения мер гражданско-правовой ответственности к нарушителям установленных государством общих правил поведения. К гражданско-правовым отношениям не применим принцип неотвратимости наказания.

В силу специфики процедуры применения мер гражданско-правовой ответственности, их имущественного компенсационного характера, а также применяемого в гражданском праве диспозитивного метода правового регулирования, в рамках общей концепции которого сформулированы даже императивные гражданско-правовые нормы, конструкция которых позволяет субъектам гражданского права правомерно игнорировать их предписания, можно утверждать о том, что к нормам гражданского права также не применим такой признак, как общеобязательный, государственно-властный характер правовой нормы.

Что же касается такого признака правовой нормы, как ее представительный обязывающий характер, то можно констатировать полное соответствие норм гражданского права его содержанию. Совокупность гражданско-правовых норм сконструирована таким образом, что, предоставляя одной нормой гражданского права какому-то из участников гражданско-правовых отношений определенные права, второй нормой на другого участника в обязательном порядке возлагаются соответствующие обязанности, исполнение которых обязанным лицом позволяет управомоченному лицу реализовать предоставленные ему права.

Общественные отношения, возникающие на основании гражданско-правовых норм, по общему правилу, построены на основе полной корреляции прав и обя-

занностей, именуемых взаимообусловленными.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что нормам гражданского права, в отличие от иных и, в частности, норм публично-правовых отраслей, не свойственен такой существенный признак, как общеобязательность исполнения, что переводит гражданско-правовые нормы из разряда государственно-властных велений, обязательных для исполнения, в разряд разработанных государством и предложенных к реализации моделей возможного поведения, позволяющих достичь необходимый экономический и правовой эффект наиболее удобным, с точки зрения государства, способом, но допускающих альтернативное поведение участников гражданско-правовых отношений.

Список использованных источников

1. Сырых, В.М. Теория государства и права / В.М. Сырых. – М. : Юстицинформ, 2004. – 704 с.
2. Черданцев, А.Ф. Толкование права и договора / А.Ф. Черданцев. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 381 с.
3. Теория государства и права: учебник / В.К. Бабаев [и др.] ; под ред. В.К. Бабаева. – М.: Юристь, 2002. – 592 с.
4. Нормы советского права : проблемы теории / [и др.] ; под ред. М.И. Байтина, В.К. Бабаева. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1987. – 224 с.
5. Белов, В.А. Гражданское право : общая часть : учеб. / В.А. Белов. – М. : Юрайт, 2011. – Т. 1: Введение в гражданское право. – 521 с.
6. Черданцев, А.Ф. Теория государства и права : учебник / А.Ф. Черданцев. – М. : Юрайт-М, 2001. – 432 с.
7. Российский энциклопедический словарь : в 2-х кн. / под ред. А.М. Прохорова [и др.]. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2000. – Кн. 2: Н–Я. – 1023 с.

ГЛАВА 12

ПРЕДМЕТНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ НОРМ

Основу жизнедеятельности человека и развития государственности, в первую очередь, составляют экономические отношения, сложившиеся между людьми, проживающими на государственной территории и присущие человечеству с момента появления на земле первых людей и их объединения в первичные организованные общности.

Применительно к современным условиям сосуществования людей высокий уровень политического и экономического развития общества, идущий семимильными шагами технический прогресс обусловили необходимость детального правового опосредования общественных, в первую очередь экономических отношений, возникающих в процессе производства, обмена и потребления продукции. Интенсивное развитие общественных, в том числе и экономических отношений, послужило, по нашему мнению, основой зарождения и развития системы права в целом и такого правового средства регулирования экономических отношений, как гражданское право, берущего свое начало в памятниках древнего юридического искусства.

В настоящее время, непосредственно нормы гражданского права, основанные на Конституции, определяют возможности человека по участию в экономической деятельности, устанавливают пределы и условия присвоения человеком результатов собственного труда, объем и состав имущества, которое может находиться в частной собственности, предусматривают степень вмешательства государства в частные производственные процессы, определяют другие условия развития экономической деятельности, т.е. регулируют процедуру участия в экономических отношениях.

Содержание гражданского права как основной отрасли частного права, в том

числе и на современном этапе его развития, направленность гражданско-правовых норм на регулирование определенного сегмента общественных отношений, а также совокупность и содержание применяемых в процессе такого регулирования правовых средств устанавливаются посредством определения предмета и метода правового регулирования, являющихся, в соответствии с господствующей в настоящее время предметно-методологической концепцией деления права на отрасли, неизменными признаками отраслевой принадлежности определенной совокупности правовых норм. Предметно-методологическая концепция деления права на отрасли является относительно «молодой» и, по большому счету, существует чуть более шестидесяти лет. Ее современная основа была заложена в 1938–1940-х гг. XX в. в рамках первой дискуссии о системе советского права, в ходе которой советские ученые пришли к выводу о необходимости деления права на отрасли по предмету правового регулирования.

В первой дискуссии о системе советского права приняли участие такие видные ученые советского периода развития юридической науки, как М.М. Агарков, Г.Н. Амфитеатров, М.А. Аржанов, С.Н. Братусь, Д.М. Генкин, М.П. Карева, Я.Ф. Миколенко и ряд других [1, с. 52–57; 2, с. 85–102; 3, с. 12–28; 4, с. 36–52; 5, с. 28–40; 6, с. 14–27].

«В ходе первой дискуссии о системе советского права, отмечает В.П. Мозолин, в центре внимания ученых находилась проблема предмета как классифицирующего признака для выделения гражданского права в самостоятельную отрасль права» [7, с. 21].

В соответствии с утверждением одного из участников дискуссии М.А. Аржанова, «гражданское право должно существовать как отрасль права, имеющая своим предметом регулирование имущественных отношений, возникающих на основе личной и общественной собственности не в порядке государственного управления, а преимущественно в порядке договоров, взаимных обязательств» [8, с. 58], что выводило из-под влияния норм гражданского права государственный сектор экономики и служило юридическим обоснованием применения к государственным субъектам хозяйствования административных методов

управления в процессе их участия в экономической деятельности.

«Можно считать прочным завоеванием советской юридической науки то выработанное ею в результате различных дискуссий и обсуждений положение, что в основе системы советского права лежит дифференциация регулируемых им общественных отношений на различные качественно-определенные виды», указывает С.Н. Братусь [9, с. 48].

«В советском правоведении, согласно утверждению О.А. Красавчикова, под предметом правового регулирования <...> принято понимать определенную совокупность единых в своей социальной сущности и природе общественных отношений, которые регулируются данной отраслью права» [10, с. 28].

Первая дискуссия о системе советского права, активно развивающаяся в указанный выше период, согласно утверждению О.С. Иоффе, завершилась опубликованной в 1946 г. в журнале «Советское государство и право» научной статьей С.Ф. Кечекьяна «О системе советского социалистического права» [11, с. 62].

Предметно-методологическая концепция деления права на отрасли получила дальнейшее развитие в рамках второй дискуссии о системе советского права, организованной и проведенной 1954–1955 гг., которая, по сути, была посвящена непосредственно гражданскому праву.

В обсуждении предметно-методологического подхода к определению отраслевой принадлежности правовых норм в рамках второй дискуссии о системе советского права приняли участие такие известные ученые анализируемого периода развития цивилистической науки, как А.В. Венедиктов, Д.М. Генкин, Ц.А. Ямпольская, Г.И. Петров, С.И. Вильнянский, Л.С. Галесник, В.П. Ефимочкин, В.Ф. Мешера, М.Д. Шаргородский, О.С. Иоффе, С.С. Алексеев, И.В. Павлов и ряд других.

В рамках второй дискуссии ученые пришли к выводу о том, что наряду с предметом правового регулирования вторым признаком отраслевой самостоятельности определенной совокупности правовых норм является метод правового регулирования. «При этом основные черты метода как вспомогательного по отношению к предмету критерия выводились из содержания регулируемых

гражданским правом общественных отношений. Метод стал восприниматься не как нечто внешнее к гражданско-правовому регулированию отношений, а как его неотъемлемая часть» [7, с. 21].

Разработанная советскими учеными предметно-методологическая концепция деления права на отрасли является единственно применяемой и в настоящее время, что указывает на фундаментальность подхода, разработанного в советский период и, соответственно, необходимость и на данном этапе развития цивилистики изучения гражданского права как отрасли права через исследование предмета и метода гражданско-правового регулирования.

Применительно к современному уровню развития цивилистики под предметом правового регулирования вообще понимаются общественные отношения, качественно однородные с точки зрения их общественно-политической характеристики [12, с. 303] и подлежащие детальному правовому регулированию.

Указанные отношения должны обладать определенными признаками, к которым относятся: устойчивость отношений, характеризующихся повторяемостью событий и действий людей; наличие возможности государственно-правового (внешнего) контроля за общественными отношениями; наличие объективной потребности в их урегулировании [13, с. 204].

Согласно утверждению С.С. Алексеева, т.е. с позиции фундаментальной юридической науки «теория права», «предметом правового регулирования являются разнообразные общественные отношения, которые объективно, по своей природе могут поддаваться нормативно-организационному воздействию, и в данных социально-политических условиях требуют такого воздействия, осуществляемого при помощи юридических норм и всех иных юридических средств, образующих механизм правового регулирования» [14, с. 146].

Изложенное позволяет утверждать о том, что для верного определения предмета гражданского права и соответствующего ему подхода к формированию гражданско-правовых норм необходимо установить тот круг общественных отношений, на участников которых государство оказывает регулирующее воздействие с помощью входящих в его состав норм, круг общественных отношений,

подпадающий под сферу их влияния, и при этом являющихся качественно однородными, повторяющимися, т.е. существующими неоднократно, требующими, в силу сложившегося образа жизни людей, государственного регулирования, допускающими возможность государственного контроля за их развитием.

«Структурный анализ предмета правового регулирования, согласно точке зрения О.А. Красавчикова, предполагает <...> выявление различных объективно взаимосвязанных групп общественных отношений, являющихся элементами структуры данного предмета» [10, с. 30]. Предложенный О.А. Красавчиковым подход позволяет выделить однородную группу общественных отношений, возникающих в определенной (применительно к гражданскому праву – экономической) сфере социального взаимодействия, что способствует наиболее верному определению потребностей государственного управления в указанной сфере и применению соответствующих приемов в процессе формирования однородной группы правовых норм, именуемых отраслью гражданского права.

Современный уровень развития цивилистической науки, большое количество научных публикаций, посвященных проблемам гражданско-правового регулирования, позволяют утверждать о том, что с момента своего появления и по настоящее время гражданское право (нормы, являющиеся его прообразом) служит цели правового воздействия на участников экономических отношений, возникающих в процессе производства, обмена и потребления продукции, т.е. в сфере товарного производства, именуемых имущественными и имеющими экономическое содержание.

В рамках названных отношений реализуется владение, пользование и распоряжение материальными благами, произведенными или приобретенными для дальнейшей реализации или для собственного потребления (использования). Следует отметить тот факт, что, независимо от периода развития гражданского права, неизменными фактическими участниками гражданско-правовых отношений были люди.

В отличие от общественных отношений, составляющих предмет гражданского права и во все времена именуемых имущественными, правовые средства, ис-

пользуемые в процессе регулирования общественных отношений, подпадающих под воздействие норм гражданского права, были неоднородными, что особенно ярко проявилось в советский период экономического развития, когда гражданское право как наука и как отрасль права развивалось под огромным влиянием идей коммунизма и присущей им государственной идеологии, что, соответственно, отразилось на содержании применяемого в гражданском праве метода правового регулирования, имеющего яркую административно-правовую окраску.

Включение имущественных отношений, возникающих в процессе производства, обмена и потребления продукции, в предмет гражданско-правового регулирования является вполне обоснованным и следует из того, что фактические отношения между людьми по поводу производства, обмена и потребления продукции, необходимой человеку для обеспечения жизнедеятельности, существовали во все времена в том числе и в примитивном, зачаточном виде, даже во времена первых людей, т.е. в догосударственном периоде развития человечества. Указанные отношения продолжают существовать и сейчас, конечно, в значительно модернизированном, усовершенствованном виде, соответствующем как современному уровню развития общественных отношений, так и современному уровню технического развития. Следовательно, имущественные отношения, возникающие по поводу производства, обмена и потребления продукции, в силу объективной потребности в них у человека можно признать устойчивыми и констатировать выполнение первого критерия, позволяющего их квалифицировать как предмет правового регулирования.

Экономическую основу таких отношений во все времена, включая и современный период общественного развития, составляла деятельность людей по производству различных товаров (выращивание зерновых культур, овощей, фруктов, разведение рабочего и продуктивного скота, пошив одежды, изготовление средств производства, оружия, орудий лова и т.п.), оказанию различных услуг (услуг по выпасу скота, по транспортировке грузов и перемещению людей, услуг вооруженной охраны, медицинских, финансовых услуг (начиная с

ростовщичества) и т.п.), выполнению работ (по строительству объектов недвижимости, индивидуальному изготовлению и ремонту различных вещей и т.п.) и последующей реализации нуждающимся в них людям вначале посредством обмена на другую необходимую продукцию, а впоследствии – на деньги, введенные в экономический оборот в качестве всеобщего эквивалента обмена.

Таким образом, анализируемые отношения характеризуются повторяемостью событий и действий, что указывает на выполнение второго критерия, позволяющего квалифицировать имущественные отношения как предмет правового регулирования.

В силу особой важности общественных отношений, возникающих по поводу производства, обмена и потребления продукции для каждого отдельного человека, всего общества и государства в целом, нормы, с помощью которых государство пыталось воздействовать на участников имущественных отношений, мы встречаем уже в одних из первых дошедших до нас памятниках писаного права, таких, как законы Ману и законы Царя Хаммурапи.

С развитием имущественных отношений, возникающих в процессе производства, обмена и потребления продукции, с развитием уровня техники, позволяющего производить все новые виды продукции, развивалась и система правовых норм, регулирующих общественные отношения, возникающие в сфере материального производства, обмена и потребления.

В настоящее время мы имеем не только обширную систему экономических отношений, включая мировые экономические связи, но и достаточно развитую систему гражданского права с соответствующей ей системой гражданского законодательства.

Необходимость государственного контроля за процессом производства продукции и ее потреблением в настоящее время обусловлена стоящими перед государственной властью задачами по обеспечению экономической безопасности государства, экологической безопасности продукции и окружающей природной среды, технической безопасности процесса эксплуатации источников повышенной опасности и т.п.

Таким образом, исследуемые нами имущественные отношения на современном этапе развития экономических и иных социальных отношений объективно нуждаются в государственном регулировании и по своему содержанию позволяют государству осуществлять необходимый контроль за их развитием, что свидетельствует о выполнении третьего критерия, примененного к анализируемым отношениям, позволяющего квалифицировать их как предмет правового регулирования.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что имущественные отношения, возникающие на территории Республики Беларусь в процессе производства, обмена и потребления продукции, отвечают всем необходимым критериям, позволяющим определить их как предмет правового регулирования нормами, составляющими самостоятельную отрасль права, и рассматриваются в настоящее время как основной предмет гражданского права.

Именно в правовом воздействии на участников имущественных (экономических) отношений, возникающих по поводу обмена произведенной продукции (товара) как правило на деньги (возмездные отношения) на эквивалентной основе (эквивалентно-возмездные отношения), т.е. в опосредовании имущественно-стоимостных товарно-денежных эквивалентно-возмездных отношений, возникающих в процессе производства, обмена и потребления продукции заключается основной смысл гражданского права, который наряду с диспозитивным методом правового регулирования оказывает самое непосредственное влияние на процедуру формирования отдельных гражданско-правовых норм, гражданско-правовых институтов, всей отрасли гражданского права.

Метод правового регулирования, применяемый в качестве второго критерия в процессе определения отраслевой принадлежности отдельной группы общественных отношений и выбора способов формирования правовых норм, составляющих соответствующую отрасль права, определяется направлением политического развития государства, установленным на государственной территории политическим режимом и конкретными задачами, стоящими перед государством в каждый отдельный период государственного, в том числе экономическо-

го развития.

Историческим примером применения различных правовых средств (методов) регулирования имущественно-стоимостных отношений, составляющих предмет гражданско-правового воздействия, может служить, в частности, тот факт, что «до 1932 г. в СССР заготовки сельскохозяйственных продуктов производились в порядке купли-продажи, с 1932 по 1958 г. – в порядке обязательных поставок, с 1958 г. они осуществляются путем государственных закупок – до 1960 г. только на основе обязательных для колхозов плановых заданий, а с 1961 г. и на основе договоров контрактации. При всех четырех формах заготовок – налицо имущественные отношения между колхозами и государственными заготовительными органами. Но имущественные отношения, регулировавшиеся путем обязательных поставок, не тождественны имущественным отношениям, складывающимся в области заготовок сельскохозяйственных продуктов на основе государственных закупок и контрактационных договоров» [9, с. 53].

В приведенном примере ярко отражен факт применения различных средств правового регулирования (по сути, двух противопоставленных друг другу методов правового регулирования) к одним и тем же общественным отношениям, возникающим и развивающимся с неизменяемой главной целью – обеспечение государственных нужд продукцией сельскохозяйственного производства. Обязательные для колхозов плановые задания безусловно квалифицируются как административные акты, исполнение которых основано на императивном методе правового регулирования и, соответственно, примени административно-правовых норм, являющихся по своей конструкции императивными, а договоры контрактации представляют собой гражданско-правовое средство, использование которого сопряжено с применением диспозитивного метода правового регулирования и, соответственно, включении в процедуру правового воздействия на участников экономической деятельности диспозитивных норм гражданского права.

При этом анализируемые отношения на протяжении всего указанного периода времени, а также и на настоящем этапе экономического развития, составля-

ют предмет гражданско-правового регулирования.

Встает вопрос о выборе соотношения императивных и диспозитивных правовых норм в процессе формирования отрасли гражданского права, при общем диспозитивном методе гражданско-правового регулирования, о соотношении публичных и частных начал в гражданском праве и о влиянии непосредственно императивных правовых норм на возможность собственного усмотрения участников экономической деятельности, допускаемого в целом диспозитивным методом правового регулирования.

Так, в современном Гражданском кодексе Республики Беларусь, включая раздел VIII «Заключительные положения» нумерация статей заканчивается статьей 1153. Учитывая статьи, исключенные из состава ГК за время его существования (23 статьи) и включенные в ГК (24 статьи), по состоянию на 1 января 2014 г. в Гражданском кодексе Республики Беларусь содержится 1154 статьи в которых закреплено чуть более 240 диспозитивных норм-предписаний. Следовательно, чуть менее 914 статей содержат либо императивные (как правило) либо факультативные (в некоторых случаях) нормы гражданского права.

Вместе с тем, общий диспозитивный метод правового воздействия на участников экономических отношений переопределил процедуру формирования и применения в том числе и императивных норм гражданского права, которые, в основе своей, используются для защиты слабой стороны гражданско-правового отношения и не оказывают того влияния, которое способны оказать императивные нормы публично-правовых отраслей, на участников экономической деятельности. В частности, императивные нормы гражданского права на современном этапе развития цивилистической науки классифицируются на три группы, две из которых применяются заинтересованной стороной только по собственному усмотрению, т.е. добровольно и, как следствие, в случае усмотрения заинтересованной стороны могут ею игнорироваться [15, с. 72–83].

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что общая диспозитивная направленность регулирования товарно-денежных имущественно-стоимостных эквивалентно-возмездных отношений участники которых подпадают под воз-

действие норм гражданского права, предопределила примененную в гражданском праве конструкцию императивных правовых норм, отличающуюся по порядку применения и цели регулятивного воздействия от императивных норм публично-правовых отраслей, допускающую правомерный отказ заинтересованного субъекта от применения императивных норм гражданского права, который возможен по решению лица, чье право нарушено. Такой отказ выражается бездействием заинтересованного лица, вызванным нежеланием защищать (восстанавливать) свои нарушенные права и законные интересы, что соответствует общей диспозитивной концепции гражданско-правового регулирования, допускающей защиту нарушенных прав и законных интересов исключительно по решению лица права которого нарушены.

Именно такой подход следует учитывать в процессе формирования норм гражданского права и включении в ГК императивных правовых норм.

Список использованных источников

1. Агарков, М.М. Предмет и система советского гражданского права / М.М. Агарков // Советское государство и право. – 1940. – № 8–9. – С. 52–72.
2. Амфитеатров, Г.Н. К вопросу о понятии советского гражданского права / Г.Н. Амфитеатров // Советское государство и право. – 1940. – № 11. – С. 85–102.
3. Аржанов, М.А. Предмет и метод правового регулирования в связи с вопросом о системе советского права / М.А. Аржанов // Советское государство и право. – 1940 – № 8–9. – С. 12–28.
4. Братусь, С.Н. О предмете советского гражданского права / С.Н. Братусь // Советское государство и право. – 1940. – № 4. – С. 36–52.
5. Генкин, Д.М. Предмет советского гражданского права / Д.М. Генкин // Советское государство и право. – 1939. – № 4. – С. 28–40.

6. Карева, М.П. К вопросу о делении права на публичное и частное / М.П. Карева // Советское государство и право. – 1939. – № 4. – С. 14–27.
7. Развитие советского гражданского права на современном этапе / Н.С. Малеин [и др.]. – М. : Наука, 1986. – 268 с.
8. Аржанов М.А. О принципах построения системы советского социалистического права / М.А. Аржанов // Советское государство и право. – 1939. – № 3. – С. 58.
9. Братусь, С.Н. Предмет и система советского гражданского права / С.Н. Братусь. – М.: Юрид. лит., 1963. – 197 с.
10. Красавчиков, О.А. Категории науки гражданского права: избранные труды : в 2-х т. / О.А. Красавчиков – М.: Статут, 2005. – Т. 1. – 490 с.
11. Иоффе, О.С. Развитие цивилистической мысли в СССР : в 2 ч. / О.С. Иоффе. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. – Ч. 1. – 160 с.
12. Власов, В.И. Теория государства и права : учеб. / В.И. Власов. – Ростов н/Д. : Феникс, 2002. – 509 с.
13. Теория права и государства : учеб. – 2-е изд., перераб. и доп. / В.С. Афанасьев [и др.] ; под ред. В.В. Лазарева – М. : Право и закон, 2002. – 551 с.
14. Алексеев, С.С. Теория права / С.С. Алексеев. – М. : БЕК, 1993. – 224 с.
15. Маньковский, И.А. Нормы и источники гражданского права: теоретические основы формирования и применения: монография / И.А. Маньковский. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2013. – 288 с.

ГЛАВА 13

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ НОРМ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Нормы, составляющие систему гражданского права, так же как и нормы других отраслей права, подлежат научно-практической классификации. Необходимость проведения классификации норм права, в том числе и гражданского, на виды, согласно утверждению В.К. Бабаева, обусловлена тем, что «позволяет, во-первых, определить место каждого вида юридических норм в системе права, во-вторых, лучше уяснить функции и роль правовых норм в регулировании общественных отношений, в-третьих, точнее определить границы и возможности регулирующего воздействия права на общественные отношения <...>» [1, с. 374], что в совокупности способствует эффективному формированию системы гражданского права.

В литературных источниках по теории права приводятся, в определенной степени, различные классификации, содержащие некоторые общие сведения, позволяющие составить единое представление о видах правовых норм и применить общетеоретические классификационные подходы к нормам гражданского права.

Так, В.М. Сырых в рамках учебного курса по общей теории государства и права выделяет следующие основные нормы-предписания: «1) предписания-принципы, 2) предписания-дефиниции, 3) предписания-гипотезы, 4) предписания-диспозиции, 5) предписания-санкции, 6) оперативные предписания, 7) отсылочные предписания, 8) бланкетные предписания, 9) диспозитивные предписания, 10) императивные предписания» [2, с. 129].

Согласно утверждению В.К. Бабаева правовые нормы классифицируются на: исходные правовые нормы, нормы-дефиниции, нормы – правила поведения, общие нормы, специальные нормы, императивные, нормы, диспозитивные нор-

мы, рекомендательные нормы, управомочивающие, запрещающие и обязывающие нормы [1, с. 375–380].

О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородский выделяют регулятивные и дефинитивные правовые нормы, общие, специальные и исключительные правовые нормы, императивные и диспозитивные правовые нормы [3, с. 169–172].

В.С. Нерсесянц правовые нормы классифицирует на: запрещающие, обязывающие, управомочивающие, поощрительные, императивные, диспозитивные, дефинитивные, абсолютно-определенные, относительно-определенные и бланкетные [4, с. 397–399].

Существуют и другие общетеоретические классификации, по сути, повторяющие приведенные.

Некоторое разнообразие подходов, использованных учеными в ходе проведения общетеоретической классификации правовых норм, указывает на необходимость их систематизации в рамках науки гражданского права, адаптации классификаций правовых норм, разработанных в рамках теории права к системе гражданско-правовых норм.

Так, В.А. Белов, допуская применение общетеоретической классификации к нормам гражданского права, проводит дополнительно специальную гражданско-правовую классификацию, в соответствии с которой нормы гражданского права классифицируются «<...> по тем социальным функциям, которые эти нормы выполняют <...>: 1) нормы, определяющие правовое положение участников гражданского оборота <...>; 2) нормы о предпосылках и условиях возникновения, существования, изменения и прекращения гражданских правоотношений <...>; 3) нормы о содержании, основаниях возникновения и прекращения, порядке осуществления и защиты абсолютных прав <...>; 4) нормы о содержании, основаниях возникновения и прекращения, порядке осуществления и защиты относительных прав <...>» [5, с. 210].

Соглашаясь с приведенной классификацией, следует отметить, что, по нашему мнению, нормы гражданского права и, в первую очередь, закрепленные в ГК, изначально необходимо классифицировать на диспозитивные, императивные и фа-

культативные. Все нормы, закрепленные в ГК, в первую очередь являются либо диспозитивными, либо императивными, либо факультативными и только потом общими, специальными или исключительными, регулятивными или охранительными, управомочивающими, обязывающими или запрещающими, отсылочными или бланкетными нормами и т.п.

Наше утверждение основано на том, что классификация правовой нормы как императивной, диспозитивной либо факультативной обуславливает порядок применения такой нормы, что и является первостепенным. Вначале, субъект должен для точно установить лежит ли на нем обязанность по применению правовой нормы независимо от собственного желания и сложившихся обстоятельств либо правовую норму можно игнорировать и только потом решать вопрос о целесообразности применения такой нормы применительно к конкретным условиям участия в экономических отношениях.

В юридической литературе и, в частности, Б.Б. Черепахиным высказана точка зрения, согласно которой «<...> в действительности, всякая норма содержит в себе приказ, повеление, все нормы повелительны, принудительны. Не повелительная норма – не норма. Потому, где в диспозиции нормы стоит то или иное волеизъявление человека, там создается впечатление отсутствия принудительности, но это лишь «кажущееся отсутствие принудительности» [6, с. 108–109]. Б.Б. Черепахин утверждает о том, что все нормы являются обязательными для исполнения, публичными, т.е., по сути, императивными.

Аналогичную точку зрения относительно конструкции правовых норм высказывает А.С. Пиголкин согласно утверждению которого «даже если норма права и дает конкретному субъекту возможность действовать так или иначе, управомочивает его на совершение тех или иных действий, то и тогда она является велением, так как этой возможности соответствует властное указание по отношению к другим лицам обеспечить своими действиями <...> осуществление этой возможности» [7, с. 161].

С подходом к определению конструкции правовой нормы, высказанной Б.Б. Черепахиным и А.С. Пиголкиным применительно к системе гражданского пра-

ва, согласиться нельзя. Наличие непосредственно диспозитивных норм в системе гражданского права является неоспоримым фактом как и то, что процедура применения императивных правовых норм, особенно публично-правовых отраслей и диспозитивных норм гражданского права кардинально отличается.

Точку зрения, противоположенную мнению Б.Б. Черепахина и А.С. Пиголкина высказывает М.М. Агарков согласно утверждению которого «<...> неправильно указание <...>, что с точки зрения объективного права, всякая норма публична. Указание на то, что она издается для блага всех, не имеет значения <...>. Законодательство относится к публичному праву, но нормы как результат этой деятельности могут относиться и к частному праву» [8, с. 33].

Необходимо отметить, что первостепенное значение из приведенной трихомии гражданско-правовых норм имеет их деление на императивные и диспозитивные. Факультативные правовые нормы, несмотря на то, что занимают определенное место в системе гражданского права и существенно отличаются по порядку применения от императивных и диспозитивных, не оказывают того влияния на содержание гражданского права как основной отрасли частного права, которое оказывают императивные и диспозитивные правовые нормы.

Таким образом, всякая норма гражданского права изначально должна быть классифицирована как императивная, диспозитивная или факультативная после чего к ней может быть применена другая классификация.

Так, например, норма права, закрепленная в ч. 2 п. 1 ст. 1 ГК одновременно является нормой императивной, подлежащей буквальному толкованию и точному применению, нормой-дефиницией, определяющей понятие «предпринимательская деятельность», общей нормой, подлежащей применению ко всем случаям осуществления предпринимательской деятельности, управомочивающей нормой, допускающей возможность осуществления предпринимательской деятельности.

Аналогичная характеристика применима к нормам п. 1 ст. 143, ст. 154 ГК.

Нормы, закрепленные в ст. 2 ГК, характеризуются как нормы-принципы, с помощью которых в гражданском праве закрепляются руководящие начала, ос-

нова построения системы гражданского права, пределы воздействия гражданско-правовых норм на участников экономической деятельности. Указанные нормы следует классифицировать как императивные правовые нормы, общие нормы, часть из которых является управомочивающими, а часть обязывающими.

В основной своей части гражданско-правовые нормы являются императивными и управомочивающими, а также нормами – правилами поведения, как, например, норма, закрепленная в п. 1 ст. 8 ГК, однозначно указывающая на безусловное право граждан осуществлять принадлежащие им гражданские права по своему усмотрению. Анализируемое правило не подлежит принудительному изменению. Вместе с тем, в систему норм гражданского права включены и императивные запрещающие нормы, например, такие, как норма п. 1 ст. 9 ГК.

В ГК наряду с императивными закреплено определенное количество диспозитивных норм, которые представляют собой нормы – правила поведения, управомочивающие либо обязывающие как общего действия, так и специальные или исключительные правовые нормы, что предопределено диспозитивной направленностью гражданско-правового метода. В качестве примера правовых норм, характеризующихся как диспозитивные и нормы общего действия, являющиеся управомочивающими, можно привести нормы ст. 7 ГК, предусматривающие примерный перечень оснований возникновения гражданских прав и обязанностей. Примером обязывающих диспозитивных норм специального действия может служить норма, закрепленная в п. 2 ст. 426 ГК.

Управомочивающие нормы следует классифицировать как регулятивные.

Примером исключительных правовых норм, имеющих императивную конструкцию, являющихся при этом регулятивными и управомочивающими, являются нормы ст. 209 ГК.

При этом применительно к гражданско-правовому институту «искковая давность» императивной нормой общего действия, классифицируемой как регулятивная и управомочивающая, является норма, закрепленная в ст. 197 ГК, устанавливающая общую продолжительность давностного срока, а аналогичными нормами, но специального действия выступают нормы, закрепленные в ст. 198

ГК, определяющие возможность изменения продолжительности общей исковой давности в специально установленных случаях.

Наряду с классификацией норм гражданского права на виды, основанной на классификации правовых норм, предлагаемой общетеоретической юридической наукой, учеными-цивиристами гражданско-правовые нормы классифицируются на виды, присущие системе гражданского права.

Так, О.А. Кузнецова выделяет специализированные нормы гражданского права которые классифицирует на «систообразующие (нормы-принципы и нормы-дефиниции), системоупрощающие (нормы-презумпции и нормы-фикции), системосохраняющие (оперативно-распространительные и коллизионные нормы)» [9, с. 6]. С.И. Орешкин выделяет компенсационные нормы под которыми понимает «общеобязательное государственное предписание, регулирующее общественные отношения в сфере гражданского права, связанное с возмещением вреда и иных потерь материального и нематериального характера, наступивших в результате событий, правомерных или неправомерных деяний, путем представления субъекту материальных благ взамен утраченного или уступленного» [10, с. 4].

А.В. Михайлов нормы гражданского права классифицирует на «статические и динамические; обязывающие и констатирующие; выделяет нивелирующие нормы и относительно императивные нормы» [11, с. 65–66]. При этом под относительно императивными нормами А.В. Михайлов понимает такие нормы, которые сочетают в себе «признаки и диспозитивных, и императивных норм» [11, с. 67], с чем нельзя согласиться.

Приведенные выше отдельные примеры классификации гражданско-правовых норм на виды показывают сложность процесса классификации норм гражданского права, необходимость применения различных видов классификации к одной правовой норме, указывают на важное значение правильного определения вида правовой нормы в системе классификации гражданско-правовых норм, что позволит точно определить место правовой нормы в системе норм гражданского права, выявить особенности применения каждой конкретной нор-

мы-предписания.

Правильная классификация правовой нормы, в свою очередь, будет способствовать адекватному построению нормы-суждения, необходимой для точного определения прав и обязанностей участников экономической деятельности, своевременного и верного, с точки зрения норм гражданского права, разрешения спора о праве гражданском.

Гражданское право является основной отраслью частного права, регулирующее воздействие которой на участников экономических отношений основано на применении диспозитивного метода правового регулирования возможность и необходимость применения которого предопределены функциями, возложенными государством на гражданское право как основную отрасль частного права и вытекают из тех принципов, на основе которых построено гражданское право.

Используемый государством в процессе гражданско-правового регулирования диспозитивный метод, как указывалось ранее, предполагает наличие в системе гражданского права присущих этому методу средств правового регулирования – диспозитивных правовых норм, под которыми В.А. Витушко понимает правовые нормы «дающие субъектам права и правоприменения возможность индивидуализировать осуществление и правовое регулирование общественных отношений» [12, с. 47]. Наряду с диспозитивными правовыми нормами в качестве средства гражданско-правового регулирования активно используются и императивные (прецептивные) нормы, включенные в систему гражданского права.

Применение в одном ряду диспозитивных и императивных правовых норм, выступающих в качестве средств гражданско-правового регулирования, связано с пересечением в гражданско-правовых отношениях частных и публичных интересов, разумный баланс которых необходим для динамичного и эффективного развития экономики. Достижение необходимого баланса частных и публичных интересов возможно посредством минимально необходимого государственного вмешательства в частные дела, чему способствует диспозитивный метод правового регулирования, который является единственным и единым методом воздействия на участников экономических отношений.

«Единство гражданско-правового метода, указывает В.Ф. Яковлев, имеет две стороны. Первая состоит в том, что все его черты, приемы находятся в существенной связи между собой. <...> Вторая в том, что метод является общим для всех составных частей институтов отрасли <...>» [13, с. 169].

Используемые в рамках единого метода правового регулирования диспозитивные и императивные нормы гражданского права отличаются друг от друга предназначением, содержанием и порядком применения, чем обусловлена необходимость точного определения вида правовой нормы с целью ее правильного применения во избежание нарушения гражданского правопорядка, установленного нормами, закрепленными как в ГК, так и в иных источниках гражданского права. Кроме того, один из видов общественных отношений, составляющих предмет гражданского права, именуемых предпринимательскими, или хозяйственными, опосредован как диспозитивными и императивными нормами гражданского права, так и императивными нормами административного права, закрепленными в комплексных нормативных правовых актах, составляющих комплексную отрасль хозяйственного законодательства, таких, как указы и декреты Президента Республики Беларусь, законы Республики Беларусь, постановления Совета Министров Республики Беларусь, нормативные правовые акты иных республиканских органов государственного управления. Однако императивные нормы гражданского права отличаются от императивных норм административного и иных публичных отраслей права как предназначением, так и порядком применения, чем и вызвана необходимость четкого отграничения не только диспозитивных норм от императивных норм гражданского права, но и последних от императивных норм публично-правовых отраслей.

Наряду с диспозитивными и императивными правовыми нормами в ГК закреплена ряд правовых норм, направленных в основном на урегулирование договорных отношений, которые по своей структуре, порядку применения, способу регулирующего воздействия, оказываемого на субъектов гражданского права, не могут быть квалифицированы ни как диспозитивные, ни как императивные. Вместе с тем, указанные правовые нормы оказывают существенное влияние на

развитие договорных правоотношений, могут служить основанием изменения совокупности прав и обязанностей, изначально предоставленных их участникам. Такие нормы, согласно утверждению М.И. Брагинского, называются факультативными и, в силу наличия у них специфических признаков и свойств, отличающих их от диспозитивных и императивных правовых норм, подлежат отдельному рассмотрению [14, с. 98].

Таким образом, в состав гражданского права включены три основные группы правовых норм: диспозитивные, императивные и факультативные, которые отличаются друг от друга набором присущих каждой группе признаков, позволяющих выделить существенные отличия в процессе их реализации, целями включения каждой из групп в систему гражданского права, а также направлением регулирующего воздействия. Правовые нормы каждой из трех групп кроме того, что являются диспозитивными, императивными или факультативными, одновременно являются управомочивающими или обязывающими, регулятивными или охранительными, общими, специальными или исключительными, могут быть дефинитивными, нормами-принципами, нормами-фикциями, абстракциями или презумпциями, характеризоваться иными качествами в соответствии с классификацией правовых норм, разработанной в рамках науки «общая теория права».

В процессе исследования каждой из трех групп правовых норм необходимо учитывать то обстоятельство, что одна норма-суждение в свой состав может включать как диспозитивные, так императивные и факультативные нормы-предписания. Все три группы правовых норм в совокупности составляют ту модель поведения, которую государство предлагает субъектам гражданского права в том или ином случае участия в гражданско-правовых отношениях. При этом государство допускает посредством использования диспозитивных правовых норм определенную степень самостоятельности участников гражданско-правовых социальных связей и одновременно предоставляет определенные гарантии реализации и защиты их нарушенных прав и законных интересов посредством применения императивных правовых норм.

Учитывая тот факт, что одним из принципов построения системы гражданского права является принцип приоритета общественных интересов большинство норм-предписаний системы гражданского права имеет императивную конструкцию, что позволяет государству обеспечить реализацию императивов названного принципа, но не переводит созданные государством модели поведения, выражаемые нормами-суждениями, в разряд публично-правовых.

В частности, согласно утверждению Ю.В. Петровичевой, «только в составе норм части первой и части второй ГК Российской Федерации, регулирующих отдельные виды договоров, насчитывается 1600 императивных и только 200 диспозитивных норм права» [15, с. 23]. Приведенное соотношение императивных и диспозитивных норм применимо и к ГК Республики Беларусь [16, с. 40].

В той связи нельзя согласиться с утверждением А.В. Михайлова, согласно которому «в частном праве <...> при признаваемом равенстве сторон, воздействии субъектов на общественные отношения в зависимости от частных интересов, наиболее распространенными являются нормы диспозитивные» [11, с. 64].

Аналогичную по смыслу, не соответствующую фактическому составу норм ГК, точку зрения высказывает Ю.В. Ковалева согласно утверждению которой «диспозитивные нормы, несомненно, в наибольшей степени соответствуют сущности отрасли гражданского права, созданной для регулирования рыночных отношений» [17, с. 43–44].

Применительно к приведенным утверждениям следует отметить, что и в ГК РСФСР 1964 г. (с изм. по сост. на 24 декабря 1992 г.) преобладали императивные нормы, что, впрочем, было предопределено административно-командными методами управления экономикой, активно применяемыми в СССР. В частности, в 569 статьях ГК РСФСР 1964 г. содержалось чуть более 40 диспозитивных правовых норм.

Несмотря на преобладающее количество императивных норм в процессе формирования современного (постсоветского) гражданского права как основной отрасли частного права применен диспозитивный метод правового регулирования, что способствует развитию частной хозяйственной инициативы, соот-

ветствует принципам экономического и политического развития государства, закрепленным в Конституции Республики Беларусь, а также нормам Директивы Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» [18].

«Главное, согласно утверждению В.Ф. Яковлева, <...> не в количественном соотношении разных норм, а в механизме их взаимодействия, в той роли, которую они выполняют в системе (режиме) регулирования» [19, с. 19].

Изложенное следует учитывать в процессе исследования каждой из указанных основных групп гражданско-правовых норм, что поможет наиболее точно определить место каждой группы правовых норм в системе норм гражданского права, выявить условия и пределы их применения. Это, в свою очередь, поможет формированию системы гражданско-правовых норм, наиболее полно отвечающей современным условиям развития белорусского государства и общества, в наибольшей степени будет способствовать эффективному развитию белорусской экономической модели.

Список использованных источников

1. Теория государства и права : учебник / В.К.Бабаев [и др.] ; под ред. В.К. Бабаева. – М.: Юристь, 2002. – 592 с.
2. Сырых, В.М. Теория государства и права : учебник / В.М.Сырых. – М. : Юстицинформ, 2004. – 704 с.
3. Иоффе, О.С. Вопросы теории права / О.С.Иоффе, М.Д.Шаргородский. – М. : Юрид. лит., 1961. – 381 с.
4. Нерсесянц, В.С. Общая теория права и государства / В.С.Нерсесянц. – М. : НРМА, 2001. – 552 с.
5. Белов, В.А. Гражданское право. Общая часть : учебник / В.А.Белов. – М. : Юрайт, 2011. – Т. 1: Введение в гражданское право. – 521 с.
6. Черепяхин, Б.Б. Труды по гражданскому праву / Б.Б.Черепяхин ; науч. ред. С.С. Алексеев. – М. : Статут, 2001. – 476 с.
7. Пиголкин, А.С. Нормы советского права и их структура / А.С.Пиголкин //

Вопросы общей теории советского права : сб. статей ; под ред. С.Н. Братуся. – М. : Госюриздат, 1960. – 408 с.

8. Агарков, М.М. Ценность частного права / М.М.Агарков // Правоведение. – 1992. – № 1. – С. 25–41.

9. Кузнецова, О.А. Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы : автореф. ... дис. доктора юрид. наук : 12.00.03 / О.А. Кузнецова. – Екатеринбург, 2007. – 44 с.

10. Орешкин, С.И. Компенсационные нормы российского гражданского права : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.03 / С.И. Орешкин. – Волгоград, 2006. – 26 с.

11. Михайлов, А.В. Роль императивных норм в правовом регулировании отношений между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность или с их участием : дис. канд. юрид. наук : 12.00.03 / А.В. Михайлов. – Казань, 2001. – 180 с.

12. Витушко, В.А. Основы теоретических понятий : монография / В.А.Витушко. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2014. – 260 с.

13. Яковлев, В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений : учеб. пособие / В.Ф.Яковлев. – Свердловск: Свердловский юрид. ин-т, 1972. – 212 с.

14. Брагинский, М.И. Договорное право : в 5 кн. / М.И.Брагинский, В.В.Витрянский. – 2-е изд., испр. – М. : Статут, 1999. – Кн. 1 : Общие положения. – 848 с.

15. Петровичева, Ю.В. На пути к праву справедливости / Ю.В.Петровичева // Юридический мир. – 2002. – № 2. – С. 23.

16. Маньковский, И.А. Предметно-методологическая концепция как основа формирования гражданско-правовых норм / И.А. Маньковский // Юстиция Беларуси. – 2014. – № 6. – С. 37–40.

17. Ковалева, Ю.В. Императивность в договорном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Ю.В. Ковалева. – Краснодар, 2011. – 231 с.

18. О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании делов-

вой активности в Республике Беларусь : Директива Президента Республики Беларусь, 31 декабря 2010 г., № 4 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации. – Минск, 2014.

19. Яковлев, В.Ф. Общая часть гражданского права в современном законодательстве и юридической практике : учеб. пособие / В.Ф.Яковлев. – Свердловск: Свердловский юрид. ин-тут, 1979. – 80 с.

ГЛАВА 14

НОРМЫ-ПРИНЦИПЫ КАК ГАРАНТЫ СТАБИЛЬНОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

На современном этапе развития государственности регулятивное воздействие на участников социального взаимодействия состоит в разработке и применении правовых норм, входящих в отрасли публично-правового и частноправового блоков. Не составляет исключение и сфера экономического взаимодействия, опосредованная нормами основной отрасли частноправового блока – нормами гражданского права. Используемые государством приемы правового воздействия на участников экономических отношений нашли свое отражение в принципах гражданско-правового регулирования, составляющих содержание диспозитивного метода правового регулирования (метода децентрализации), применяемого в современном гражданском праве.

Закрепленные в ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь 1998 г. (далее – ГК) принципы гражданско-правового регулирования составляют систему принципов гражданского права под которой в юридической литературе понимается «целостное, структурно упорядоченное единство принципов, находящихся во взаимодействии между собой, а также с принципами других отраслей права и обеспечивающих эффективное правовое регулирование гражданско-

правовых отношений» [1, с. 59]. Следуя общетеоретическому подходу к определению понятия «принцип права», под принципом права следует понимать «исходные нормативно-руководящие начала (императивные требования), определяющие общую направленность правового регулирования общественных отношений» [2, с. 222].

Принципы права, в отличие от правовых норм, носят фундаментальный характер и, являясь наиболее стабильными, служат гарантом стабильности всей отрасли права, гарантом ее развития в заданном принципами права направлении. «Принципы права отличаются от обычных норм-правил тем, что они носят оценочный характер, тогда как нормы-правила более конкретны» [3, с. 26]. Правовые принципы, являясь основой построения гражданского права как отрасли права, определяют сущность и содержание гражданско-правовых норм, их социальную направленность, а также основные отраслевые особенности гражданско-правового регулирования общественных отношений.

Принципы права также выполняют компенсационную функцию – роль регулятора общественных отношений, составляющих предмет гражданско-правового регулирования, в случае отсутствия соответствующей правовой нормы.

Необходимо отметить, что гражданское право как отрасль права основывается как на общеотраслевых (конституционных) принципах права – принципах, которые закреплены в Конституции и используются как основа построения всей системы права Республики Беларусь, так и на специальных (отраслевых) принципах – принципах, являющихся основой построения непосредственно отраслевого массива гражданско-правовых норм.

К конституционным принципам, т.е. принципам, на основе которых строится любая отрасль права, относятся: 1) принцип верховенства права; 2) принцип социальной направленности регулирования экономической деятельности; 3) принцип приоритета общественных интересов.

К отраслевым, гражданско-правовым принципам относятся: 4) принцип равенства участников гражданских отношений; 5) принцип неприкосновенности собственности; 6) принцип свободы договора; 7) принципы добросовестности и

разумности участников гражданских правоотношений; 8) принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела; 9) принципы беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты.

Если принципы, составляющие первую группу, непосредственно закреплены в Конституции и в силу этого определяют направление развития всей системы права Республики Беларусь, что соответственно отражается на развитии экономики государства и общества в целом, т.е. всего спектра общественных отношений, возникающих между субъектами на территории данного государства, то принципы второй группы непосредственно в конституции не отражены, но основываются на конституционных нормах, закономерно следуют из их содержания и восприняты соответствующей отраслью права, в частности – гражданским правом Республики Беларусь.

С целью определения влияния системы принципов гражданского права на построение системы гражданско-правовых норм проведем подробный анализ содержания каждого из закрепленных в ст. 2 ГК принципов гражданского права в отдельности, рассмотрим пределы их влияния на регулируемые гражданским правом общественные отношения, исследуем место и роль каждого принципа в системе принципов гражданского права как одного из элементов указанной системы, а также пределы его взаимодействия с остальными элементами, входящими в систему.

1. Принцип верховенства права.

В соответствии с императивами указанного принципа все участники гражданских отношений, в том числе государство, его органы и должностные лица действуют в пределах норм, закрепленных в Конституции Республики Беларусь и принятых в соответствии с ними нормативных правовых актов. Анализируемый принцип закреплен в ст. 7 Конституции. Его значение в регулировании экономических отношений огромно и состоит в установлении совокупности взаимосвязанных между собой юридических императивов, в соответствии с которыми: а) Конституция Республики Беларусь обладает высшей юридической

силой на территории государства; б) нормы, закрепленные в законодательных актах и иных актах законодательства, не должны противоречить нормам, закрепленным в Конституции; в) Конституция и принятые в соответствии с ней нормативные правовые акты имеют прямое действие на территории Беларуси; г) на территории Республики Беларусь установлена целостная иерархическая система нормативных правовых актов, определен порядок их соподчиненности и взаимодействия; д) все лица, находящиеся на территории Республики Беларусь, обязаны соблюдать нормы Конституции и иные нормы, закрепленные в принятых в соответствии с нормами Конституции нормативных правовых актах.

Следовательно, согласно конституционному принципу верховенства права в гражданско-правовой науке устанавливается соотношение нормативных правовых актов, нормы которых регулируют общественные отношения, составляющие предмет гражданско-правового регулирования, а также определяется порядок реализации субъектами гражданских правоотношений соответствующих правовых норм.

2. Принцип социальной направленности регулирования экономической деятельности закреплен в ст. 13 Конституции.

Согласно императивам анализируемого принципа направление и координация государственной и частной экономической деятельности обеспечиваются государством в социальных целях. Императивы, составляющие содержание анализируемого принципа, предписывают осуществлять регулирование экономической деятельности на территории Беларуси в интересах человека и общества.

Термин «социальный» раскрывается как «общественный, относящийся к жизни людей» [4, с. 752]. Следовательно, любое государство является социальным, т.е. созданным с целью управления обществом.

В связи с изложенным указание в ст. 1 Конституции Республики Беларусь на то, что Республика Беларусь является социальным государством и, далее, в ст. 13 Конституции, на то, что «государство <...> обеспечивает направление и координацию государственной и частной экономической деятельности в социаль-

ных целях», не отражает сути проводимой в Беларуси государственной политики, направленной на социальную поддержку малообеспеченных слоев населения. По нашему мнению, в указанных статьях Конституции следовало указать не на «социальное государство» и «социальные цели» регулирования экономической деятельности, т.е. ради чего создается любое государство, даже с тоталитарным политическим режимом, а на то, что Республика Беларусь является государством, в котором создаются надлежащие условия социальной защиты малообеспеченных слоев населения.

Соответственно и анализируемый принцип права целесообразно переименовать, например, в принцип социальной защиты населения в процессе регулирования экономической деятельности.

3. Принцип приоритета общественных интересов.

В соответствии с названным принципом осуществление гражданских прав не должно противоречить общественной пользе и безопасности, наносить вред окружающей среде, историко-культурным ценностям, ущемлять права и защищаемые законом интересы других лиц. Анализируемый принцип закреплен в ст. 23 Конституции, согласно которой «ограничение прав и свобод личности допускается в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц». В соответствии с императивами анализируемого принципа государство осуществляет регулирование гражданских отношений таким образом, чтобы интересы отдельных граждан либо организаций не противостояли интересам государства и общества.

Примерами указанного регулирования общественных отношений, составляющих предмет гражданского права, могут служить нормы Закона Республики Беларусь от 10 декабря 1992 г. «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (в ред. от 10 января 2000 г. (с изменениями по состоянию на 22 декабря 2011 г.)), которыми определяются организационные и правовые основы предупреждения, ограничения и пресечения монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции в целях обеспечения необ-

ходимых условий для создания и эффективного функционирования товарных рынков, содействия и развития добросовестной конкуренции, защиты прав и законных интересов потребителей.

Названный нормативный правовой акт является не единственным актом в системе гражданского законодательства, содержащим нормы, устанавливающие приоритет общественных интересов над частными, что указывает на активное вмешательство государства в частные дела с целью недопущения преобладания интересов отдельных участников гражданского оборота над интересами общества и государства.

Указание нормами ст. 2 ГК на то, что осуществление гражданских прав не должно противоречить общественной пользе, в некотором роде противоречит нормам ст. 2 Конституции, которые определяют человека, его права, свободы и гарантии их реализации как высшую ценность и цель общества и государства. Кроме того, в нормах, закрепленных в Конституции, вообще отсутствует подтверждение закрепленного в ГК тезиса, а нормы ст. 23 Конституции приводят закрытый перечень случаев ограничения прав и свобод личности. Таким образом, в соответствии с принципами, закрепленными в Конституции, общество должно создавать условия для достойного развития человека, который является первичным и самым главным элементом общества как системного образования, а государство при осуществлении правового регулирования складывающихся на его территории общественных отношений в первую очередь должно учитывать интересы отдельного члена общества, т.е. частные интересы, для чего, собственно, оно (государство) и создано. Исходя же из содержания анализируемого принципа, закрепленного в ст. 2 ГК, государство в своей деятельности в первую очередь должно ориентироваться на общественные и, как следствие, государственные интересы, а не на интересы отдельных членов общества.

Необходимо отметить тот факт, что в ст. 1 ГК Российской Федерации отсутствует указание на приоритет общественных интересов над частными, а лишь дается указание на то, что «гражданские права могут быть ограничены на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в це-

лях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства», что соответствует нормам ст. 2 Конституции Российской Федерации.

Правовые нормы, закрепленные в ст. 2 ГК Республики Беларусь, по сути, уравнивают соотношение частных и публичных интересов. Спор о том, чьим интересам в процессе осуществления государственного регулирования общественных отношений отдать приоритет, как соотносить интересы отдельной личности с интересами общества и государства, ведется еще со времен Древнего Рима. Вместе с тем, при разрешении поставленного вопроса необходимо учитывать то обстоятельство, что гражданское право является классическим примером частного права и, следовательно, его нормы должны в первую очередь учитывать частные интересы, т.е. интересы отдельной личности.

Следовательно, закрепленный в ст. 2 ГК Республики Беларусь принцип приоритета общественных интересов должен именоваться принципом оптимального соотношения частных и публичных интересов, из содержания которого необходимо исключить указание на то, что осуществление гражданских прав не должно противоречить общественной пользе.

4. Принцип равенства участников гражданских отношений.

В соответствии с указанным принципом «субъекты гражданского права участвуют в гражданских отношениях на равных, равны перед законом, не могут пользоваться преимуществами и привилегиями, противоречащими закону, и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов». Анализируемый принцип является отраслевым гражданско-правовым принципом.

Как указывалось выше, отраслевые принципы гражданского права, хотя прямо и не закреплены в Конституции, однако основываются на ее положениях, логически следуют из конституционных норм. Так, принцип равенства участников гражданских отношений основывается, во-первых, на нормах ст. 22 Конституции, указывающих на равенство всех перед законом, а также на нормах ст.

13 Конституции, гарантирующих равную защиту и равные условия для развития государственной и частной форм собственности, предоставляющих всем равные права для осуществления хозяйственной деятельности и гарантирующих равные возможности свободного использования способностей и имущества для осуществления предпринимательской и иной «не запрещенной законом» экономической деятельности.

Указанный гражданско-правовой принцип основывается также на конституционном принципе верховенства права, с помощью соблюдения императивов которого можно добиться равенства участников гражданско-правовых отношений. Императивы, составляющие содержание анализируемого принципа, предписывают всем участникам гражданско-правовых отношений, независимо от их правового статуса, вступать во взаимоотношения друг с другом на условиях юридического равенства, которое:

- во-первых, исключает возможность административно-властного влияния субъектов гражданского права друг на друга при осуществлении гражданских прав и исполнении обязанностей;

- во-вторых, предопределяет необходимость исполнения норм гражданского права всеми его субъектами без исключения, что следует из конституционного принципа законности, императивы которого требуют от всех без исключения лиц, находящихся на территории государства, соблюдать законодательные акты и принятые в соответствии с ними иные акты законодательства;

- в-третьих, указывает на недопустимость закрепления в системе гражданского законодательства правовых норм, необоснованно предоставляющих различные преференции отдельным субъектам гражданского права;

- в-четвертых, предоставляет всем субъектам гражданского права равные возможности защиты нарушенных прав и законных интересов.

5. Принцип неприкосновенности собственности.

Согласно императивам названного принципа «право собственности, приобретенной законным способом», охраняется правовыми нормами и защищается государством, ее неприкосновенность гарантируется, а принудительное отчуж-

дение допускается лишь по мотивам общественной необходимости при соблюдении условий и порядка, определенных нормами права, закрепленными в законодательном акте, со своевременным и полным компенсированием стоимости отчужденного имущества либо на основании постановления суда. Анализируемый принцип является отраслевым гражданско-правовым принципом.

Принцип неприкосновенности собственности основывается на нормах ст. 44 Конституции, согласно которым государство гарантирует каждому право собственности и содействует ее приобретению, поощряет и охраняет сбережения граждан, создает гарантии возврата вкладов, а также запрещает принудительное изъятие собственности, за исключением случаев, когда это связано с общественной необходимостью, при соблюдении условий и порядка, определенных нормами закона, со своевременным и полным компенсированием стоимости отчужденного имущества, а также согласно постановлению суда.

Императивы, составляющие содержание анализируемого принципа, указывают, с одной стороны, на то, что все субъекты гражданского права, по общему правилу, могут беспрепятственно осуществлять правомочия владения, пользования и распоряжения в отношении принадлежащего им имущества, что является основой нормального функционирования экономики государства, способствует развитию частной инициативы в сфере предпринимательской деятельности, создает условия для накопления находящимися на государственной территории лицами различного имущества, а с другой – запрещают кому бы то ни было без законных на то оснований препятствовать осуществлению права собственности в отношении законно приобретенного имущества. При этом исчерпывающий перечень случаев, когда по основаниям, предусмотренным нормами законодательных актов, а также по решению суда производится принудительное изъятие имущества, принадлежащего субъектам на праве собственности, закреплен в ст. 236 ГК Беларуси.

Принцип неприкосновенности собственности является гарантом стабильного развития на территории Республики Беларусь имущественно-стоимостных товарно-денежных эквивалентно-возмездных отношений, составляющих предмет

гражданско-правового регулирования.

6. Принцип свободы договора.

В соответствии с названным принципом граждане и организации со статусом юридического лица свободны в заключении договора, понуждение к заключению договора не допускается, за исключением случаев, когда обязанность заключить договор предусмотрена правовыми нормами или добровольно принятым обязательством.

Анализируемый принцип является отраслевым гражданско-правовым принципом, логически вытекающим из принципа юридического равенства сторон и принципа неприкосновенности собственности и основан на нормах ст. 13, ст. 22 и ст. 44 Конституции. Императивы, составляющие содержание указанного принципа, запрещают участникам гражданско-правовых отношений понуждать друг друга к заключению гражданско-правовых договоров независимо от правового статуса участников.

В соответствии с принципом свободы договора субъекты гражданского права самостоятельно определяют, с кем им заключать гражданско-правовой договор, когда его заключать, какой договор заключать, а также самостоятельно определяют целесообразность заключения того или иного договора и в случае, когда им предлагают заключить договор на невыгодных экономических условиях, имеют право отказаться от вступления в договорные правоотношения.

Договор, заключенный под влиянием насилия или угрозы, может быть признан судом недействительным по иску заинтересованной стороны (ст. 180 ГК Республики Беларусь).

Следует отметить, что в ГК Республики Беларусь имеется ряд норм, согласно которым субъекту гражданского права в определенных случаях запрещено необоснованно отказываться от заключения гражданско-правового договора, т.е. имеет место ограничение принципа свободы договора в интересах общества и государства.

К таким случаям относятся: заключение публичного договора коммерческой организацией с каждым к ней обратившимся на равных условиях (ст. 396 ГК);

заключение договора в соответствии с заключенным ранее предварительным договором (ст. 399 ГК), и некоторые другие случаи, прямо предусмотренные нормами гражданского права. В целом реализация гражданских прав и исполнение гражданских обязанностей осуществляются юридически равными между собой собственниками имущества, обладающими автономной волей, в соответствии с принципом свободы договора, что является чрезвычайно важным для развития частной инициативы в экономической деятельности государства, направлено на создание условий увеличения объемов производства и реализации продукции и, в целом, динамичного развития государственной экономики.

7. Принцип добросовестности и разумности участников гражданских правоотношений.

Согласно императивам названного принципа добросовестность и разумность участников гражданских правоотношений предполагается, поскольку не установлено иное.

Анализируемый принцип является отраслевым гражданско-правовым принципом, в соответствии с которым действия субъектов гражданского права при осуществлении гражданских прав и исполнении обязанностей предполагаются добросовестными и разумными и, следовательно, никто не может обвинять другую сторону в обратном, пока это не будет установлено в определенном правовыми нормами порядке.

В соответствии с анализируемым принципом сконструированы многие нормы особенной части ГК Республики Беларусь. Так, например, согласно нормам ст. 430 ГК продавец обязан передать покупателю товар свободным от любых прав на него третьих лиц, за исключением случая, когда покупатель согласился принять товар, обремененный такими правами.

Неисполнение продавцом этой обязанности дает покупателю право требовать уменьшения покупной цены товара либо расторжения договора купли-продажи. Исключение составляет случай, когда будет доказано, что покупатель знал или должен был знать о правах третьих лиц на приобретенный товар.

Проводя анализ содержания приведенной нормы, необходимо отметить, что:

– во-первых, она не возлагает на покупателя обязанность проверять наличие прав третьих лиц на приобретаемый товар и, соответственно, если продавец не указал покупателю на это обстоятельство, то товар предполагается свободным от прав третьих лиц, т.е. добросовестность продавца в данном случае предполагается, что дает покупателю право в случае нарушения указанного принципа применить к продавцу определенные меры воздействия;

– во-вторых, в случае применения покупателем к продавцу установленных анализируемыми нормами мер воздействия предполагается, что покупатель действует добросовестно и, соответственно, не знал и не мог знать о наличии прав третьих лиц на имущество, приобретенное у продавца.

Отдельные нормы ГК указывают на то, что если условие о сроке исполнения обязательства в договоре не согласовано, то обязательство должно быть исполнено в разумный срок. Допущение в нормах права такой свободы поведения участников гражданских правоотношений основано на том, что они, предположительно, будут действовать добросовестно и разумно в отношении друг друга.

В соответствии с указанным принципом при рассмотрении гражданских споров применяется принцип состязательности, когда истец должен доказать вину ответчика, который, в свою очередь, имеет право приводить соответствующие аргументы, опровергающие доказательства истца, что может привести к объективному разрешению спора судом только при условии добросовестного поведения участников гражданского процесса.

8. Принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела.

В соответствии с названным принципом вмешательство в частные дела не допускается, за исключением случаев, когда такое вмешательство осуществляется на основании правовых норм в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц.

Принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела является отраслевым гражданско-правовым принципом, основанным на нормах ст. 28–30 Конституции, а также на императивах принципа юридического равен-

ства сторон и принципа свободы договора, в соответствии с которыми субъекты гражданского права являются юридически равными между собой, независимыми, самостоятельными товаровладельцами.

Непосредственно состояние юридического равенства, имущественной самостоятельности и основанной на этом независимости делает возможным применение анализируемого принципа в построении норм гражданского права. При этом состав частных дел, вмешательство в которые не допускается, определяется тем кругом общественных отношений, которые составляют предмет гражданско-правового регулирования.

В частности, в ст. 151 ГК закреплены нормы, в соответствии с которыми неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна относятся к нематериальным благам и защищаются в соответствии с нормами гражданского права в предусмотренных ими случаях и порядке. Императивы анализируемого гражданско-правового принципа определяют направления поведения субъектов гражданского права в пределах, установленных нормами гражданского права, и, соответственно, не связаны с общественными отношениями, являющимися предметом правового регулирования нормами уголовного права, в которых нашли свое прямое отражение положения, закрепленные в ст. 28–29 Конституции.

Анализируемый гражданско-правовой принцип не является продолжением приведенных конституционных норм, а лишь основывается на них. Так, нарушение неприкосновенности жилища и иных законных владений граждан является уголовным преступлением, наказание за которое предусмотрено нормами ст. 202 УК Республики Беларусь, а нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, телеграфных или иных сообщений – уголовным преступлением, наказание за которое предусмотрено нормами ст. 203 УК Республики Беларусь.

Следовательно, в соответствии с гражданско-правовым принципом недопустимости произвольного вмешательства в частные дела запрещено кому бы то ни было без законных на то оснований направлять деятельность субъектов гражданского права в процессе осуществления ими субъективных гражданских прав и исполнения гражданских обязанностей. Например, нотариусу запрещено

воспрепятствовать гражданам в совершении не противоречащих нормам гражданского права сделок, регистрирующему органу запрещено оказывать давление на лиц, обратившихся за государственной регистрацией при выборе ими правовой формы коммерческой организации, отраслевым министерствам запрещено оказывать влияние на входящие в отрасль частные коммерческие организации в части выбора ассортимента выпускаемой ими продукции и т.п.

Что касается указанных нормами ст. 151 ГК нематериальных благ, то в данном случае под недопустимостью произвольного вмешательства в частные дела понимается запрет на распространение сведений, касающихся частной жизни, личной и семейной тайны. Причем гражданско-правовая ответственность за распространение таких сведений наступает в виде обязанности компенсировать моральный вред только в случае причинения гражданину нравственных страданий в результате совершения указанных действий. Следовательно, действие императивов анализируемого гражданско-правового принципа направлено на создание благоприятных условий экономического развития отдельных лиц и всего общества.

Кроме того, действие указанного принципа способствует беспрепятственному осуществлению субъектами гражданского права своих прав и исполнению соответствующих обязанностей, что имеет важное значение в процессе построения государства с развитой демократической системой и экономикой, развивающейся в конкурентной среде [5, с. 133].

9. Принцип беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты.

Согласно названному принципу граждане и организации со статусом юридического лица вправе осуществлять защиту гражданских прав в суде и иными способами, предусмотренными правовыми нормами, а также самозащиту гражданских прав с соблюдением пределов, определенных в соответствии с гражданско-правовыми нормами.

Названный принцип является отраслевым гражданско-правовым принципом, основанным на нормах ст. 21–23 Конституции Республики Беларусь, а также на

императивах отраслевого принципа недопустимости произвольного вмешательства в частные дела. Согласно императивам, составляющим содержание анализируемого гражданско-правового принципа, не допускается воспрепятствовать гражданам в их деятельности по осуществлению и защите своих прав и законных интересов.

Принцип беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты нашел свое прямое закрепление в ст. 8 ГК, в соответствии с нормами которой отказ граждан и организаций со статусом юридического лица от осуществления принадлежащих им прав не влечет прекращения этих прав, за исключением случаев, предусмотренных нормами права, закрепленными в нормативных правовых актах уровня закона.

Из изложенного следует, например, что условия договора, запрещающие одной стороне обращаться в суд за защитой в случае нарушения условий договора второй стороной, являются недействительными и, соответственно, не подлежат применению.

Наряду с нормами, закрепленными в ст. 8 ГК, в гражданском кодексе закреплены нормы, предусматривающие способы защиты гражданских прав (ст. 11 ГК), а также возможность самозащиты гражданских прав (ст. 13 ГК), в том числе с причинением вреда в состоянии крайней необходимости или необходимой обороны.

Изложенное позволяет сделать обобщающий вывод о том, что в целом действие системы принципов, составляющих содержание метода гражданско-правового регулирования, направлено на создание наиболее благоприятных условий развития имущественно-стоимостных товарно-денежных эквивалентно-возмездных отношений, составляющих основу государственного экономического развития.

Кроме принципов, закрепленных в ст. 2 ГК Республики Беларусь, в построении гражданского права как отрасли права применяются и иные принципы: законности; запрета злоупотребления правом; свободного перемещения товаров,

услуг и финансовых средств на всей территории государства и некоторые другие принципы. Исходя из системы закрепленных в ГК Республики Беларусь принципов воздействия на участников гражданско-правовых отношений, можно констатировать факт применения в процессе гражданско-правового регулирования диспозитивного метода, предполагающего: признание юридического равенства участников регулируемых нормами гражданского права отношений; неприкосновенность собственности, приобретенной легитимным путем; свободу договора; недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела; беспрепятственное осуществление гражданских прав; обеспечение восстановления нарушенных прав, их судебную защиту; добросовестность и разумность участников гражданско-правовых отношений.

Приведенные выше составляющие содержания диспозитивного метода правового регулирования, используемого в процессе опосредования экономических отношений, указывают на то, что применяемый гражданским правом метод правового регулирования позволяет создать достаточно благоприятные условия развития экономики, способствуют проявлению частной предпринимательской инициативы, активизации экономической активности граждан.

Список использованных источников:

1. Бондаренко, Н.Л. Проблема формирования эффективно действующей системы принципов гражданского права Республики Беларусь / Н.Л. Бондаренко // Вестник Пермского университета. – 2012. – № 4. – С. 56–63.
2. Теория государства и права: учебник / В.К. Бабаев [и др.] ; под ред. В.К. Бабаева. – М.: Юристь, 2002. – 592 с.
3. Витушко, В.А. Гражданское право : учеб. пособие : в 2 ч. / В.А. Витушко. – Минск : Белорус. наука, 2007. – Ч. 1. – 566 с.
4. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова // РАН, Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

5. Маньковский, И.А. Гражданское право. Общая часть: в 3 т. / И.А. Маньковский, С.С. Вабищевич. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2013. – Т. 1: Введение в гражданское право. – 488 с.

ГЛАВА 15

ИМПЕРАТИВНЫЕ НОРМЫ В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

В состав гражданского права, как отрасли права, наряду с диспозитивными и факультативными нормами включено достаточно большое количество императивных правовых норм, предназначение и процедура применения которых субъектами гражданского права существенно отличается от предназначения и процедуры применения норм диспозитивных, что послужило основанием выделения императивных правовых норм в самостоятельную группу.

Необходимо отметить, что гражданское право используется государством в процессе регулятивного воздействия на участников экономической деятельности, обеспечение условий эффективного развития и надлежащего осуществления которой является одной из приоритетных государственных задач. Осуществление экономической деятельности сопряжено с возможностью причинения вреда государству, обществу, отдельным его членам вследствие выпуска недоброкачественной продукции, загрязнения окружающей среды, неуплаты налогов и т.п.

Названные выше обстоятельства, а также возложенная на государство охранительная функция, т.е. функция по защите прав и законных интересов своих граждан, предопределили необходимость государственного вмешательства в частные дела посредством включения в состав гражданского права, регулятивное воздействие которого, в целом, основано на диспозитивном методе правового регулирования, не свойственных названному методу императивных правовых норм.

Таким образом, факт включения в состав гражданского права правовых норм, имеющих императивную конструкцию, по нашему мнению, обусловлен наличием двух основных обстоятельств:

– во-первых, тем, что в общественных отношениях, выступающих в качестве предмета гражданско-правового регулирования, сталкиваются как частные, так и публичные (государственные) интересы, требующие обязательной реализации;

– во-вторых, тем, что на государство возложена функция поддержания правопорядка и защиты прав и законных интересов своих граждан.

Причем, интерес государства в надлежащем развитии общественных отношений, регулируемых нормами гражданского права, занимает не меньшую долю, чем интерес частный, интерес отдельных субъектов гражданского права, которые, в свою очередь, заинтересованы в эффективной деятельности государства по защите их прав и законных интересов. Таким образом, во вмешательстве государства в частные дела посредством включения в состав гражданского права императивных правовых норм заинтересовано как государство, общество, так и отдельные его члены.

Аксиоматичным является тот факт, что посредством использования только правовых норм с диспозитивной конструкцией, предполагающих, в целом, самостоятельную деятельность субъектов гражданского права по моделированию гражданско-правовых отношений, не представляется возможным:

– во-первых, гарантировать надлежащую и полную реализацию государственных интересов в процессе осуществления экономической деятельности частными лицами;

– во-вторых, создать надежный правовой барьер, не допускающий легального ущемления прав и законных интересов участников имущественных общественных отношений, составляющих предмет гражданского права.

Гарантированная реализация государственного интереса в процессе участия частных лиц в экономической деятельности, по нашему мнению, возможна только одним путем – посредством использования в процессе гражданско-пра-

вового регулирования, наряду с диспозитивными нормами, обязательных для исполнения государственно-властных предписаний, не предполагающих самостоятельной деятельности субъектов гражданского права по установлению своих прав и обязанностей. Непосредственно такими предписаниями и являются императивные нормы, в целом, и императивные нормы, включенные в состав системы гражданского права, в частности. Однако, последние, по отношению к императивным нормам публично-правовых отраслей, имеют некоторые отличительные особенности по направленности регулятивного воздействия и процедуре применения, обусловленные спецификой общей направленности гражданско-правового регулирования.

Императивные нормы гражданского права отличаются от диспозитивных, используемыми в них формулировками и предоставляемыми субъектам гражданского права возможностями. Так, если диспозитивная норма заканчивается указанием на возможность иного, чем установлено правовой нормой, поведения участников гражданского правоотношения, то императивная норма гражданского права предлагает единственный вариант поведения и не предоставляет субъектам гражданского права возможность изменения своего содержания. Содержательно императивная правовая норма представляет собой только необходимый государству вариант поведения субъектов гражданского права и не содержит каких-либо дополнительных указаний по ее применению, свойственных диспозитивным правовым нормам.

Непосредственно в силу отсутствия указания на возможность изменения предлагаемого правовой нормой варианта поведения, что присуще диспозитивным правовым нормам, правовая норма признается императивной и подлежит неукоснительному исполнению.

Следовательно, отличительной особенностью императивных норм является то, что субъекты гражданского права, вступившие в гражданско-правовое отношение либо, когда это необходимо, принявшие решение о применении императивной правовой нормы, включенной в нормативный правовой акта системы гражданского законодательства, обязаны в точности соблюдать ее предписания.

При этом какое-либо самостоятельное моделирование процедуры участия в гражданском правоотношении, опосредованном императивной нормой гражданского права, не допускается.

Таким образом, императивные гражданско-правовые нормы используются в том случае, когда необходимо направить поведение субъектов гражданского права в нужном государству и обществу русле, создать правовые условия участия в экономической деятельности, гарантирующие желаемый правовой и фактический (экономический) результат.

При исследовании императивных норм гражданского права необходимо учитывать не только их обязательный характер, но и те функции, которые возложены на них государством при осуществлении регулятивного воздействия на участников гражданских правоотношений, а также направленность и цели такого воздействия.

Так, в состав гражданского права включено несколько типов императивных правовых норм которые отличаются друг от друга, в первую очередь, направленностью регулятивного воздействия на что, в частности, указывает М.И. Брагинский, согласно утверждению которого императивные правовые нормы используются в гражданском праве для защиты слабой стороны договорных правоотношений, для защиты интересов третьих лиц, для защиты действующего правопорядка и иных ценностей, имеющих особую общественную значимость [1, с. 92].

Кроме направленности регулятивного воздействия императивные правовые нормы гражданского права отличаются друг от друга обязательностью и процедурой их применения:

- независимо от воли субъектов гражданского права во всех случаях участия в гражданско-правовых отношениях;
- независимо от воли субъектов гражданского права, в отношении которых применяются, но в определенных случаях и определенными субъектами;
- могут не применяться субъектами гражданского права посредством добровольного отказа от реализации предоставленных такими нормами субъектив-

ных гражданских прав.

Общей целью включения императивных правовых норм в систему гражданского права можно считать создание правовой основы необходимого государству гражданского правопорядка, гарантирующей определенную правовую модель поведения субъектов гражданского права и предоставляющей некоторые гарантии правовой защищенности слабой стороне гражданско-правовых отношений.

Таким образом, императивные правовые нормы гражданского права, объединенные в самостоятельную группу в рамках группы дифференцируются на три типа.

Первый тип составляют императивные правовые нормы применение которых является обязательным для всех участников гражданско-правовых отношений вне зависимости от их воли. Анализируемые нормы представляют собой нормы всеобщего действия и служат цели создания определенной обязательной для субъектов гражданского права модели поведения, не содержат запретов, не направлены непосредственно на защиту слабой стороны правоотношения.

Императивные правовые нормы первого типа применены законодателем, например, в ст. 3 ГК с целью определения состава нормативных правовых актов, которые могут входить в систему гражданского законодательства и, следовательно, содержать нормы гражданского права, а также для закрепления иерархического соотношения между собой по юридической силе нормативных правовых актов, включенных в систему гражданского законодательства.

Использованный в ст. 3 ГК подход является закономерным и направлен на исключение произвольного восприятия правоприменительными органами и участниками экономической деятельности состава нормативных правовых актов, содержащих нормы гражданского права и порядка их применения, что особенно важно в случае обнаружения коллизии двух нормативных правовых актов, нормы которых направлены на урегулирование одного и того же сегмента гражданско-правовых (экономических) отношений.

Закрепленные в ст. 3 ГК правила применения нормативных правовых актов

системы гражданского законодательства в случае противоречия друг другу содержащихся в них правовых норм не могут быть изменены соглашением сторон, которые, одновременно, не могут игнорировать нормы ст. 3 ГК и отказаться от их применения по собственному усмотрению.

Императивные правовые нормы первого типа по порядку применения похожи на императивные правовые нормы публично-правовых отраслей системы права Республики Беларусь и служат цели создания общей обязательной модели поведения субъектов гражданского права в рамках установленного государством гражданского правопорядка вследствие чего их следует квалифицировать как регулятивные.

К императивным правовым нормам первого типа также следует отнести нормы, закрепленные в ст. 6 ГК, определяющие порядок применения норм гражданского права, содержащихся в международных договорах Республики Беларусь, нормы, закрепленные в ст. 16 ГК, устанавливающие момент возникновения и прекращения гражданской правоспособности, нормы ст. 19 ГК, закрепляющие понятие «место жительства гражданина», нормы, закрепленные в ст. 20 ГК, устанавливающие момент возникновения дееспособности гражданина в полном объеме, нормы ст. 23 ГК, закрепляющие пределы имущественной ответственности гражданина, нормы, закрепленная в ст. 164 ГК определяющие случаи обязательного нотариального удостоверения факта совершения сделок, нормы ст. 165 ГК, устанавливающие случаи обязательной государственной регистрации сделок, норма, закрепленная в ст. 197 ГК, устанавливающая общий срок для защиты нарушенного права и ряд других норм, закрепленных в ГК и направленных на установление общих правил участия в гражданско-правовых отношениях.

Очевидным является тот факт, что применение вместо императивных исключительно диспозитивных правовых норм во всех названных случаях гражданско-правового регулирования существенно затруднило бы процессе реализации правовых норм и судопроизводства в случае разрешения судом спора о праве гражданском.

Отличительной чертой императивных норм первого типа является необходимость их применения и, соответственно, неукоснительного соблюдения всеми субъектами гражданского права во всех случаях участия в гражданско-правовых отношениях. Конструкция императивных правовых норм первого типа, направленность их регулятивного воздействия и цели принятия не допускают их правомерного игнорирования по воле участников соответствующего правоотношения.

Второй тип императивных норм гражданского права составляют нормы, устанавливающие различного рода запреты и ограничения в гражданских правах и возлагающие определенные обязанности, вытекающие из противоправного поведения. К указанным относятся, например, нормы, закрепленные в п. 3 ст. 5 ГК, запрещающие применение по аналогии норм, ограничивающих гражданские права и устанавливающих ответственность, нормы п. 1 ст. 9 ГК, устанавливающие общий запрет злоупотребления правом, запрещающие использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, злоупотребление своим доминирующим положением на рынке, нормы, закрепленные в п. 3 ст. 9 ГК, налагающие на лицо, злоупотребившее своим правом, обязанность по возмещению причиненного этим ущерба, нормы п. 4 ст. 18 ГК запрещающие приобретать права и обязанности под именем другого лица, нормы, закрепленные в ст. 21 ГК, запрещающие ограничение субъектов гражданского права в правоспособности и дееспособности, нормы ст. 199 ГК, запрещающие изменять по соглашению сторон срок для защиты нарушенного права (исковую давность) и порядок его исчисления и ряд других императивных правовых норм аналогичной направленности.

Императивные нормы анализируемого типа направлены на предупреждения такого поведения участников гражданско-правовых отношений, которым может быть причинен вред другим лицам, обществу, государству и наряду с превенцией асоциального поведения субъектов гражданского права применяются для создания правовых условий надлежащей защиты нарушенных прав. Кроме того, нормы анализируемого типа, выполняя превентивную функцию предос-

твляют суду легальную возможность ограничения субъектов гражданского права в реализации принадлежащих им субъективных прав, как например, нормы п. 2 ст. 9 ГК, позволяющие суду отказать субъекту в защите принадлежащего ему права, нормы, закрепленные в ст. 31 ГК, предоставляющие суду возможность ограничения прав граждан на осуществление предпринимательской деятельности.

Отличительной особенностью норм анализируемого типа является их направленность на охрану установленного при помощи норм первого типа правопорядка, что дает основание классифицировать императивные правовые нормы, составляющие второй тип, как охранительные.

Наряду с различной направленностью правового воздействия нормы второго типа в отличие от норм первого типа подлежат применению не во всех случаях участия в гражданско-правовых отношениях и не всеми субъектами гражданского права, а только в случае нарушения непосредственно указанных норм или иных норм, но в случаях, предусмотренных указанными нормами.

Так, например, нормы п. 1 ст. 9 ГК могут быть применены только в том случае и порядке если: 1) участник гражданско-правовых отношений злоупотребит принадлежащим ему субъективным правом, 2) чем причинит вред другому лицу, 3) только судом и 4) только по заявлению лица, чье право нарушено.

В отличие от охранительных императивных норм гражданского права охранительные императивные нормы публично-правовых отраслей, например, налогового права, финансового права, административного права в случае их нарушения применяются уполномоченными государственными органами самостоятельно и в обязательном порядке.

Нормы п. 4. ст. 18 ГК могут быть непосредственно применены только в том случае, когда лицо приобретет права или обязанности под чужим именем и этим причинит вред другому лицу и только судом по заявлению лица, чье право нарушено.

Таким образом, еще одной отличительной чертой указанных и других аналогичных императивных норм является, как правило, принудительный порядок

применения.

Вместе с тем, следует отметить тот факт, что участники гражданско-правовых отношений могут по взаимному соглашению игнорировать требования императивных норм второго типа и, например, установить для себя в договоре вопреки требованию нормы ст. 199 ГК сокращенный, по сравнению с установленным императивными правовыми нормами, срок для защиты прав по договору. При этом каждая из сторон договора имеет право в добровольном порядке исполнить достигнутую договоренность, что не противоречит общим началом и смыслу гражданского права в силу того, что защита нарушенных гражданских прав и законных интересов осуществляется государством только по заявлению лица право которого нарушено.

Вместе с тем, юридически, изменение установленного срока является недействительным и каждая из сторон такого соглашения может в любой момент отказаться от выполнения его условий и обратиться за защитой нарушенного права руководствуясь сроком для защиты, установленным правовыми нормами.

Таким образом, исполнение договорного условия, являющегося юридически недействительным, возможно только на уровне так называемого «джентльменского соглашения».

Приведенная модель поведения субъектов гражданского права возможна только в том случае, когда таким поведением не причиняется вред иным, кроме участвующих в договоре, субъектам гражданского права, в том числе государству.

К третьему типу императивных правовых норм следует отнести нормы, направленные непосредственно на защиту прав и законных интересов слабой стороны гражданского, как правило, договорного правоотношения.

Примером направленности императивных норм гражданского права на защиту интересов слабой стороны правоотношения может служить, в частности, правило, закрепленное в п. 2 ст. 8 ГК, предоставляющее участникам экономической деятельности безусловную возможность реализации принадлежащих им субъективных прав, в том числе и права на защиту, даже в случае первоначаль-

ного отказа от их реализации, в том числе и посредством указания на это в заключенном между сторонами гражданско-правовом договоре.

Так, из содержания приведенной нормы следует, что в случае, когда одна из сторон заключенного договора по каким-либо причинам откажется, например, от права на судебную защиту своих нарушенных прав и законных интересов, то такой отказ независимо ни от чего будет недействителен, и первоначально отказавшаяся от своих прав сторона, в случае их нарушения, сможет беспрепятственно обратиться за защитой к компетентным государственным органам. Вместе с тем, анализируемая норма не запрещает участнику гражданско-правового отношения добровольно отказаться от защиты своего нарушенного права. Такой отказ может быть выражен бездействием лица, чье право нарушено, не принимающим мер к его защите.

Примерами императивных правовых норм, направленных на защиту слабой стороны гражданско-правового отношения могут также служить:

– нормы, закрепленные в § 2 главы 9 ГК «Недействительность сделок», предусматривающие случаи и основания признания совершенных сделок недействительными либо с момента их совершения (абсолютно недействительные сделки), либо с момента вынесения соответствующего решения судом (относительно недействительные сделки);

– норма п. 1 ст. 200 ГК, возлагающая на суды обязанность принимать к рассмотрению требования о защите нарушенного права не зависимо от истечения срока, установленного для защиты;

– другие аналогичные правовые нормы как Общей, так и Особенной части ГК.

Императивные нормы третьего типа отличаются от императивных норм двух других типов анализируемой группы, в первую очередь, целью регулятивного воздействия, которая, по нашему мнению, состоит в том, что бы предоставить участникам гражданско-правовых отношений, особенно их слабой стороне (малолетним, несовершеннолетним, недееспособным, лицам, находящимся под воздействием тяжелых обстоятельств и т.п., а также кредиторам), максимальные

правовые возможности защиты своих нарушенных прав и законных интересов, что указывает на необходимость классификации анализируемых правовых норм, как охранительных.

Кроме того, императивные нормы третьего типа отличаются от норм первого типа необязательностью применения, а от норм второго типа порядком и субъектами применения.

Так, сторона гражданско-правового договора первоначально отказавшаяся от своих прав на защиту посредством фиксации такого отказа в соглашении сторон, юридически такого права не лишается, что следует из содержания императивной правовой нормы, закрепленной в п. 2 ст. 8 ГК и, следовательно, в случае нарушения ее прав контрагентом по договору имеет юридически обеспеченную возможность в любое время обратиться в органы судебной власти за защитой. Однако юридически обеспеченную возможность удовлетворения своих исковых требований обратившаяся сторона имеет только в пределах срока, установленного для защиты нарушенного права.

По сути, анализируемая императивная правовая норма сохраняет за участником гражданско-правового отношения, помимо его воли, легитимную возможность осуществления предоставленных ему гражданско-правовыми нормами субъективных гражданских прав, в том числе право на обращение за защитой к государству, выполняя таким образом охранительную функцию гражданского права. Однако, сохраняя за лицом предоставленные ему субъективные гражданские права даже в случае первоначального отказа от них, указанная правовая норма не возлагает на такое лицо обязанность по их реализации и, следовательно, предоставляет заинтересованному лицу право самостоятельно решать вопрос о ее применении или об отказе от ее применения.

Таким образом, как в случае с нормами второго типа включенное в договор условие об отказе от своих прав может быть исполнено сторонами договора на уровне «джентльменского соглашения».

Аналогичная процедура применения свойственна и иным нормам анализируемого типа которые применяются непосредственно заинтересованным лицом

на основании его добровольно сформированной воли, что отличает императивные нормы третьего типа от норм первого, подлежащих неукоснительному применению всеми субъектами гражданского права и органами судебной власти в процессе разрешения спора о праве гражданском, а также от норм второго типа, применяемых судом, но по заявлению заинтересованной стороны гражданского правоотношения.

Из изложенного следует, что императивные правовые нормы анализируемого типа являются гарантом реализации предоставленных ими правовых возможностей, но только в том случае, если участник гражданско-правовых отношений добровольно не отказался от их реализации. Причем, даже в случае такого отказа императивные правовые нормы третьего типа не прекращают свое действие, что дает возможность субъекту гражданского права впоследствии беспрепятственно реализовать предоставляемые такими нормами юридические возможности.

На основании изложенного можно сделать следующие обобщающие выводы.

1. В арсенале гражданского права, как отрасли права, использующей диспозитивный метод правового регулирования, содержится достаточно большое, согласно утверждению М.И. Брагинского, преобладающее [1, с. 91], количество императивных правовых норм, отличающихся друг от друга разной направленностью регулятивного воздействия и процедурой применения.

2. Необходимость использования императивных правовых норм обусловлена:

– государственным интересом в процессе и результатах осуществляемой экономической деятельности, чем вызвана заинтересованность государства в регулятивном вмешательстве в имущественные отношения, являющиеся, в основе своей, частными;

– отсутствием возможности установления необходимого государству гражданского правопорядка с использованием исключительно диспозитивных норм гражданского права.

3. Используемые в гражданском праве императивные нормы, в совокупности составляющие самостоятельную группу, в зависимости от целей регулятивного

воздействия, порядка и субъектов применения внутри группы можно дифференцировать на три типа.

Нормы первого типа служат цели создания и поддержания определенного гражданского правопорядка и квалифицируются как регулятивные, а нормы двух других типов направлены на предупреждение асоциального поведения субъектов гражданского права и защиту слабой стороны гражданского правоотношения, в силу чего квалифицируются как охранительные.

4. Императивные правовые нормы гражданского права второго и третьего типов отличаются от императивных норм публично-правовых отраслей как целью своего использования, так и обязательностью применения. По сути, охранительные императивные правовые нормы гражданского права гарантируют субъектам определенный набор прав, изменить который юридически по соглашению сторон невозможно, но не налагают на участников гражданско-правовых отношений обязанность по их реализации. Вследствие указанной конструкции императивных норм участники гражданско-правовых отношений могут правомерно игнорировать императивные предписания гражданского права посредством отказа от реализации гарантированных ими субъективных прав.

5. Приведенная конструкция императивных правовых норм соответствует общей диспозитивной концепции гражданско-правового регулирования, предоставляющей участникам гражданско-правовых отношений максимально допустимую, с позиции государственного и общественного развития, свободу выбора вариантов своего поведения, в том числе и в случае нарушения их субъективных гражданских прав и законных интересов.

Таким образом интересы всех участников гражданско-правовых отношений, включая и государство охраняются императивными нормами гражданского права, использование которых в процессе регулятивного воздействия на субъектов экономических отношений является объективной необходимостью, обусловленной отсутствием в арсенале рыночного механизма экономики средств защиты прав и законных интересов участников экономической деятельности. На указанный факт обращает внимание Р.З. Лившиц согласно утверждению ко-

торого: «в природе рынка ... социальная защищенность рынка просто не заложена. Что бы обеспечить подобную защищенность, ее нужно ввести извне. В этом одно из важнейших направлений деятельности государства и права как средства сохранения стабильности общества. Вот почему государственно-правовое вмешательство в экономику необходимо, ибо оно несет в себе социальную защищенность человека. Мера вмешательства государства и права, формы вмешательства здесь различны, они зависят от состояния общества» [1, с. 91].

Список использованных источников

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорная право. Книга первая : Общие положения : – 2-е изд., испр. / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – М. : Статут, 1999. – 848 с.

ГЛАВА 16

КОНЦЕПЦИИ ЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПРАВОВОЙ НОРМЫ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Концепция логической структуры правовой нормы является предметом научных исследований уже на протяжении не менее двух столетий. Так, в XIX веке концепцию логической структуры правовой нормы исследовали такие известные ученые как Д.Д.Гримм, Н.М.Коркунов и др.

В советский период развития юридической мысли соответствующие исследования проводили С.А. Голунский, Ю.С. Жицинский, О.С. Иоффе, С.В. Курылев, В.С. Основин, А.С. Пиголкин, М.С. Строгович, Н.П. Томашевский, М.Д. Шаргородский, Л.С. Явич и др.

В современный период указанная тема была предметом исследования та-

ких ученых, как В.К. Бабаев, В.А. Белов, А.Б. Венгеров, А.Ф. Вишневский, И.А. Горбатов, С.Г. Дробязко, В.С. Козлов, В.М. Корельский, В.А. Кучинский, О.Э. Лейст, В.С. Нерсесянц, В.Д. Первалова, А.В. Поляков, В.М. Сырых, В.Н. Хропанюк, А.Ф. Черданцев и некоторых других.

Несмотря на многочисленные исследования единая научная концепция выработана так и не была, что является основанием для проведения дальнейших исследований в указанной области.

В начале исследования необходимо отметить, что правовая норма представляет собой специфическую систему, состоящую из нескольких логически связанных между собой элементов, совокупность которых, рассмотренная с точки зрения единства существующих между ними связей, по мнению А.В. Полякова, называется структурой правовой нормы [1, с. 468], под которой, по утверждению Ю.С. Жидинского, «обычно понимается логическая формула, способствующая лучшему пониманию права, в целом, и отдельных правовых норм, ясному их изложению в <...> нормативных правовых актах, правильному применению в жизни» [2, с. 8].

Структура нормы права, согласно утверждению А.Ф. Черданцева, – это способ организации ее содержания <...>» [3, с. 49].

Необходимо отметить тот факт, что термин «норма права» в правоведе-нии используется в двух значениях. В первом значении термином «норма права» обозначают норму-предписание, или норму «закона», представляющую собой формально-определенное правило поведения, имеющее представитель-но-обязывающий характер, отвечающее признаку нормативности и выраженное грамматическими предложениями, размещенными в статьях, пунктах, абзацах и т.п. нормативного правового акта. Во втором значении термином «норма права» обозначают норму-суждение имплицативного типа, представляющую собой сложное условное логическое умозаключение о поведенческих возможностях субъектов системы права при различных фактических обстоятельствах, возникнове-ние (наступление) которых допускается государством посредством закреп-ления в нормативных правовых актах норм «закона» (норм-предписаний).

В своем первом значении термин «норма права», точнее, термин «норма закона» используется практической юриспруденцией и представляет собой руководство к действию для практикующих юристов, содержание которого не подлежит научному изучению, не может быть предметом научной дискуссии об его истинности или ложности. Норма «закона» может оцениваться с точки зрения справедливости или несправедливости, однако результаты такой оценки не могут повлиять на процедуру ее обязательного применения (принуждения к исполнению при помощи аппарата государственного принуждения), которое основано на принципе «*dura lex, sed lex* (суров закон, но он закон)». Приведенный принцип можно также интерпретировать как «плох закон, но он закон», что, в целом, означает одно и то же, а именно, каково бы ни было содержание нормативного правового акта, его нормы необходимо исполнять во избежание применения государством мер принудительного воздействия, что в полной мере относится к нормативным правовым актам, содержащим нормы публичных отраслей права.

Во втором своем значении термин «норма права» используется цивилистической наукой и понимается как логическое умозаключение, являющееся основой для создания различных юридических конструкций о правах и обязанностях субъектов, которые (юридические конструкции) составляют предмет научного изучения, в том числе научной критики, в рамках юридической догматики, на что обращает внимание В.А. Белов [4, с. 96–97].

Следовательно, можно констатировать тот факт, что норма гражданского права, как логическое суждение имплицативного типа, служит для связи фактического поведения людей с предусмотренными государством юридическими последствиями, а норма-предписание, закрепленная в нормативном правовом акте, – для доведения до участников экономических отношений модели юридически значимого поведения, допускаемого или запрещаемого на государственной территории в процессе удовлетворения экономических интересов, возможных юридических последствий такого поведения и пределах изменения правового положения лиц, осуществляющих экономическую деятельность и призна-

ваемых субъектами гражданского права в целях применения к ним юридических последствий.

Согласно утверждению А.С. Пиголкина «структура правовой нормы является логической формулой, которая позволяет углубить познание права в целом и отдельных правовых норм <...>» [5, с. 169], в частности».

Согласно выводам, сделанным в многочисленных научных исследованиях, проведенных в рамках науки «теория права», в настоящее время можно констатировать существование двух концепций логической структуры правовой нормы: концепции двухэлементной («двухзвенной») структуры и концепции трехэлементной («трехзвенной») структуры правовой нормы. В соответствии с концепцией двухэлементной структуры правовая норма состоит из гипотезы и диспозиции, а согласно концепции трехэлементной структуры – из гипотезы, диспозиции и санкции, которые рассматриваются в качестве взаимосвязанных элементов, составляющих логическую структуру правовой нормы.

Необходимо отметить тот факт, что в настоящее время в теории права и, как следствие, в цивилистической науке, преобладающей является получившая свое развитие в советский период концепция трехэлементной структуры правовой нормы на что обращают внимание О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский, согласно утверждению которых «по общепринятому в советской юридической литературе мнению всякая правовая норма состоит из трех частей: гипотезы, диспозиции и санкции» [6, с. 152–160]. Вместе с тем, названные ученые все же отмечают тот факт, что обязательными элементами правовой нормы следует считать только гипотезу и диспозицию, обосновывая свою позицию тем, что отдельные нормы права не имеют своих санкций, а их исполнение поддерживается либо санкциями, содержащимися в других нормах, либо всей системой права [6, с. 160]. Трехэлементную концепцию структуры правовой нормы поддерживает А.С. Пиголкин [7, с. 5].

На тот факт, что учение о трехэлементной структуре правовой нормы является порождением советской юридической науки указывает Н.П. Томашевский, согласно точке зрения которого «это утверждение, сформулированное

М.С. Строговичем еще в 1940 году, с тех пор неизменно повторяется в качестве аксиомы до настоящего времени: «Как известно, каждая правовая норма состоит из следующих неразрывно связанных элементов: гипотеза, диспозиция и санкция» [8, с. 203]. При этом, Н.П. Томашевский указывает на то, что «это учение, несмотря на широкое признание его, покоится на существенном заблуждении. В действительности состав правовой нормы независимо от формы ее выражения исчерпывается двумя элементами» [8, с. 203], указывая на наличие в гражданско-правовой норме гипотезы и диспозиции, признавая при этом тот факт, что в уголовно-правовых нормах первый элемент называется диспозицией, а второй санкцией.

Факт доминирования на современном этапе развития юридической науки концепции трехэлементной структуры правовой нормы констатирует А.В. Поляков, согласно утверждению которого «большинство ученых, отдавая дань этатистской традиции правопонимания, отстаивают обязательную трехэлементную структуру правовой нормы» [1, с. 478].

Таким образом, изложенное позволяет утверждать о том, что концепция трехэлементной структуры правовой нормы в настоящий период развития юридической мысли является преобладающей, а применительно к учебной литературе – единственно применяемой на территории России и Беларуси, что следует признать наследием советского периода развития юридической науки на содержание которой самое непосредственное влияние оказала марксистско-ленинская концепция понимания права, что отмечалось учеными еще советского периода. В частности, А.Ф. Черданцев отмечает, что «многие дореволюционные юристы исходили из двучленного строения правовых норм и в связи с этим признавали наличие норм, не обеспеченных санкциями <...>. Последнее обстоятельство, противоречащее марксистско-ленинскому пониманию права как системы норм, обеспеченных государственным принуждением, предопределило критический подход к указанной точке зрения» [9, с. 41. Непременная критика большинством советских ученых любой точки зрения не соответствующей марксистско-ленинскому пониманию права, в том числе подтверждаемой неоп-

ровержимыми доказательствами и, как следствие, ее провал в советский период развития юридической науки были обусловлены огромным влиянием коммунистической идеологии на все составляющие социального взаимодействия и, соответственно, отрицание советскими учеными всего «старорежимного», в том числе и разработанной учеными досоветского периода концепции двухэлементной структуры правовой нормы. Так, В.С. Явич указывает на то, что «критика современной идеологии империализма в области права составляет одну из задач, которые стоят перед учеными-марксистами <...>» [10, с. 147].

На широкое признание юридической наукой концепции трехэлементной структуры правовой нормы указывает В.К. Бабаев [11, с. 382], называя в качестве ее авторов С.А. Голунского и М.С. Строговича, приводя получившую распространение точку зрения названных ученых, опубликованную в 1940 г. в учебнике по теории государства и права, согласно которой «в правовой норме содержится прежде всего указание на условие, при котором норма подлежит применению, затем изложение самого правила поведения, наконец, указание на последствия невыполнения этого правила» [12, с. 251]. «В советской литературе это предположение впервые изложили С.А. Голунский и М.С. Строгович в учебнике Теория государства и права. М., 1940. С. 251, и др.», отмечает О.Э. Лейст [13, с. 558], поддерживающий предложенную названными учеными концепцию трехэлементной структуры правовой нормы. Как родоначальника концепции трехэлементной структуры правовой нормы М.С. Строговича называет В.А. Белов, предполагающий, что основанием разработки такой концепции является тезис В.И. Ленина, согласно которому «право есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права» [4, с. 101].

Предположение В.А. Белова, по нашему мнению, не лишено оснований в свете отношения в советский период развития юридической науки к изречениям В.И. Ленина, которые рассматривались как руководство к неукоснительному соблюдению, истинность их содержания не подвергалась сомнению, по сути, признавалась аксиоматичной, и все научные исследования, проводимые в области правоведения, должны были в обязательном порядке опираться на труды

В.И. Ленина, что неукоснительно соблюдалось.

Аналогичную точку зрения относительно причины введения в теоретическую науку трехэлементной структуры правовой нормы высказывает А.Ф. Черданцев, согласно утверждению которого С.А. Голунский и М.С. Строгович «очевидно, исходили из того, что, коль скоро существует три термина, обозначающих элементы нормы права, то должно быть и три элемента нормы, а поэтому следует подправить взгляды буржуазных юристов на структуру нормы права» [3, с. 50], что в советский период развития юридической науки, по нашему мнению, было одним из факторов успеха научных работ, но, к сожалению, не имело под собой действительно научного обоснования.

Изложенное подтверждается содержанием приведенных цитат из трудов ученых советского периода.

На современном этапе развития юридической науки сторонниками разработанной в советский период концепции трехэлементной структуры правовой нормы являются В.К. Бабаев, А.Б. Венгеров, В.М. Корельский, О.Э. Лейст, В.С. Нерсесянц, В.Д. Первалова, В.М. Сырых, В.Н. Хропанюк и многие другие ученые-теоретики.

Несмотря на всеобщее, на территории России и Беларуси, признание концепции трехэлементной структуры правовой нормы, сформированной в советский период и поддерживаемой современными учеными, многие из которых, являясь признанными, все же получили советское юридическое образование, в юридической литературе как советского, так и постсоветского периода, наряду с трехэлементной поддерживается концепция двухэлементной структуры правовой нормы, разработанная учеными досоветского периода и, соответственно, являющаяся исторической первой, на что обращает внимание В.А. Белов, приводя цитату Д.Д. Грима, опубликованную в книге «Энциклопедия права: Лекции», выпущенной 1895 г. в г. Санкт-Петербурге.

Так, согласно утверждению Д.Д. Грима, «каждая юридическая норма представляет собой условное веление, которое может быть сведено к форме: «если – то». Соответственно с этим в составе каждой юридической нормы надо

различать два элемента: гипотезу, или предположение, и диспозицию, или распоряжение. Гипотеза, или предположение, определяет условия применения данного правила. Диспозиция или распоряжение излагает содержание правила» [14, с. 121].

Аналогичную по содержанию точку зрения высказывает Н.М. Коркунов, согласно утверждению которого «все юридические нормы суть условные правила. Поэтому юридическая норма состоит, естественно, из двух элементов: из определения условий применения правила и изложения самого правила. Первый элемент называется гипотезой, или предположением, второй – диспозицией или распоряжением» [15, с. 128].

В ряду ученых досоветского периода, поддерживающих концепцию двухэлементной структуры правовой нормы, следует назвать таких, как Д.Д. Grimm, Н.М. Коркунов, Ф.В. Тарановский.

В советский период развития правоведения концепция двухэлементной структуры правовой нормы придерживались С.С. Алексеев, Ю.В. Кудрявцев, С.В. Курылев, Н.П. Томашевский, А.А. Ушаков, А.Ф. Черданцев, Б.В. Шейншлин. Так, в частности, С.В. Курылев указывает на то, что «элементами любой юридической нормы является гипотеза (указание на юридические факты) и диспозиция или санкция (указание на последствия, связываемые правом с предусмотренными в норме юридическими фактами)» [16, с. 50].

На современном этапе развития юридической науки концепцию двухэлементной структуры правовой нормы поддерживают В.А. Белов, А.Ф. Черданцев и некоторые другие современные ученые.

Отдельные ученые и, в частности, В.С. Основин, указывают на то, что «<...> при решении вопроса о структуре <...> правовой нормы нельзя допускать крайностей. Действительно, многие правовые нормы состоят из трех элементов, но из этого нельзя делать вывод, что трехэлементная структура строго обязательна для каждой нормы» [17, с. 40]. Высказанную В.С. Основиним точку зрения поддерживает А.В. Поляков, который считает, что «количество элементов правовой нормы зависит от ее конкретного функционального и ценно-

стного значения в механизме действия права» [1, с. 479].

Изложенное позволяет утверждать о том, что несмотря на относительно большое количество исследований логической структуры правовой нормы, являющейся одним из основных правовых средств, входящих в единый механизм правового регулирования, проведенных как в досоветский, советский, так и в постсоветский период развития юридической науки современные ученые не пришли к единой точке зрения по исследуемому вопросу. В настоящее время в научной литературе обосновывается как необходимость применения двухэлементной концепции правовой нормы, что подтверждается отдельными исследованиями, проведенными в постсоветский период в области цивилистической науки [18, с. 240–248; 19, с. 26–50] и в области науки «логика» [20, 21], так и необходимость применения трехэлементной концепции правовой нормы, поддерживаемая в учебной литературе, выпущенной по учебному курсу «теория государства и права» [22; 23].

Вместе с тем, проведенные исследования, зависимость содержания юридической науки советского периода от марксистско-ленинской идеологии, то обстоятельство, что концепция трехэлементной структуры правовой нормы является достижением советской юридической науки и обосновывается исключительно утверждением В.И. Ленина и дальнейшими аналогичными высказываниями идеологов коммунистического пути развития о безжизненности права без аппарата принуждения, а также о том, что «критика современной идеологии империализма в области права составляет одну из задач, которые стоят перед учеными-марксистами <...>» [24], позволяют сделать вывод о необходимости пересмотра современной теории правовой нормы в пользу двухэлементной концепции ее логической структуры. Такой подход позволит изучать правовые нормы, процедуру логического взаимодействия юридических фактов с их государственной оценкой с действительно научных позиций, позволит наиболее точно определять пределы изменения правового положения субъекта в ходе практического разрешения спора о праве.

Список использованных источников

1. Поляков, А.В. Общая теория права / А.В.Поляков. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 642 с.
2. Жицинский, Ю.С. Санкция нормы советского гражданского права / Ю.С.Жицинский. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1968. – 123 с.
3. Черданцев, А.Ф. Толкование права и договора / А.Ф.Черданцев. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 381 с.
4. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / А.Б.Бабаев [и др.] ; под ред. В.А. Белова. – М. : Юрайт-Издат, 2007. – 993 с.
5. Пиголкин, А.С. Нормы советского права и их структура / А.С.Пиголкин // Вопросы общей теории советского права : сб. статей / Л.С. Галесник [и др.] ; под ред. С.Н. Братуся. – М. : Госюриздат, 1960. – 408 с.
6. Иоффе, О.С. Вопросы теории права / О.С.Иоффе, М.Д.Шаргородский. – М. : Юрид. лит, 1961. – 381 с.
7. Пиголкин, А.С. Нормы советского права и их толкование : автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.712 / А.С. Пиголкин; Ленинградский ун-т. – Л., 1962. – 18 с.
8. Томашевский, Н.П. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов / Н.П.Томашевский // Вопросы общей теории советского права : сб. статей / Л.С. Галесник [и др.] ; под ред. С.Н. Братуся. – М. : Госюриздат, 1960. – 408 с.
9. Черданцев, А.Ф. Специализация и структура норм права / А.Ф.Черданцев // Правоведение. – 1970. – № 1. – С. 41–49.
10. Явич, Л.С. Право и общественные отношения / Л.С.Явич. – М. : Юрид. лит., 1971. – 152 с.
11. Теория государства и права : учебник / В.К.Бабаев [и др.] ; под ред. В.К. Бабаева. – М.: Юристъ, 2002. – 592 с.
12. Голунский, С.А. Теория государства и права / С.А.Голунский, М.С.Строгович. – М. Юриздат, 1940. – 304 с.

13. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / А.Г.Бережнов [и др.] ; под ред. М.Н. Марченко. – М. : Юристь, 2001. – 656 с.
14. Гримм, Д.Д. Энциклопедия права : лекции / Д.Д.Гримм. – СПб., 1895. – 238 с.
15. Коркунов, Н.М. Лекции по общей теории права : в 4 кн. / Н.М.Коркунов (по изданию 1914 г.) – М. : Статут, 2003. – Кн. 2: Объективная и субъективная сторона права. – 428 с.
16. Курылев, С.В. Санкция как элемент правовой нормы / С.В.Курылев // Советское государство и право. – 1964. – № 8. – 47–55.
17. Основин, В.С. Нормы советского государственного права / В.С.Основин. – М., 1963. – 110 с.
18. Белов, В.А. Гражданское право. Общая часть : учебник / В.А.Белов. – М. : Юрайт, 2011. – 521 с.
19. Маньковский, И.А. Нормы и источники гражданского права: теоретические основы формирования и применения : монография / И.А.Маньковский. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2013. – 288 с.
20. Бартон, В.И. Логика : учеб. пособие / В.И. Бартон. – Минск : Новое знание, 2001. – 333 с.
21. Кириллов, В.И. Логика : учебник / В.И. Кириллов. – М. : Юристь, 1998. – 254 с.
22. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права / А.Ф. Вишневский, И.А. Горбатов, В.А. Кучинский ; под общ. ред. В.А. Кучинского. – Минск : Интегралполиграф, 2009. – 550 с.
23. Дробязко, С.Г. Общая теория права : учеб. пособие / С.Г.Дробязко, В.С.Козлов. – Минск : Амалфея, 2005. – С. 464 с.
24. Явич, Л.С. Право и общественные отношения / Л.С.Явич. – М. : Юрид. лит., 1971. – 152 с.

ГЛАВА 17

ЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА СТРУКТУРЫ ПРАВОВОЙ НОРМЫ: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

В рамках современной юридической науки, на что указывалось в наших публикациях, рассматривается две концепции логической структуры правовой нормы [1, с. 46]. Первой, получившей распространение в досоветский период развития юридической науки является концепция двухэлементной («двухзвенной») структуры правовой нормы; второй, получившей распространение в советский период развития юридической науки на что обращают внимание О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский [2, с. 152], и, как следствие, в настоящее время общепринятой, является концепция трехэлементной («трехзвенной») структуры правовой нормы. Согласно концепции двухэлементной структуры правовая норма состоит из гипотезы и диспозиции, а в соответствии с концепцией трехэлементной структуры – из гипотезы, диспозиции и санкции.

Проводя исследование концепции двухэлементной и трехэлементной структуры правовой нормы в первую очередь следует исходить из того, что представляет собой правовая норма, структура которой подлежит изучению и, во вторую – из того, что является основой построения структуры правовой нормы.

Так, правовая норма-суждение, представляет собой сложное условное логическое суждение имплицативного типа о поведенческих возможностях субъектов системы права и их государственной оценке, выраженной в возможности наступления положительных или отрицательных для субъекта последствий юридического и фактического свойства, что отличает ее от нормы-предписания, или нормы «закона», представляющей собой формально-определенное правило поведения, имеющее представительско-обязывающий характер, отвечающее признаку нормативности и выраженное грамматическими предложениями, размещенными в статьях, пунктах, абзацах и т.п. нормативного правового акта.

Представителями двух концепций не отрицается тот факт, что в основу по-

строения структуры правовой нормы положена логическая импликация, понимаемая И.И. Дубининым как сложное высказывание, состоящее из простых, соединенное между собой логическим союзом «если..., то» [3, с. 125]. Согласно утверждению Ю.С. Жицинского под структурой правовой нормы «обычно понимается логическая формула, способствующая лучшему пониманию права, в целом, и отдельных правовых норм, ясному их изложению в <...> нормативных правовых актах, правильному применению в жизни» [4, с. 8].

Импликативное суждение, именуемое в логике сложным и условным, состоит из двух простых суждений – двух частей. Согласно утверждению В.И. Бартона, «часть со словом «если» называется основанием, или антецедентом, а часть со словом «то» – следствием, или консеквентом» [5, с. 91].

Следовательно, поведенческие возможности субъекта и результат их государственной оценки взаимообусловлены и логично следуют друг за другом. В начале поведение субъекта, после – его государственная оценка, что не отрицается представителями двух концепций правовой нормы.

Так, В.И. Кириллов и А.С. Старченко утверждают о том, что «в условном суждении антецедент выполняет функцию фактического или логического основания, обуславливающего принятие в консеквенте соответствующего следствия» [6, с. 83]. Такой подход характерен для конструкции норм-суждений, в которых вторая часть, именуемая диспозицией следует из первой части, именуемой гипотезой, обусловлена ей.

Взаимообусловленность двух частей правовой нормы-суждения свидетельствует о влиянии логических конструкций и, в частности, конструкции импликативного (условного) суждения, на структуру правовой нормы, называемую в правоведении логической, что также подчеркивает ее связь с логическими формами.

Связь структуры правовой нормы с логическими формами констатирует Н.М. Коркунов, согласно утверждению которого «юридическая норма выполняет роль большой посылки; данное фактическое отношение людей, выражающее столкновение регулируемых нормой интересов, – роль малой посылки, а опре-

деление соответствующих прав и обязанностей есть заключение» [7, с. 122].

Связь структуры правовой нормы с логическими формами подтверждает В.И. Кириллов, согласно точке зрения которого «в форме условных суждений в языке могут быть представлены такие виды объективных связей, как <...> правовые <...>» [6, с. 83].

Изложенное позволяет констатировать тот факт, что структура правовой нормы-суждения суть условная логическая форма, именуемая импликацией, где гипотеза является антецедентом (основанием (причиной)), а диспозиция – консеквентом, или следствием.

Приведенные выше подходы к созданию логических форм и указание на то, что к объективным правовым связям применяется только одна из них, а именно, сложное условное суждение имплекативного типа, позволяют утверждать о том, что правовая норма-суждение, структура которой, безусловно, основана на логической импликации, состоит из двух простых суждений, двух элементов – основания (антецедента) и следствия (консеквента), получивших в юриспруденции название гипотезы и диспозиции. В качестве основания (гипотезы правовой нормы), по нашему мнению, могут выступать как модели разрешенного (положительного) поведения, предусмотренные, например, нормами гражданского права, так и модели запрещенного (асоциального) поведения, предусмотренные, например, нормами уголовного права.

Содержание гипотезы (основания), по нашему мнению, зависит от социального предназначения соответствующей отрасли права, в целом, и отдельных норм (их групп), – в частности. Так, уголовное право предназначено для доведения до сведения физических лиц, во-первых, перечня деяний, совершение которых подлежит максимальной негативной оценке со стороны государства и, во-вторых, перечня мер государственного воздействия, которые могут быть применены к лицам, совершившим деяния, описанные нормами уголовного права.

В соответствии с предназначением уголовного права сформулированы гипотезы уголовно-правовых норм, содержащих точное описание общественно опасного деяния, совершение которого запрещается государством. Например,

гипотеза правовой нормы, закрепленной в ст. 215 Уголовного кодекса, звучит следующим образом: «присвоение в особо крупном размере найденного заведомо чужого имущества или клада».

Формулировка приведенной нормы позволяет однозначно определить содержание запрещенного деяния, рассматриваемого государством в качестве юридического факта, влекущего за собой возникновение обязанности предусмотренной во второй части правовой нормы, именуемой, исходя из рассмотренной выше логической конструкции правовой нормы, диспозицией. Причем не вызывает сомнения то обстоятельство, что действие, описанное в части 1 нормы, закрепленной в ст. 215 Уголовного кодекса, представляет собой не что иное, как юридический факт, который, согласно общеправовой классификации юридических фактов, классифицируется как неправомерное действие.

Следовательно, часть 1 правовой нормы, закрепленной в ст. 215 Уголовного кодекса, описывающую действие, квалифицируемое в качестве юридического факта, можно признать основанием (антецедентом), или гипотезой правовой нормы, влекущей за собой применение юридических последствий, содержащихся в части 2, именуемой диспозицией, что соответствует разработанным наукой «логика» логическим формам. Аналогичным образом сформулированы гипотезы остальных норм, закрепленных в Особенной части Уголовного кодекса.

В отличие от уголовного права, гражданское право предназначено для создания наиболее благоприятных правовых условий участия в общественных отношениях, возникающих в процессе производства, обмена и потребления продукции. Посредством норм гражданского права государство предлагает субъектам экономической деятельности наиболее оптимальные, с государственной точки зрения, модели поведения, предоставляя при этом участникам гражданско-правовых отношений юридически обеспеченную возможность самостоятельного моделирования своих правовых связей.

Сообразно с предназначением гражданского права сформулированы гипотезы гражданско-правовых норм.

Однако следует отметить, что конструкция системы гражданского права, и

соответственно, конструкция входящих в ее состав норм не позволяют выделить гипотезу также однозначно, как в нормах уголовного права. Уголовное право и, в частности, его Особенная часть построены по принципу: одна статья – одна норма – одно запрещенное деяние и последствия его совершения.

Таким образом, в Уголовном праве одной норме-предписанию, как правило, соответствует одна норма-суждение.

В гражданском праве нормы построены по другому принципу. Так, на процесс приобретения, например, зубной щетки в организации розничной торговли оказывают влияние многие правовые нормы-предписания, которые в совокупности составляют гипотезу одной нормы-суждения. Во-первых, это нормы § 2 главы 30 ГК, во-вторых, в части, не урегулированной указанными нормами, нормы § 1 главы 30 ГК, а также общие нормы, закрепленные в главе 27 ГК. Кроме того, на процесс приобретения вещи в организации розничной торговли оказывают влияние нормы, закрепленные в специальных нормативных правовых актах. Все нормы-предписания, в совокупности, составят одну гипотезу (основание) нормы-суждения, т.е. один юридический факт (юридический состав), с которым государство связывает возникновение определенной совокупности прав у покупателя и определенной совокупности обязанностей, корреспондирующих правам покупателя, у продавца.

Права и обязанности продавца и покупателя, в свою очередь, составляют диспозицию соответствующей нормы-суждения, содержащуюся также в разных нормах-предписаниях, закрепленных в ГК и иных нормативных правовых актах системы гражданского законодательства.

Сложная конструкция построения нормы-суждения, гипотеза которой состоит из большого количества норм-предписаний, последовательно составляющих модель поведения покупателя и модель поведения продавца, лишает нас возможности привести пример гипотезы гражданско-правовой нормы-суждения, как это сделано применительно к нормам уголовного права.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что независимо от содержания основания (антецедента) правовой нормы, которое, на что указыва-

лось выше, может содержать как модель разрешенного (предлагаемого государством) поведения, так и модель запрещенного либо необходимого государству поведения, antecedent всегда является первой частью правовой нормы, именуемой гипотезой и содержащей юридический факт (юридический состав), с которыми государство связывает наступление (возможность наступления) положительных или отрицательных юридических последствий для определенного субъекта, которые будут выражены в добровольном либо принудительном изменении его правового положения.

Сделанный нами вывод следует из того, что логической основой любой правовой нормы, безусловно, является сложное условное логическое суждение имплицитного типа, модель которого разработана наукой «логика», а также из того, что данный факт учеными-юристами не оспаривается. При этом логическая импликация имеет устоявшуюся и проверенную временем конструкцию, не предполагающую ее изменение в зависимости от содержания antecedent или консеквент, что в полной мере применимо и к логической структуре правовой нормы, основанной на импликации.

В этой связи следует признать бесосновательным подход представителей уголовно-правовой науки к наименованию первой части уголовно-правовой нормы, которую в уголовном праве именуют не гипотезой, а диспозицией, что, соответственно, отразилось на наименовании второй части уголовно-правовой нормы, именуемой не диспозицией, а санкцией. Так, например, Э.А. Саркисова, следуя традиционному для науки уголовного права подходу, определяет диспозицию как «часть нормы, в которой содержится указание на конкретное деяние, признаваемое преступлением, а санкцию – как часть нормы, в которой содержится указание на вид и пределы наказания, установленного за совершение указанного в диспозиции преступления [8, с. 38].

Очевидным является тот факт, что «<...> указание на конкретное деяние, признаваемое преступлением, <...>» представляет собой не что иное, как «фактическое или логическое основание, обуславливающее принятие в консеквенте соответствующего следствия», т.е. гипотезу, на что указывает, например, В.И.

Кириллов и, соответственно, не может рассматриваться в качестве диспозиции, которая, согласно утверждению представителей науки «логика», выступает следствием совершения деяния, признаваемого преступлением. При этом неоспоримым следует признать тот факт, что следствием совершения деяния, именуемого преступлением, с правовой точки зрения, являются меры уголовного наказания, которые обязательно должны быть применены к нарушителю в соответствии с принципом неотвратимости наказания и направлены на изменение правового положения лица, совершившего запрещенное деяние.

Также следует признать тот факт, что в логической импликации в качестве следствия выступает вторая часть правовой нормы, именуемая консеквентом, или диспозицией.

Изложенное позволяет нам предположить, что вторую часть уголовно-правовых норм, которые, также как и нормы других отраслей права, построены на основе сложного логического суждения имплицативного типа, следует называть не санкцией, как это принято в науке уголовного права, а диспозицией, на что указывалось выше.

Именно такой подход в наибольшей степени соответствует логическим конструкциям и позволяет унифицировано подходить к логической структуре правовой нормы в рамках всей системы права.

В зависимости от содержания гипотезы (основания) в качестве диспозиции (следствия) правовой нормы может выступать либо перечень положительных субъективных прав и обязанностей, приобретаемых субъектом гражданского права в случае социально допустимого поведения, либо перечень мер государственного принуждения (обязанностей отрицательного свойства), которые, будучи санкционированы государством, неизменно должны быть применены к лицу, совершившему социально недопустимое деяние, обязанному под принуждением претерпеть предусмотренные диспозицией правовой нормы меры государственного воздействия, применяемые к субъекту в рамках возлагаемой на него юридической ответственности.

При этом под юридической ответственностью следует понимать возлагаемую

на правонарушителя субъективную обязанность претерпеть предусмотренные диспозицией правовой нормы, санкционированные государством и принудительно применяемые неблагоприятные последствия совершенного деяния морального (предупреждение, ограничение правоспособности), физического (ограничение свободы, лишение свободы, смертная казнь и др.) или имущественного (штраф, конфискация) свойства, направленные на изменение правового положения виновного лица, в пределах, соразмерных вреду, причиненному охраняемым общественным отношениям, и соответствующие социальным качествам нарушителя.

Санкцией, применительно к изложенному выше определению понятия «юридическая ответственность», следует именовать содержание применяемых государством мер принудительного воздействия.

Норма права, отмечает А.Ф. Черданцев, «<...> складывается из двух взаимосвязанных частей. Первая часть описывает в обобщенном плане ситуацию, условия, факты, на которые распространяется ее действие. Вторая часть указывает на юридические последствия, <...>, наступающие при наличии условий, указанных в первой части» [9, с. 214].

Указывая исключительно на двухэлементную структуру правовой нормы и отмечая тот факт, что «трехчленная структура – это структура нормы, реально не существующей, созданной путем искусственного соединения двух норм – регулятивной и охранительной», А.Ф. Черданцев, также как и представители уголовно-правовой науки, классифицирует правовые нормы на регулятивные и охранительные, отмечая, что в регулятивных нормах их части называются гипотезой и диспозицией, а в охранительных – диспозицией и санкцией [9, с. 214].

Позицию А.Ф. Черданцева разделяет А.С. Пиголкин, который также настаивает на двухэлементной структуре правовой нормы и поддерживает утверждение, согласно которому регулятивные нормы состоят из гипотезы и диспозиции, а охранительные – из диспозиции и санкции [10, с. 156].

Таким образом, подмену названия элементов правовой нормы, являющуюся, по нашему мнению, необоснованной, проводят не только представители уго-

ловно-правовой науки, но и науки «теория права».

Соглашаясь с точкой зрения названных ученых о двухэлементной структуре правовой нормы, следует возразить относительно поддерживаемого ими названия ее частей.

По нашему мнению, независимо от классификации правовых норм на регулятивные и охранительные и, следовательно, их предназначения в механизме правового регулирования, логическая структура правовой нормы и, соответственно, названия ее элементов должны оставаться неизменными. Изменяется лишь наполняющее такие элементы содержание – либо разрешенная модель поведения и его позитивная государственная оценка, выраженная в необходимом субъекту изменении его правового положения, либо запрещенная модель поведения и его негативная государственная оценка, выраженная в принудительном изменении правового положения субъекта в сторону ухудшения по сравнению со стандартно допускаемым государством.

При этом классификацию правовых норм на регулятивные и охранительные следует проводить исключительно по содержанию их гипотезы и диспозиции. Закрепленная в правовой норме модель разрешенного поведения и положительные юридические последствия такого поведения указывают на то, что норма является регулятивной, а модель запрещенного поведения и его негативные последствия (негативная оценка такого поведения государством) указывают на то, что норма является охранительной.

Таким образом, изложенное позволяет сделать вывод о том, что все правовые нормы-суждения, безотносительно их отраслевой принадлежности, состоят из двух элементов, что соответствует структуре используемого при их построении сложного условного логического суждения имплицативного типа, построенного по модели «если – то», которое «учеными всего мира <...> составляется из двух элементов – 1) основания, или антецедента <...> суждения и 2) следствия, или консеквента суждения. Суждения типа «если – то – иначе санкция», на что обращает внимание В.А. Белов, науке логики незнакомы, поскольку таковое представляет собой объединение элементов двух различных имплицативных сужде-

ний <...>» [11, с. 242–243].

Анализ правовых норм-предписаний, закрепленных в Гражданском кодексе, Уголовном кодексе, Кодексе об административных правонарушениях и иных норм-предписаний, показывает, что все они, как правило, имеют двухэлементную структуру. Указанный вывод подтверждается даже тогда, когда одна норма-суждение составляется из нескольких и даже из многих норм-предписаний, закрепленных в разных статьях нормативного правового акта, что особенно ярко выражено в системе гражданско-правовых норм.

В заключении следует привести высказывание А.Ф. Черданцева, согласно которому «учение о двухчленной норме исходит из того, что отдельная норма – это часть системы, она регулирует общественные отношения во взаимосвязи с другими нормами. По этому учению норма права с логико-языковой точки зрения – это высказывание, мысль о должном или возможном поведении, выраженное во вне с помощью языка» [12, с. 51]. «Учение о двухчленной структуре, продолжает А.Ф. Черданцев, просто, естественно, удобно, не вызывает затруднений у истолкователя нормы, ибо соответствует реальным нормам права» [12, с. 52].

Список использованных источников

1. Маньковский, И.А. Санкция в логической структуре правовой нормы: современный взгляд на проблему / И.А. Маньковский // Юстиция Беларуси. – 2013. – № 10. – С. 46–49.

2. Иоффе, О.С. Вопросы теории права / О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородский. – М. : Юрид. лит., 1961. – 381 с.

3. Логика : учеб. пособие / В.И. Бартон [и др.] ; под ред. В.Ф. Беркова. – Минск : Выш. шк., 1994. – 296 с.

4. Жицинский, Ю.С. Санкция нормы советского гражданского права / Ю.С. Жицинский. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1968. – 123 с.

5. Бартон, В.И. Логика : учеб. пособие / В.И. Бартон. – Минск : Новое знание, 2001. – 333 с.

6. Кириллов, В.И. Логика : учебник / В.И. Кириллов. – М. : Юристъ, 1998. – 254 с.
7. Коркунов, Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов. – М. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 428 с.
8. Саркисова, Э.А. Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие / Э.А. Саркисова. – Минск : Тесей, 2005. – 590 с.
9. Черданцев, А.Ф. Теория государства и права : учебник / А.Ф. Черданцев. – М. : Юрайт-М, 2001. – 432 с.
10. Общая теория права : учеб. / Ю.А. Дмитриев [и др.] ; под общ. ред. А.С. Пиголкина. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1995. – 383 с.
11. Белов, В.А. Гражданское право. Общая часть : учебник / В.А. Белов. – М. : Юрайт, 2011. – 521 с.
12. Черданцев, А.Ф. Толкование права и договора / А.Ф. Черданцев. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 381 с.

ГЛАВА 18

САНКЦИЯ В ЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ПРАВОВОЙ НОРМЫ: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

Правовая норма представляет собой специфическую систему, состоящую из нескольких логически связанных между собой элементов, совокупность которых, рассмотренная с точки зрения единства существующих между ними связей, по мнению А.В. Полякова, называется структурой правовой нормы [1, с. 468].

В соответствии с выводами, сделанными в многочисленных научных исследованиях, проведенных в рамках науки «теория права», в настоящее время существует две концепции логической структуры правовой нормы: концепция двухэлементной («двухзвенной») структуры и концепция трехэлементной

(«трехзвенной») структуры правовой нормы.

Согласно концепции двухэлементной структуры правовая норма состоит из гипотезы и диспозиции, а в соответствии с концепцией трехэлементной структуры – из гипотезы, диспозиции и санкции, которые рассматриваются в качестве взаимосвязанных элементов, составляющих логическую структуру правовой нормы.

Санкция рассматривается учеными-теоретиками, придерживающимися концепции трехэлементной структуры правовой нормы, как третий элемент нормы-суждения, определяющий содержание негативной реакции государства на поведение субъекта, не соответствующее модели, предусмотренной в диспозиции правовой нормы.

«Санкцией правовой нормы, указывает О.Э. Лейст, называется нормативное определение мер государственного принуждения, применяемых в случае правонарушения и содержащих его итоговую правовую оценку» [2, с. 7].

Если можно согласиться с определением санкции как предусмотренной государством меры принудительного воздействия на человека, итоговой оценки его поведения, то относительно ее места в логической структуре правовой нормы следует возразить.

Точка зрения, согласно которой санкция является неизменным третьим элементом правовой нормы, основывается на преобладающем среди приверженцев концепции трехэлементной структуры правовой нормы понимании ее диспозиции как некоего правила поведения, несоблюдение которого ведет к применению санкции, т.е. третьей обязательной части правовой нормы, без которой правило поведения, закрепленное в диспозиции, останется без исполнения. При этом в обоснование трехэлементной структуры правовой нормы и, следовательно, необходимости включения в ее состав такого элемента, как санкция, советские ученые указывали на то, что «в условиях социалистической экономики действие закона планомерного развития народного хозяйства требует реального исполнения гражданско-правовых обязанностей <...>. Поэтому в советском гражданском праве в принципе недопустима замена исполнения этой обязанно-

сти ее суррогатом – возмещением убытков. <...> Ошибочность выводов о двух-элементном строении нормы права, следовательно, вызвана тем, что не учитываются требования закона диалектики о взаимообусловленности явлений действительности применительно к взаимосвязи общественных отношений и регулирующих их норм права» [3, с. 50].

Санкция, утверждает Ю.С. Жидинский, «воспитывает граждан в духе уважения к советскому закону и строгого соблюдения установленных им правовых обязанностей, уважения к правам и интересам других лиц и всего общества в целом. Тем самым санкция служит юридическим средством предотвращения и искоренения правонарушений в советском обществе <...>» [3, с. 44].

«В определении юридических обязанностей санкции играют подсобную <...>, но необходимую роль (без обеспеченности санкцией обязанность перестает быть правовой)», отмечает О.Э. Лейст [2, с. 24].

Из приведенных выше высказываний следует вывод о том, что факт включения в состав правовой нормы ее третьего элемента, именуемого санкцией, и непосредственно сама трехэлементная структура правовой нормы, созданная в советский период развития юридической мысли, не имеют ничего общего с логической формулой, изначально положенной в основу конструкции правовой нормы, а необходимость использования трехэлементной структуры правовой нормы обосновывается исключительно идеями социалистического пути развития. При этом в гражданском праве СССР термин «обязательство» был подменен термином «обязанность», что свойственно административному методу, применяемому в то время в гражданско-правовом регулировании.

Наряду с заменой гражданско-правового обязательства административной обязанностью также было изменено содержание гражданско-правовой ответственности, которая с момента создания гражданского права, как совокупности правовых средств регулирования имущественных отношений, основывалась на полном возмещении причиненных убытков, что имеет место в современных условиях развития гражданского правопорядка.

В отличие от современного периода развития цивилистики в советский период

содержание ответственности за нарушение гражданско-правовой «обязанности» заключалось в обязательном применении к социалистическим хозяйственным организациям мер государственного принудительного воздействия вместо возмещения убытков и в принуждении к последующему реальному исполнению обязанностей перед другими социалистическими организациями – контрагентами по договору.

При таком подходе к организации гражданского правопорядка, безусловно, существовала теоретическая возможность обоснования необходимости включения в состав логической структуры правовой нормы третьего элемента, именуемого санкцией, даже вопреки законам логики. Особенно если такое обоснование основывалось на цитатах В.И. Ленина и других апологетов коммунистического способа государственного и общественного устройства, обязательных для использования во всех научных изысканиях.

«Законы, не устанавливающие наказания за их неисполнение, – писал В.И. Ленин, – не дают гарантий исполнения и «не исполняются вовсе, оставаясь пустой бумажкой» [4, с. 127].

В современный период развития юридической науки в целом, и науки гражданского права, – в частности, необходимо учитывать изменившийся путь политического развития и новые подходы общества к коммунистическим идеям, отвергающие навязанные коммунистической партией идеологические принципы общественного устройства, оказавшие в свое время самое непосредственное влияние на развитие юридической науки, построение основанного на ее выводах советского правопорядка и, как следствие, на содержание научных исследований, выполненных советскими учеными. В современный исторический период развития научной мысли необходимо осторожно подходить к советскому юридическому наследию и брать за основу дальнейших научных исследований только такие их результаты, которые свободны от идеологических догм и имеют под собой действительно научное обоснование.

Понимание диспозиции правовой нормы как обязательного для исполнения правила поведения, получившее массовое признание в советский период развития

юридической науки, по нашему мнению, не соответствует ее предназначению в логической структуре правовой нормы, приводит к выводу о необходимости наличия в структуре правовой нормы третьего элемента, содержащего меры государственного воздействия, подлежащие применению к лицам, не выполняющим требования правила поведения, содержащегося в диспозиции правовой нормы суждения. Вместе с тем, на что указывалось выше, под диспозицией следует понимать не обязательное для исполнения правило поведения, нарушение которого ведет к применению санкции, а набор определенных прав и (или) обязанностей, возможное или обязательное применение которых к субъекту, выполнившему условия гипотезы правовой нормы, изменит его правовое положение как участника соответствующих общественных отношений. Кроме того, следует отметить тот факт, что термин «санкция» в первом своем значении раскрывается как «утверждение чего-либо высшей инстанцией, разрешение» [5, с. 696], из чего следует, что под санкцией можно понимать совокупность разрешенных, санкционированных государством мер воздействия, применение которых является итогом негативной оценки государственной властью поведения субъекта.

Факт применения таких мер и есть закрепленная в диспозиции правовой нормы реакция государства на совершение (несовершение) фактических действий, указанных в диспозиции, направленная на принудительное изменение правового положения субъекта.

Так, разве можно утверждать о том, что первая часть охранительных правовых норм, закрепленных в Особенной части Уголовного кодекса или в Кодексе об административных правонарушениях и называемых в науке уголовного и административного права диспозицией, является правилом поведения. Наоборот, в нормах уголовного и административного права установлен запрет такого поведения, по сути, указаны фактические обстоятельства (юридические факты), в случае наступления которых (совершения предусмотренного нормой деяния) правовое положение лица, совершившего запрещенное деяние, изменится таким образом, как это указано во второй части нормы, закрепленной в уголов-

ном или административном кодексах.

Применительно к подходу к понятию и структуре правовой нормы, воспринятому в нашем исследовании, санкцию можно определить как юридическое средство, используемое для психологического понуждения субъектов к поведению, предлагаемому государством, не являющееся самостоятельным элементом логической структуры правовой нормы, размещенное в ее диспозиции. По сути, санкцией следует называть совокупность обязанностей (одну обязанность), которые государственная власть возлагает на лицо, совершившее деяние, запрещенное гипотезой правовой нормы, и заставляет исполнять при помощи аппарата принуждения.

Непосредственно в ходе принудительного исполнения возложенных на лицо обязанностей, именуемых санкцией и закрепленных в диспозиции правовой нормы, изменяется его правовое положение (субъект лишается права собственности на часть своего имущества, приобретает статус лица, осужденного к лишению свободы, лишается правоспособности: права осуществлять предпринимательскую деятельность, права занимать определенные должности, права избирать и быть избранным).

Таким образом, по нашему мнению, санкцию следует рассматривать как совокупность допущенных (санкционированных государством) к принудительному применению мер государственного воздействия, которому подвергаются субъекты права, совершившие деяния, запрещенные гипотезой охранительной правовой нормы и содержащихся в диспозиции как элементе правовой нормы суждения, предназначенном для закрепления содержания государственной юридической оценки поведения субъекта.

Необходимость государственного правового санкционирования применения таких мер обусловлена тем обстоятельством, что принудительные меры, применяемые к человеку в процессе государственного реагирования на поведение субъекта, противны естественным правам человека и в случае их применения лицами, во-первых, не уполномоченными на это государством и, во-вторых, в неустановленных (несанкционированных) государством случаях, факт их при-

менения признается правонарушением и подлежат негативной оценке государственной властью. Так, например, убийство человека является уголовным преступлением, запрещенным к совершению нормой ст. 139 Уголовного кодекса, лишение человека свободы признается преступлением, запрещенным к совершению нормой ст. 183 Уголовного кодекса.

Вместе с тем, лишение человека свободы в качестве меры государственного принудительного воздействия санкционировано государством посредством закрепления такого правила в ст. 57 Уголовного кодекса, а лишение человека жизни, по сути, его убийство – в ст. 59 Уголовного кодекса. Неприкосновенность собственности гарантирована нормами ст. 44 Конституции и, вместе с тем, в соответствии с нормами ст. 61 Уголовного кодекса собственность может быть изъята в принудительном порядке по решению суда в установленных нормами Уголовного кодекса случаях.

При этом изъятие имущества у субъекта помимо его воли в иных (несанкционированных государством) случаях запрещается нормами стст. 205–215 Уголовного кодекса, соответственно, признается уголовным преступлением, совершение которого негативно оценивается государством, что отражено в диспозициях указанных выше правовых норм.

Изложенное выше позволяет сделать обобщающий вывод о том, что термин «санкция» следует называть не третий элемент правовой нормы, а набор разрешенных (санкционированных) к применению мер государственного воздействия, которые противны естественным правам человека, но могут быть применены к нему в установленных государством случаях, определенными государством органами (должностными лицами) и в установленном государством порядке.

Во всех остальных случаях применение таких мер рассматривается как правонарушение, подлежащее негативной государственной оценке.

Например, из фактического владения субъекта гражданского права помимо его воли выбыл велосипед, который изъяли из принадлежащего субъекту гаража. Впоследствии собственник велосипеда обнаружил его в фактическом вла-

дении другого лица, купившего велосипед у входа в продовольственный магазин. Исходя из обстоятельств приобретения велосипеда, его фактического владельца можно признать незаконным недобросовестным владельцем. При этом не владеющий велосипедом собственник имеет легитимную возможность вернуть велосипед в свое фактическое владение только одним способом, посредством использования такого средства защиты, как виндикационный иск. Если же собственник изымет принадлежащий ему на праве собственности велосипед другим способом, совершит его тайное изъятие у фактического владельца, отберет велосипед с применением физической силы и т.п., он сам будет привлечен к юридической ответственности соответствующего вида.

На убедительность предлагаемого нами подхода косвенно указывает сторонник трехэлементной концепции структуры правовой нормы О.Э. Лейст, согласно утверждению которого санкция, в определенном аспекте, становится диспозицией, и это не противоречит тому, что она (санкция) – атрибут правовой нормы. «Противоречия нет, отмечает О.Э. Лейст, так как пока санкция выступает как угроза (на случай правонарушения), она ни для кого не является диспозицией: ею она становится при решении дела о конкретном правонарушении» [2, с. 19].

На основании высказывания О.Э. Лейста можно сделать вывод о том, что санкция, в первую очередь, служит для оказания психологического воздействия на субъектов системы права, выступая, согласно утверждению О.Э. Лейста, «как угроза (на случай правонарушения)» и, следовательно, направлена на превенцию совершения запрещенных деяний, на предупреждение потенциальных правонарушителей о содержании негативной оценки государства и пределах изменения правового положения субъекта в случае нарушения установленного запрета.

При этом в случае разрешения дела о конкретном правонарушении санкция, согласно точке зрения О.Э. Лейста, становится диспозицией правовой нормы.

Таким образом, О.Э. Лейст, считая структуру правовой нормы трехэлементной, все же указывает на то, что санкция трансформируется в диспозицию в тот

момент, когда предусмотренные ей меры воздействия необходимо применить к конкретному правонарушителю.

В описанных О.Э. Лейстом метаморфозах, которые, по его мнению, должны произойти с санкцией, необходимость отсутствует, если признать искусственность концепции трехэлементной структуры правовой нормы и констатировать тот факт, что гипотезой является модель разрешенного или запрещенного государством поведения, а диспозицией – совокупность позитивных или негативных правовых последствий такого поведения, применение которых к субъекту санкционировано государством.

На искусственность трехэлементной структуры правовой нормы, ее несоответствие действительному содержанию норм права косвенно указывает Р.З. Лившиц, согласно утверждению которого структура правовой нормы «включает согласно принятому пониманию три части: диспозицию, гипотезу и санкцию. По этой классической схеме, продолжает Р.З. Лившиц, правовая норма должна выглядеть примерно так: если имеют место какие-то обстоятельства (гипотеза), то участники отношений должны поступать так-то и так-то (диспозиция), в противном случае они подлежат такой-то ответственности (санкция). Но в законодательной практике нормы, построенные по этой классической схеме, почти не встречаются» [6, с. 104].

Если применительно к нормам уголовного или административного права наличие санкции как третьего элемента правовой нормы все же можно каким-то образом обосновать, указывая на бездейственность охранительных норм, без наличия санкции, на то, что без действенных мер принуждения невозможно заставить субъектов системы права воздерживаться от деяний, запрещенных нормами уголовного права, то применительно к нормам гражданского права все эти доводы являются абсолютно обосновательными, особенно после изменения политического курса государственного развития, изменения принципов осуществления экономической деятельности, допуска к ее осуществлению частных субъектов.

В современных условиях экономического развития гражданский право-

порядок допускает значительную самостоятельность субъектов в моделировании своих взаимоотношений и предусматривает исключительно имущественные меры гражданско-правовой ответственности, которые, во-первых, носят компенсационно-восстановительный характер, а, во-вторых, подлежат применению только на основании свободно сформированного и добровольно выраженного во вне волеизъявления второй стороны правоотношения, прав и законные интересы которой нарушены.

Вряд ли можно именовать санкцией обязанность лица вернуть другой стороне правоотношения денежные средства, которые это лицо было обязано заплатить при нормальном развитии гражданского правоотношения, или восстановить своими силами испорченное имущество, или компенсировать имущественные потери, причиненные второй стороне в результате действий (бездействия) ее контрагента.

Вне всякого сомнения, возмещение причиненных убытков, восстановление правового положения лица, существовавшее до нарушения его прав и законных интересов, удержание как мера оперативного реагирования на поведение субъекта, не соответствующее условиям договорного обязательства, применение к недобросовестной стороне гражданско-правового отношения зачетной и даже штрафной неустойки носят исключительно компенсационный характер и направлены на восстановление правового положения участников экономической деятельности, которое должно было существовать при нормальном развитии гражданско-правовых отношений.

В отличие от мер гражданско-правового воздействия, применяемых на основании решения, принятого частным лицом, меры принудительного воздействия, используемые в уголовном или административном праве и именуемые санкцией, применяются специально уполномоченными государственными органами, направлены на принудительное изменение правового положения субъекта, которое при нормальном развитии общественных отношений никогда бы не произошло. Такие меры связаны не с восстановлением правового положения потерпевшего лица, что в принципе невозможно в случае причинения телесного

повреждения, убийства, изнасилования, использования рабского труда, вовлечения в занятие проституцией и иных подобных случаях, а используются в качестве государственного возмездия за совершение лицом деяний, запрещенных и признанных государством наиболее общественно опасными.

Изложенное позволяет еще раз констатировать тот факт, что санкция не может быть признана в качестве самостоятельного элемента правовой нормы в целом, и элементом гражданско-правовых норм, – в частности.

Список использованных источников

1. Поляков, А.В. Общая теория права: Курс лекций / А.В. Поляков. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 642.
2. Лейст, О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. Теоретические проблемы / О.Э. Лейст. – М. : Изд-во МГУ, 1981. – 240 с.
3. Жицинский, Ю.С. Санкция нормы советского гражданского права / Ю.С. Жицинский. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1968. – 123 с.
4. Лазарев, В.В. Применение советского права / В.В. Лазарев. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1972. – 200 с.
5. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова ; РАН, Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
6. Лившиц, Р.З. Теория права / Р.З. Лившиц. – М. : БЕК, 1994. – 224 с.

ГЛАВА 19

ТОЛКОВАНИЕ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ

Общее понятие, признаки и структура правовых норм подробно исследованы наукой «теория права», которая также детально дифференцирует правовые нормы на виды. По сути, ни один учебник по теории права не обошел стороной вопросы понятия, структуры, признаков и классификации правовых норм по видам, чего нельзя сказать о цивилистической науке, в рамках которой понятие, признаки и предназначение непосредственно гражданско-правовых норм практически не рассматривались.

При этом, юридической наукой на современном этапе ее развития предлагается определенная совокупность общих признаков, присущих всем правовым нормам безотносительно к их отраслевой принадлежности. Так, в юридической литературе к общим признакам правовой нормы относят:

- формальную определенность, выраженную в точности нормативного предписания и его закреплённости в нормативных правовых актах системы законодательства, принимаемых уполномоченными государственными органами, что отличает правовую норму от иных социальных норм, не подлежащих закреплению в нормативных правовых актах;

- вытекающую из формальной определенности нормативность правовой нормы, указывающую на то, что правовая норма является предлагаемой государством моделью поведения, закрепляющей основные признаки, черты, особенности общественных отношений, подлежащей обязательному соблюдению;

- основанный на двух приведенных выше признаках общеобязательный характер правовой нормы, заключающийся в обязательности исполнения и соблюдения правовой нормы, предполагающей наличие реакции государства на поведение субъекта;

- представительско-обязывающий характер, выраженный в предоставлении

субъектам определенных прав и возложении на них общественно необходимых обязанностей.

Приведенные выше общие признаки правовой нормы дают возможность определить норму гражданского права как правовое средство, разработанное уполномоченными государственными органами, содержательно представляющее собой определенное правило поведения, предназначенное для использования в процессе правового воздействия на субъектов гражданского права.

Предложенное определение указывает на то, что нормы гражданского права предназначены для оказания на всех лиц, находящихся на государственной территории, правового воздействия, что возможно в процессе применения норм гражданского права заинтересованными субъектами правовой системы.

При этом, следует отметить, что одной из главных составляющих процесса применения норм гражданского права в ходе участия в экономических общественных отношениях, является необходимость уяснения того смысла, который вкладывал в правовую норму законодатель в процессе ее разработки, принятия и, в определенных случаях, необходимость разъяснения этого смысла другим участникам экономических отношений.

Процесс применения норм гражданского права непосредственно связан с необходимостью их изучения, адаптации к экономическим отношениям, фактически складывающимся в конкретный период экономического и политического развития государства и общества и, в первую очередь, уяснения действительного смысла правовых норм, подлежащих применению для разрешения возникшего казуса, что является первостепенной задачей догматической цивилистики.

Практическая необходимость уяснения действительного смысла гражданско-правовой нормы в процессе ее применения, в первую очередь, обусловлена тем обстоятельством, что субъекту правоприменительной деятельности норма гражданского права представлена в виде некоторого набора символов государственного языка, совокупность которых, соединенных в грамматические предложения, имеет определенное смысловое значение, подлежащее уяснению в процессе осуществления правоприменительной деятельности. При этом, букваль-

ное словесное выражение правовой нормы не всегда соответствует ее действительному смысловому содержанию, что может быть обусловлено различными факторами. Например, общими историческими условиями разработки правовой нормы, которые к моменту ее применения могли измениться, изменением экономических или политических условий развития общества, новыми подходами общества к пониманию того или иного общественного явления и многими другими факторами, что особенно отчетливо проявляется в нормах гражданского права. «Именно в момент соотнесения обстоятельств дела и абстрактных нормативных правил, по мнению А. Шмагина, неизбежно встает вопрос о смысле использованных в законе понятий» [1, с. 248].

Изложенное позволяет констатировать наличие необходимости уяснения действительного смысла, вложенного в правовую норму законодателем и приложения уясненного смысла к фактически складывающимся общественным отношениям.

«Для приложения закона к случаям действительным, отмечает Д.И. Мейер, толкование его существенно: сам закон не ложится на случай, следовательно, чтобы приложение его было сообразно выраженной в нем воле законодателя, лица, применяющие закон, должны его понимать» [2, с. 66].

Таким образом, известный русский ученый, по нашему мнению, подчеркивает особенности построения системы гражданского права, заключающиеся в том, что составляющие ее правовые нормы представляют собой общие модели поведения, предлагаемые для всех случаев участия в экономических отношениях безотносительно специфических особенностей, присущих каждому отдельному гражданско-правовому отношению.

Указанное обстоятельство, соответственно, предполагает необходимость уяснения смысла применяемых гражданско-правовых норм с целью их адаптации к специфическим особенностям того общественного отношения, которое фактически сложилось между конкретными участниками экономической деятельности по определенному поводу.

Кроме того, в нормативных правовых актах системы гражданского законода-

тельства, в том числе и в Гражданском кодексе, закреплены нормы-предписания, а споры о правах и обязанностях субъектов гражданского права разрешаются посредством применения норм-суждений или сложных условных логических суждений имплицативного типа, которые вырабатываются на основе подбора и анализа необходимой в конкретном случае совокупности законодательных норм. Следовательно, разрешение конкретного спора о праве гражданском осуществляется посредством подбора и установления юридической силы подлежащих использованию норм-предписаний, расположения их в необходимой логической последовательности, уяснения действительного смысла каждой отдельно взятой нормы-предписания и последующего построения на их основе одной нормы-суждения, которая и представляет собой модель поведения субъектов гражданского права, подлежащую применению.

«Приступая к практическому изучению права, отмечает Е.В. Васьковский, нужно <...> собрать все действующие в данный момент времени на данной территории юридические нормы. Затем следует <...> удостовериться, что они <...> снабжены юридической силой <...>. Собрав и очистив таким образом материал действующего права, необходимо овладеть его содержанием, т.е. истолковать смысл норм, <...> подвергнуть этот материал догматической обработке и придать ему форму научной системы» [3, с. 53]. Таким образом, Е.В. Васьковский указывает на четыре процесса, из которых складывается деятельность практической цивилистики: собирание правовых норм, подлежащих применению; критика или проверка подлинности применяемых правовых норм; толкование правовых норм; догматическая переработка правовых норм [3, с. 53].

Обозначенные Е.В. Васьковским процессы, составляющие, по его мнению, содержание юридической догматики, вне всякого сомнения, реализуются современными участниками правоприменительной деятельности, что указывает на актуальность сделанных ученым выводов и на современном этапе развития цивилистической науки.

Сбор норм гражданского права, необходимых для разрешения конкретной ситуации, представляет собой механический процесс отбора содержащих такие

нормы нормативных правовых актов в целом, и необходимых для разрешения казуса правовых норм – в частности, что происходит в процессе практического исследования системы гражданского законодательства.

Необходимо отметить тот факт, что в настоящее время процесс собирания нормативных правовых актов и критики содержащихся в них правовых норм существенно упростился.

В отличие от современных условий деятельности юриста-ученого в дореволюционный период развития юридической науки процесс собирания и критики правовых норм был сопряжен со следующими трудностями: во-первых, необходимо было переработать определенное количество разрозненных бумажных носителей правовой информации, содержащих необходимые нормативные правовые акты, возможно, фактически находящихся в разных местах, что, в свою очередь, сопрягалось с дополнительными затратами времени на их поиск и отбор; во-вторых, юридическая сила отобранных актов не обязательно следовала непосредственно из закрепленных в них норм, что было обусловлено возможным изменением или отменой нормативных правовых актов, подлежащих применению; в-третьих, указание на изменение или отмену акта содержалось не в самом нормативном правовом акте, а в акте о внесении изменений или отмене отобранного нормативного правового акта, а это усложняло процесс отбора подлежащей использованию правовой информации в связи с необходимостью отбора и изучения нормативных правовых актов, нормами которых вносились изменения в нормативные правовые акты, отобранные для применения.

На современном этапе эволюции общества деятельность юристов по подбору необходимых нормативных правовых актов стала значительно эффективнее вследствие технического развития человечества, ознаменованного, в частности, разработкой персональных компьютеров и различного рода компьютерных баз данных правовой информации, содержащих в себе полные собрания всех нормативных правовых актов, составляющих систему законодательства государства. Кроме того, что компьютерные базы данных правовой информации содержат все существующие в государстве и предназначенные для свободного дос-

тупа нормативные правовые акты, они включают в себя гиперсвязи между различными нормативными правовыми актами, их статьями, пунктами и т.п., а также все изменения и дополнения, внесенные в подлежащие применению нормативные правовые акты, содержащиеся непосредственно в применяемом нормативном правовом акте, который, соответственно, размещен в базе данных в «контрольном состоянии».

Следовательно, современный ученый или субъект правоприменительной деятельности, подбирая подлежащие применению правовые нормы одновременно убеждается в том, что содержащиеся такие нормы нормативные правовые акты являются действующими в настоящее время, т.е. обладают необходимой юридической силой и включают в себя все внесенные в них изменения и дополнения. Таким образом, субъект правоприменительной деятельности одновременно с подбором правовых норм, согласно Е.В. Васьковскому, осуществляет их критику – проверку как подлинности текста правовых норм, так и юридической силы нормативных правовых актов, содержащих необходимые правовые нормы.

Необходимо отметить, что главным процессом юридической догматики (практической цивилистики) выступает процесс уяснения смысла правовых норм, основой реализации которого является их толкование.

При этом, под толкованием правовых норм, например, В.М. Сырых, понимает познавательную деятельность, осуществляемую с целью установления содержания нормы права, изложенной в тексте нормативного правового акта [4, с. 276]. С приведенным подходом к пониманию процесса толкования следует согласиться.

Не вызывает сомнения тот факт, что процесс толкования правовой нормы можно рассматривать как познавательную деятельность, т.е. деятельность, направленную на получение знаний о содержании правовой нормы, необходимых для ее правильного применения.

В свою очередь, Т.Я. Хабриева, под процессом толкования правовых норм понимает «совершение определенным субъектом совокупности действий в строгом их наборе, последовательности и системе, соответствующим образом

оформленных и доведенных до сведения адресатов правовых предписаний» [5, с. 459].

Применительно к описанию процедуры толкования приведенное утверждение можно признать соответствующим ее содержанию, выраженному в определенной совокупности действий, последовательно совершаемых в рамках четырех процессов, обозначенных Е.В. Васьковским.

Вместе с тем, приведенная цитата не способствует пониманию сути процесса толкования, не объясняет его целей, предназначения, что в значительной степени лишает ее познавательной ценности. Однако, в совокупности с мнением, высказанным В.М. Сырых, определившим понятие толкования и цель его осуществления, описание процессов толкования, предложенное Т.Я. Хабриевой, дает определенное представление о том, что, зачем и в какой последовательности происходит в ходе толкования правовых норм.

«Толкование, отмечает А.С. Пиголкин, – неотъемлемая часть процесса применения права <...>. Целью толкования <...>, как правило, является не просто абстрактное понимание смысла правовой нормы ради чисто академических целей, а познание ее для того, чтобы правильно на ее основе решать конкретные жизненные случаи» [6, с. 26–27].

При этом, сам Е.В. Васьковский под толкованием или интерпретацией понимает «совокупность приемов, применяемых к произведениям человеческого духа с целью понять их» [3, с. 80].

Непосредственно к задачам толкования Е.В. Васьковский относит необходимость «<...> воспроизвести те представления и понятия, которые связывал с данной нормой ее создатель» [3, с. 83].

Основываясь на высказанных названными и другими учеными в разные периоды развития юридической науки точек зрения, можно сделать вывод о том, что процесс толкования правовых норм представляет собой мыслительную деятельность субъекта, применяющего правовую норму и, в силу этого, является неотъемлемой частью правоприменительной деятельности, способствует наиболее точному восприятию (уяснению) смысла правовой нормы, вложенного в

нее законодателем, позволяет разрешить возникший спор о праве гражданском в полном соответствии с гражданским правопорядком, установленным на государственной территории.

Изложенное позволяет утверждать о том, что процесс толкования заключается в познавательной деятельности человека, направленной на уяснение действительного смысла правовой нормы, вложенного в нее законодателем посредством применения разработанной юридической наукой методики толкования и, в необходимых случаях, разъяснения смысла правовой нормы иным участникам гражданских правоотношений, на что, в частности, обращает внимание А.Б. Венгеров.

Так, согласно утверждению названного ученого, «толкование правовой нормы – это всегда процесс мышления, и состоит он из двух этапов. Первый – это уяснение смысла и содержания норм «для себя» <...>. Второй этап – разъяснение смысла и содержания нормы «вовне», для адресатов правоприменения <...>» [7, с. 452].

Следовательно, вне рамок процесса толкования не представляется возможным процесс правоприменения, что обусловлено, как минимум, необходимостью прочтения правовой нормы с целью уяснения ее содержания, построения на этой основе предлагаемой государством модели поведения участников экономической деятельности и ее адаптации к конкретно сложившимся общественным отношениям.

Согласно точке зрения, высказанной В.С. Нерсисянцем, «<...> абстрактно-общее содержание статичной нормы права в процессе ее реализации (и применения) конкретизируется применительно к соответствующей конкретной ситуации с конкретными обстоятельствами и взаимоотношениями персонально-конкретных лиц по конкретному основанию, в конкретном месте и конкретном времени» [8, с. 492].

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что процедура применения норм гражданского права сопряжена с необходимостью уяснения действительного смысла гражданско-правовых норм, вложенного в них законодателем,

что обусловлено рядом обстоятельств.

К обстоятельствам, предопределившим необходимость детального толкования норм гражданского права в ходе их применения, следует отнести использование законодателем в процессе построения системы гражданского права: достаточно большого количества оценочных понятий; юридических фикций; терминов, которые:

- имеют в русском языке несколько значений;
- восприятие действительного смысла которых требует изучения правил грамматики русского языка;
- юридическое значение которых с течением времени изменилось и не соответствует общеупотребимому значению этого термина в русском языке.

Кроме того, потребность в толковании гражданско-правовых норм обусловлена их глубокой системной связью, взаимозависимостью и взаимообусловленностью, что делает невозможным разрешение спора о праве гражданском на основании применения одной или двух норм, воспринятых вне рамок системы гражданского права, вне связи применяемых норм с нормами других гражданско-правовых институтов.

Список использованных источников:

1. Шмагин А. Основы немецкой методики толкования права / А. Шмагин // Вестник гражданского права. – 2012. – № 4. – С. 248.
2. Мейер Д.И. Русское гражданское право: по 8-му изд. 1902 г. / Д.И. Мейер. – изд. 2-е испр. – М.: Статут, 2000. – 831 с.
3. Васьковский Е.В. Цивилистическая методология: учение о толковании и применении гражданских законов / Е.В. Васьковский. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. – 507 с.
4. Сырых В.М. Теория государства и права / В.М. Сырых. – М. : Юстициформ, 2004. – 704 с.
5. Теория государства и права : учебник / В.К. Бабаев [и др.] ; под ред. В.К.

Бабаева. – М.: Юристъ, 2002. – 592 с.

6. Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР / А.С. Пиголкин. – М. : Юрид. лит., 1962. – 166 с.

7. Венгеров А.Б. Теория государства и права : учеб. для юрид. вузов / А.Б. Венгеров. – М. : Юриспруденция, 2000. – 528 с.

8. Нерсесянц, В.С. С. Общая теория права и государства / В.С. Нерсесянц. – М. : НРМА, 2001. – 552 с.

ГЛАВА 20

МЕТОДЫ ТОЛКОВАНИЯ КАК СРЕДСТВО УЯСНЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО СМЫСЛА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ: НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Современная система гражданского права построена таким образом, что применение гражданско-правовых норм сопряжено с необходимостью уяснения того смысла, который вкладывал в правовую норму законодатель в процессе ее разработки. Уяснение действительного смысла правовых норм, подлежащих применению для разрешения возникшего казуса является первостепенной задачей практической (догматической) цивилистики. «Толкование, отмечает А.С. Пиголкин, – неотъемлемая часть процесса применения права <...>. Целью толкования <...>, как правило, является не просто абстрактное понимание смысла правовой нормы ради чисто академических целей, а познание ее для того, чтобы правильно на ее основе решать конкретные жизненные случаи» [1, с. 26–27].

Вне рамок процесса толкования не представляется возможным процесс правоприменения, что обусловлено, как минимум, необходимостью прочтения правовой нормы с целью уяснения ее содержания, построения на этой основе предлагаемой государством модели поведения участников экономической деятельности и ее адаптации к конкретно сложившимся общественным отношениям.

Процесс уяснения действительного смысла правовых норм состоит в последовательном применении совокупности методов толкования, наиболее тщательным образом разработанных в рамках общетеоретической юридической науки, что объясняется межотраслевым значением процедуры толкования правовых норм и универсальным значением используемых для этого приемов юридической техники.

Непосредственно процесс применения методов (способов) толкования, составляющих методику толкования, применяемую постсоветской юридической наукой, согласно утверждению Л.Л. Чантурия, основывается на определенных принципах, к наиболее важным из которых относятся такие, как принцип:

- объективности, согласно которому интерпретация должна опираться на текст закона и на основании его текста стремиться наиболее точно установить смысл закона;

- единства, означающий, что каждая правовая норма должна быть прочитана в совокупности с полным текстом закона;

- генетического толкования, предполагающий учет происхождения, объективных, языковых, культурных и общественных условий возникновения закона при его толковании;

- толкования посредством сравнения, согласно которому предполагается осуществление толкования правовых норм посредством их сравнения с правовыми нормами, принятыми в данной области, но в другое время [2, с. 84–85].

Во многих современных литературных источниках по теории права, выпущенных на постсоветском пространстве, указывается на четыре метода (способа) толкования правовых норм: грамматическое толкование, логическое толкование, систематическое толкование, историческое толкование [1, с. 39], с которыми корреспондируют названные Л.Л. Чантурия методы толкования, используемые постсоветской юридической наукой.

Основой практически единодушного определения перечня методов толкования современными учеными, работающими на постсоветском пространстве, являются, по нашему мнению, положения теории права, разработанные в совет-

ский период развития юридической науки, что следует из литературных источников того периода.

Однако, следует отметить то обстоятельство, что идеологизация (политизация) науки вообще и юридической науки, – в частности в советский период ее развития приводила, по нашему мнению, к искажению научных результатов, которое особенно отчетливо проявлялось в сфере гуманитарных наук. Так, например, отсутствие в перечне методов толкования, применяемых советскими учеными, такого метода, как телеологический, обосновывалось его отождествлением с религиозными учениями, что противоречило политическому направлению развития СССР и, следовательно, являлось основным аргументом против включения названного метода в методiku толкования, применяемую советскими учеными [3, с. 103], с чем были согласны не все правоведы СССР. В частности, В.В. Лазарев, утверждающий о необходимости использования телеологического толкования, отмечает: «Телеологию» нужно понимать как учение о целесообразности и целях жизни. Существует идеалистический (религиозный и светский вариант) и материалистический подходы к изучению целесообразности. <...> Издавая нормативные акты, законодатель ставит вполне определенные цели, которые выясняются в процессе толкования, но не подвергаются сомнению относительно их целесообразности. Последнее обстоятельство существенно уточняет содержание понятия «телеологическое толкование» [4, с. 66–67].

Несмотря на выводы отдельных прогрессивных советских ученых и отдельные научные работы, посвященные исследованию непосредственно телеологического метода толкования [5], можно констатировать тот факт, что телеологическое толкование не получило всеобщего научного признания ни учеными периода СССР, ни современными учеными постсоветских государств, что, как уже отмечалось, следует признать идеологическим наследием советской юридической науки, преодоление которого, по всей видимости, является сложным и длительным процессом.

Необходимо признать тот факт, что цель правового регулирования вообще, и

правового регулирования отдельной группы общественных отношений, – в частности имеет существенное значение в процессе правоприменения, чем, следовательно, переопределена необходимость уяснения действительной цели разработки и введения в действие применяемого нормативного правового акта в процессе толкования входящих в его состав правовых норм.

Неприятие телеологического толкования советскими учеными под предлогом его связи с религиозными учениями было обусловлено, по нашему мнению, тем обстоятельством, что многие советские законы, особенно в сфере гражданско-правового регулирования, преследовали не экономические цели, не цели создания наиболее благоприятных условий осуществления хозяйственной деятельности, способствующих росту благосостояния каждого отдельного человека, а цели политические.

В настоящее время основания, по которым телеологическое толкование массово не использовалось советскими учеными, отпали, что указывает на возможность и, по нашему мнению, на необходимость обязательного включения телеологического метода толкования в современную методику.

«В немецкой теории права, согласно утверждению А. Шмагина, выделяют четыре классических метода толкования. Критериями для интерпретации выступают: текст, история создания закона, его система и преследуемые им цели» [6, с. 252], из чего следует, что немецкая юридическая наука оперирует такими методами толкования, как: грамматический, исторический, систематический, телеологический, и не использует в качестве метода толкования применяемый со времен дореволюционной России логический метод толкования.

Таким образом, три метода толкования: грамматический, систематический и исторический используются как немецкими, так и постсоветскими учеными, в связи с чем названные методы (способы) толкования можно считать общепризнанными, на что, в частности, указывает А.Ф. Черданцев, называя в качестве иных методов толкования телеологический (целевой), специально-юридический, функциональный [7, с. 270].

Применяемые на постсоветском пространстве три основных метода (способа)

толкования правовых норм содержательно сводятся к следующему.

Грамматическое толкование, согласно точке зрения В.В. Лазарева, «охватывает собой уяснение значения отдельных слов и терминов, а также смысла всего предложения или их группы в целом» [4, с. 60], и, по праву, занимает первое место по порядку применения среди остальных методов толкования.

Положение грамматического метода толкования как метода, подлежащего первоочередному использованию в процессе уяснения смысла правовой нормы, предопределено тем обстоятельством, что правовые нормы находят свое выражение в словах, словосочетаниях и предложениях, состоящих из букв, представляющих собой графические знаки, входящие в азбуку русского языка, изначально предполагающие их прочтение для уяснения выраженного в них смысла.

В соответствии с немецкой методикой толкования грамматическое толкование «означает прежде всего исследование текста нормы, т.е. уяснение значения слова в соответствии с его общим или специальным употреблением, в том числе использованием данного слова в конкретном законе. При отсутствии законодательного определения термина, отмечает А. Шмагин, для установления его общего значения используются словари и общие правила грамматики» [6, с. 253]. В качестве примера использования грамматического толкования, связанного с необходимостью уяснения общего значения термина, определяемого в толковом словаре, можно привести норму п. 2 ст. 32 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. «Об авторском праве и смежных правах», в соответствии с которой допускается воспроизведение отрывков из правомерно обнародованных произведений (цитирование) в оригинале и переводе в исследовательских, образовательных, полемических, критических или информационных целях в том объеме, который оправдан целью цитирования. При этом в соответствии с нормой п. 1 ст. 55 названного Закона действия, совершаемые в противоречие с требованиями анализируемого закона, признаются нарушениями авторского права и, следовательно, лица, их совершившие, подлежат соответствующей юридической ответственности. При решении вопроса о том, является ли опубли-

ликование отрывка из правомерно обнародованного произведения нарушением прав его автора, необходимо установить, было ли совершено нарушение правил цитирования, содержание которых может быть раскрыто только на основании того, как термин «цитирование» толкуется в русском языке. Приведенный подход указывает на необходимость использования толкового словаря русского языка, в котором анализируемый термин означает точную дословную выдержку из какого-нибудь текста, высказывания. При этом также необходимо изучить правила оформления цитат, определяемые грамматикой русского языка, в соответствии с которой дословная выдержка из произведения должна заключаться в кавычки с указанием фамилии имени и отчества (если имеется) автора, названия произведения, из которого была заимствована цитата, и страниц, на которых заимствованный текст размещен.

В процессе применения *систематического толкования*, согласно точке зрения А.Б. Венгерова, «каждая норма должна рассматриваться в связи со всей системой правовых положений» [8, с. 453].

Систематический метод толкования приобретает особое значение в процессе толкования и применения норм гражданского права, что обусловлено их большой системной взаимосвязью как внутри соответствующих институтов, так и подотраслей и отрасли гражданского права в целом. По сути, практически ни одну норму гражданского права невозможно применить вне связи с другими нормами гражданского права, также как и невозможно разрешить спор о праве гражданском на основании одной правовой нормы. Каждый факт участия в гражданско-правовых отношениях связан с применением совокупности правовых норм соответствующего института или субинститута Особенной части ГК и определенной совокупности норм Общей части ГК.

Систематическое толкование, согласно точке зрения В.В. Лазарева, представляет собой «уяснение содержания правовых норм в связи с их местом и значением в данном нормативном акте, институте, отрасли <...>», при котором «исследователю необходимо убедиться, не имеется ли в системе права нормы, дополняющей и конкретизирующей исследуемый нормативный акт (исследуе-

мую норму)» [4, с. 69].

Применительно к методике толкования, применяемой юридической наукой Германии, согласно утверждению А. Шмагина, «одной из разновидностей систематического толкования является толкование в соответствии с Конституцией», которое заключается в том, что «при наличии нескольких вариантов интерпретации нормы, один из которых ведет к противоречию с нормой Конституции, должен быть выбран тот вариант, который позволит сохранить действие нормы» [6, с. 262].

Приведенная точка зрения абсолютно точно отражает процедуру применения нормативных правовых актов в соответствии с их иерархией по юридической силе и тому месту, которое занимает Конституция в иерархической пирамиде нормативных правовых актов. Являясь, по сути своей, надсистемным нормативным правовым актом, Конституция Республики Беларусь содержит правовые нормы, определяющие направления развития системы права в целом, и системы гражданского права, – в частности. Конституция как Основной Закон Республики Беларусь обладает высшей юридической силой на территории Беларуси, в связи с чем правовые нормы, содержащиеся в других нормативных правовых акта и противоречащие нормам Конституции, не могут применяться в процессе опосредования общественных отношений, в том числе и гражданско-правовых.

Исторический или, согласно юридической доктрине советского периода, историко-политический *метод* толкования, согласно утверждению В.В. Лазарева, состоит в исследовании экономико-социального и политического содержания норм. Историческое толкование предполагает уяснение цели издания нормативных правовых актов, социально-политической обстановки и конкретных причин, обусловивших их появление, места, времени и практики применения нормативных правовых актов [4, с. 75].

Применительно к современному этапу развития системы права и системы законодательства Республики Беларусь необходимо отметить тот факт, что в процессе перехода Беларуси на демократический путь развития и построения наряд-

ду с демократическими политическими институтами экономической системы, соответствующей политическому пути государственного развития, политическая составляющая в процессе проведения научных исследований практически не имеет места. Отграничение науки от политики, развитие демократических институтов политического управления и капитализация экономической системы, в процессе развития которой учитываются основные законы рыночной экономики, в том числе законы спроса и предложения, указывают на то, что учет политической обстановки времени принятия нормативного правового акта, содержащего нормы, подлежащие уяснению, в настоящее время не требуется, что особенно заметно проявляется в содержании норм гражданского права.

По сути своей, исторический метод толкования применительно к системе гражданского права Республики Беларусь может использоваться с достаточной степенью условности по причине того, что сама система гражданского права и система источников (форм) выражения норм гражданского права во вне созданы недавно, а применительно к ходу исторического развития общественных отношений – буквально «вчера».

Стабильное политическое и, как следствие, поступательное экономическое развитие белорусского государства практически исключает необходимость проведения «сравнительно-правового анализа воли законодателя времени принятия данной нормы и воли законодателя времени ее реализации» вследствие того, что эта воля, являясь стабильной, кардинально не менялась и весь период существования системы права и законодательства Республики Беларусь направлена на достижение конституционных целей создания на географической территории Беларуси действительно демократического правового социального государства.

Историческое толкование как метод уяснения смысла применяемой правовой нормы, безусловно, является необходимым в процессе применения норм гражданского права, принятых в политических и экономических условиях развития общества, отличных от условий, при которых правовая норма применяется, что, в частности, актуально для юридической науки Германии, в которой, в отличие от Республики Беларусь, действующее и в настоящее время Германское гражданское

данское уложение было принято в 1990 г.

Логическое толкование как один из наиболее часто рассматриваемых в юридической литературе «неосновных» методов толкования, согласно утверждению В.М. Сырых, «основывается на приемах, требованиях логики, характерных для логически правильного мышления. Благодаря логическим приемам, продолжает В.М. Сырых, удается правильно понять мысль правотворческого органа в ситуациях, когда грамматический метод оказывается бессильным» [9, с. 298]

Таким образом, В.М. Сырых косвенно указывает на отсутствие самостоятельного значения логического способа толкования и признает за ним второстепенную роль как способа, призванного дополнить грамматическое толкование.

С таким подходом к месту логического толкования в системе методов толкования согласиться нельзя, особенно применительно к процессу уяснения смысла норм гражданского права, которые принимаются (должны приниматься) исключительно в соответствии с логикой осуществления экономической деятельности.

Отдельные ученые на современном этапе развития юридической науки признают за логическим методом толкования самостоятельное значение, указывая при этом, что «при логическом способе толкования применяются различные логические приемы: логические преобразования, логический анализ понятий, умозаключения степени (*a fortiori*), выводы по аналогии, выводы от противного (*argumentum a contrario*), доведение до абсурда (*reduction ad absurdum*) [7, с. 272–273].

Логическое толкование как способ уяснения действительного смысла правовой нормы, вне всякого сомнения, наряду с грамматическим и систематическим методами толкования, следует признать одним из основных в методике толкования, подлежащей применению цивилистической наукой, методом, позволяющим соотнести содержание и смысл правовой нормы с логикой гражданского оборота, что способствует адекватному восприятию действительного смысла правовой нормы и ее надлежащему применению.

Наряду с указными выше методами толкования, одним из важных методов является толкование телеологическое, позволяющее субъекту, применяющему нормы гражданского права, наиболее точно и полно выявить действительный смысл правовой нормы через цели принятия нормативного правового акта и, соответственно, принять наиболее верное, взвешенное и обоснованное решение.

Телеологическое толкование, согласно утверждению В.С. Нерсисянца, представляет собой «ценностно-целевое толкование, целенаправленное на реализацию нормы права как юридико-ценностного регулятора, сочетающего в себе регулятивную силу и правовые ценности» [10, с. 479], с чем, в целом, можно согласиться. Действительно, каждая правовая норма как элемент системы права обладает определенным регулятивным (психическим) воздействием на участников соответствующей группы общественных отношений, в чем, собственно, и заключается основная ценность каждой отдельной нормы права и правовой системы в целом как совокупности отдельных правовых норм, способных оказывать необходимое государству влияние на развитие определенной группы общественных отношений и достигать поставленных государством целей правового регулирования исключительно в рамках своей системы в непосредственной связи с другими правовыми нормами, входящими в систему.

Очевидным является тот факт, что каждое социальное явление, в том числе и такое, как система права, получает свое развитие в определенных социальных условиях и, соответственно, направлено на достижение целей, обусловленных политическими воззрениями, в соответствии с которыми развивается общество и государство в конкретный исторический период времени.

Следовательно, для адекватного применения норм права в целом и норм гражданского права, – в частности, для правильного установления целей принятия правовых норм, необходимо точно знать цели, стоящие перед государством как политической системой управления обществом, что возможно посредством применения телеологического толкования. В качестве оснований использования телеологического метода толкования, согласно утверждению Т.Я. Насыровой, выступают те обстоятельства, «что: а) право представляет собой целенаправлен-

ную систему; <...> в) цель имеет важное значение для обеспечения стабильности и функционирования правовой системы; <...> д) выяснение целей закона охватывается назначением процесса толкования права и входит в его основные функции; <...> ж) без познания целей закона не может быть плодотворной практической деятельности по его реализации» [5, с. 33]. Телеологический метод толкования, по нашему мнению, должен применяться в неразрывном единстве с историческим, как методом, способствующим выявлению действительных целей принятия того или иного нормативного правового акта в конкретный исторический период развития государства и общества в соответствии со складывающимися политическими, экономическими и иными социальными условиями государственного и общественного развития, в том числе и в свете развития экономических и политических процессов в мире.

Необходимость использования телеологического толкования в неразрывном единстве с историческим обусловлена, в первую очередь, тем обстоятельством, что система права представляет собой правовое средство, служащее цели легализации политической воли, возведения ее в ранг «закона». Указанный подход к пониманию предназначения системы гражданского права дает возможность применения к нарушителям политической воли принудительных мер государственного воздействия, в том числе и таких, которые противны естественным правам человека.

Исторический метод толкования как раз и направлен на выявление действительной политической воли соответствующих институтов государственного управления, сформированной в конкретный исторический период развития государства и общества, с целью легализации которой был принят тот или иной нормативный правовой акт, что, безусловно, будет способствовать наиболее адекватному восприятию целей разработки правовых норм, закрепленных в таком нормативном правовом акте.

Историческое толкование, отмечает В.С. Козлов, «предполагает учет конкретно-исторических условий, причин и повода для принятия нормативного правового акта <...>» [11, с. 341].

Следовательно, совместное применение исторического и телеологического методов толкования направлено на повышение эффективности последнего, способствует точному установлению целей разработки правовых норм применительно к конкретным историческим условиям государственного и общественного развития.

Вместе с тем, применительно к системе гражданского права Республики Беларусь исторический метод толкования может применяться в некоторой степени условно по причине «молодости» Республики Беларусь как самостоятельного государства и, соответственно, «молодости» ее системы права в целом, и системы гражданского права, – в частности.

На ограниченное, в целом, факультативное значение исторического метода указывает В.М. Сырых, согласно утверждению которого «мало что даст изучение истории создания нормативного правового акта, действующего один или два года, когда условия его принятия и применения практически остаются одинаковыми» [9, с. 305], с чем следует согласиться, особенно применительно к системе права и системе законодательства Республики Беларусь.

Однако, исключительно факультативное, второстепенное значение исторического метода толкования не должно являться основанием для его устранения из методики толкования правовых норм. Исторический метод как вспомогательное средство уяснения цели разработки правовых норм и принятия содержащего их нормативного правового акта подлежит обязательному использованию хотя бы для того, что бы субъект правоприменительной деятельности мог убедиться в том, что с момента принятия нормативного правового акта и до момента применения содержащихся в нем правовых норм не произошло существенных изменений в политическом и экономическом развитии государства, и уж тем более исторический метод толкования необходимо применять, если такие изменения произошли. В частности, к изменениям условий экономического развития Республики Беларусь можно отнести факт включения 27 ноября 2009 г. в систему нормативных правовых актов Республики Беларусь Таможенного кодекса таможенного союза, нормы которого, безусловно, оказали влияние на процесс

осуществления экономической деятельности и процедуру применения соответствующих правовых норм.

«Целевой способ, отмечает Т.Я. Насырова, наряду с историческим позволяет преодолеть ограниченность формально-логических средств интерпретации права, проникнуть не только в формальное содержание закона, но и познать социально-классовую природу законодательной воли, выраженной в норме» [5, с. 67].

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что телеологический метод толкования правовых норм, поддерживаемый результатами исторического толкования, является тем методом, который определяет границы интерпретационной деятельности, способствует созданию того рубежа, преодоление которого может привести к ложным выводам, применению правовых норм в разрез с их предназначением и, как следствие, к нарушению прав и законных интересов субъектов гражданского права, в том числе их конституционного права на равную защиту прав и законных интересов, закрепленного в ст. 22 Конституции.

В отличие от юридической науки, получившей свое развитие на территории СССР и позже на территории независимых постсоветских государств, не признающей телеологическое толкование в качестве основного метода толкования, применение которого не вызывает научную дискуссию, юридическая наука Германии рассматривает телеологическое толкование наряду с грамматическим, историческим и систематическим в качестве метода, определяющего результаты интерпретации правовых норм.

При этом «в немецкой теории <...> выделяют два основных подхода к вопросу определения целей закона: субъективный и объективный. <...> Современная теория пытается объединить два этих подхода <...>», на что указывает А. Шмагин [6, с. 265–269]. Пристальное внимание юридической науки Германии к такому методу толкования правовых норм, как телеологический (целевой), свидетельствует о его серьезном значении в процессе уяснения действительного смысла правовой нормы.

В этой связи можно отметить особенную актуальность применения телеоло-

гического метода толкования в процессе применения норм гражданского права, теоретической основой развития которого с уверенностью можно признать цивилистическую науку Германии, что достаточно убедительно показано в трудах цивилистов дореволюционного периода развития русской науки гражданского права, которая, по сути, является флагманом цивилистической мысли на постсоветском пространстве.

Описанные методы толкования в совокупности составляют методику толкования правовых норм, применяемую в процессе правоприменительной деятельности, с целью уяснения действительной воли законодателя, выраженной текстуально в правовых нормах. В процессе уяснения смысла правовой нормы интерпретатор последовательно использует все приемы толкования, составляющие каждый из описанных методов, единство применения которых позволяет достичь желаемый результат толкования.

Вместе с тем, рассмотренная выше доктринальная классификация методов толкования правовых норм позволяет более полно изучить приемы толкования, составляющие содержание каждого из описанных методов в отдельности, что является предпосылкой эффективного применения их совокупности в процессе практической реализации правовых предписаний.

В рамках методики толкования, анализ содержания которой проведен выше, в процессе уяснения действительного смысла правовой нормы применяют такие приемы толкования, которые описанной методикой не охватываются и, следовательно, могут быть признаны специальными приемами толкования.

К указанным, в частности, относятся приемы толкования правовых норм по объему, использование которых позволяет уяснить действительную волю законодателя, выраженную в правовой норме в тех случаях, когда текстуальное выражение правовой нормы не совпадает с ее действительным смыслом, т.е. когда не совпадает «буква и дух закона».

В практике нормотворчества возможно два варианта несовпадения текстуального выражения правовой нормы с действительным смыслом, вложенным в норму законодателем.

Первый вариант состоит в том, что буквальное восприятие текста правовой нормы не позволяет определить вложенный в нее смысл вследствие того, что законодатель текстуально изложил свою волю таким образом, что текст правовой нормы не выражает ее действительного содержания. В таком случае применяется расширительное (распространительное) толкование, позволяющее установить действительную волю законодателя, заложенную в правовой норме, но не выраженную текстуально, а, по сути, расширить границы ее применения, определенные текстом правовой нормы.

В соответствии со вторым вариантом разработки правовых норм правовая норма текстуально сформулирована таким образом, что в процессе его буквального восприятия создается впечатление о возможности ее применения к случаям, которые действительным смыслом правовой нормы не охвачены.

К такой правовой норме в процессе уяснения ее действительного смысла применяется ограничительное толкование, позволяющее ограничить применение нормы права к определенным случаям, к которым такая норма должна применяться исходя из буквального восприятия ее текста, но эти случаи не охватываются действительным смыслом применяемой правовой нормы.

В ситуации, когда текст правовой нормы и ее смысл совпадают, применяется буквальное толкование. Такой вариант конструирования правовых норм, при котором текст правовой нормы и вложенный в нее смысл совпадают, признается теоретиками и практиками наиболее удачным, позволяющим с наименьшими временными затратами и наиболее качественно применить нормы права, в силу чего является наиболее распространенным приемом толкования правовых норм по объему.

Используя приведенные приемы толкования правовых норм по объему, в рамках описанных выше методов толкования следует руководствоваться определенными правилами их применения, которые сводятся к тому, что общие и специальные нормы могут толковаться распространительно или применяться по аналогии, а исключительные нормы могут применяться только буквально, на что, в частности, обращают внимание О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский [12, с.

172].

К исключительным правовым нормам, т.е. к правовым нормам, содержащим исключение из общего правила, не подлежащим, согласно общетеоретическому подходу, воспринятому теоретической юридической наукой СССР и постсоветских государств, таких, как Россия и Беларусь, расширительному толкованию и применению по аналогии можно отнести, например, нормы, закрепленные в п. 2 ст. 27 ГК, определяющие объем частичной дееспособности малолетних, в п. 2 ст. 25 ГК, определяющие объем дееспособности несовершеннолетних.

Исключительность названных норм заключается в том, что они предоставляют определенный (частичный) объем дееспособности лицам, не достигшим 18 лет, т.е. возраста полной дееспособности, что является исключением из общеустановленного гражданского правопорядка.

Недопустимость применения расширительного толкования названных правовых норм означает то, что лица до 14 лет и от 14 до 18 лет могут принимать участие в гражданско-правовых отношениях только тем способом, который предусмотрен анализируемыми нормами. В частности, если в соответствии с нормой ч. 1 п. 2 ст. 25 ГК лицо в указанном возрасте имеет право самостоятельно распоряжаться своим заработком, стипендией и иными собственными доходами, то это не означает, что такое лицо, например в случае покупки на свои доходы мопеда приобретает в последующем право на его отчуждение без согласия своих родителей (попечителя).

Еще одним примером необходимости применения ограничительного толкования может служить норма, закрепленная в п. 1 ст. 86 ГК, и не содержащая каких-либо исключений из общего правила. Так, в соответствии с названной нормой «обществом с ограниченной ответственностью признается учрежденное двумя или более лицами общество <...>». Буквальное восприятие приведенной нормы может создать впечатление, что в качестве учредителей общества с ограниченной ответственностью могут выступать любые физические лица независимо от возраста и психического состояния, что является неверным.

Применив систематическое толкование и исследовав смысл анализируемой

нормы в неразрывном единстве с другими нормами гражданского права, в частности, в совокупности с нормами, закрепленными в ст. 20 ГК, ст. 26 ГК, ст. 29 ГК, можно придти к выводу о том, что право на создание общества с ограниченной ответственностью имеют не любые физические лица, а только обладающие правосубъектностью в полном объеме.

В качестве правовой нормы, подлежащей буквальному толкованию, можно привести нормы, закрепленные в п. 1 ст. 26 ГК, в п. 2 ст. 27 ГК, и многие другие правовые нормы, имеющие такую конструкцию, при которой «буква» и «дух» закона полностью совпадают, что существенно упрощает правоприменительную деятельность.

Приемы толкования правовых норм по объему охватываются рассмотренными выше методами толкования и, в силу этого, самостоятельно значения в методике толкования не имеют, на что сделано указание в юридической литературе. Так, в соответствии с утверждением Е.А. Суханова «уяснение смысла нормы путем «ограничительного» или «расширительного» толкования <...> всегда сводится либо к логическому, либо к систематическому или иным известным способам толкования (или к их сочетанию). <...> выделение названных <...> способов толкования представляется не вполне обоснованным и даже опасным, ибо способно исказить прямую волю законодателя, выраженную в тексте закона» [13, с. 107].

В отличие от российской и белорусской теоретической юридической науки, юридическая наука Германии допускает применение расширительного толкования, в том числе и к исключительным правовым нормам, на что обращает внимание А. Шмагин, согласно утверждению которого «немецкая методика отрицает данное правило во всей его абсолютности, указывая на то, что исключения в рамках их цели не только могут толковаться расширительно, но и даже быть доступны аналогии» [6, с. 258].

Основу подхода к расширительному толкованию правовых норм, являющихся исключительными, воспринятому юридической наукой Германии, составляет то убеждение, что, во-первых, не все правовые нормы, ограничивающие те

или иные права, обязанности или юридические возможности субъекта гражданского права, являются исключительными и, во-вторых, в процессе создания исключительных норм и норм-исключений могут иметь место неточные формулировки, необоснованно ограничивающие применение правовой нормы в случае ее буквального восприятия.

Изложенное позволяет нам сделать обобщающий вывод о том, что в процессе уяснения действительного смысла любой гражданско-правовой нормы необходимо применить все методы толкования:

- начиная с уяснения текста гражданско-правовой нормы на основании приемов грамматического толкования;

- определения места интерпретируемой правовой нормы в системе гражданского права, выявления ее связей с другими правовыми нормами посредством применения систематического метода толкования;

- установления логики правового регулирования посредством использования приемов логического метода толкования, к которым в юридической науке относят «такие приемы, как логическое преобразование, анализ и синтез, умозаключение степени, выводы по аналогии, выводы от противного, доведение до абсурда, исключение третьего и др.» [14, с. 594];

- определения целей принятия отдельной правовой нормы, их совокупности или всего нормативного правового акта применительно к конкретным историческим условиям путем использования приемов телеологического толкования с учетом исторического метода.

Только на основе комплексного анализа правовой нормы можно делать вывод о необходимости ее буквального, ограничительного или расширительного толкования, в том числе и применительно к нормам-исключениям.

Список использованных источников:

1. Пиголкин, А.С. Толкование нормативных актов в СССР / А.С. Пиголкин. – М.: Юрид. лит., 1962. – 166 с.

2. Чантурия, Л.Л. Введение в общую часть гражданского права (сравнительно-правовое исследование с учетом некоторых особенностей постсоветского права) / Л.Л. Чантурия. – М.: Статут, 2006. – 349 с.
3. Элькинд, П.С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права / П.С. Элькинд. – М.: Юрид. лит., 1967. – 192 с.
4. Лазарев, В.В. Пробелы в праве и пути их устранения / В.В. Лазарев. – М.: Юрид. лит., 1974. – 184 с.
5. Насырова, Т.Я. Телеологическое (целевое) толкование советского закона / Т.Я. Насырова. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1988. – 144 с.
6. Шмагин, А. Основы немецкой методики толкования права / А. Шмагин // Вестник гражданского права. – 2012. – № 4. – С. 247–284.
7. Черданцев, А.Ф. Теория государства и права / А.Ф. Черданцев. – М.: Юрайт-М, 2001. – 432 с.
8. Венгеров, А.Б. Теория государства и права: учебник / А.Б. Венгеров. – М.: Юриспруденция, 2000. – 528 с.
9. Сырых, В.М. Теория государства и права / В.М. Сырых. – М.: Юстицинформ, 2004. – 704 с.
10. Нерсесянц, В.С. Общая теория права и государства: учебник / В.С. Нерсесянц. – М.: НОРМА; Инфра-М, 2010. – 552 с.
11. Дробязко, С.Г. Общая теория права / С.Г. Дробязко, В.С. Козлов. – Минск: Амалфея, 2005. – 480 с.
12. Иоффе, О.С. Вопросы теории права / О.С. Иоффе. М.Д. Шаргородский. – М.: Юрид. лит., 1961. – 381 с.
13. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. [В.С. Еми др.] ; под ред. Е.А. Суханова. – М.: Статут, 2010. – Т. 1. – 958 с.
14. Поляков, А.В. Общая теория права / А.В. Поляков. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 642 с.

ГЛАВА 21

АНАЛОГИЯ КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОБЕЛОВ В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

Экономические отношения, опосредованные нормами гражданского права, представляют собой разветвленную систему социальных связей урегулировать которые нормами гражданского права в полном объеме не представляется возможным, что переопределило наличие пробелов в системе гражданского права. Кроме того, наличие пробелов, по мнению А.В. Полякова, применительно к общетеоретическому подходу, обусловлено либо просчетом законодателя при принятии нормативных правовых актов, либо эволюционными изменениями в самих общественных отношениях, которые невозможно было предусмотреть при принятии нормативных правовых актов [1, с. 582–583]. «При разработке каждого закона, отмечает Л.Л. Чантурия, его разработчики опираются на те знания и опыт, которыми они располагали во время разработки данного закона. Поэтому они не могут предусмотреть все жизненные случаи. Жизнь часто порождает такие проблемы, для решения которых законодателем не предложено какой-либо конкретной нормы, т.е. закон имеет пробелы» [2, с. 77].

Применительно к гражданско-правовому регулированию наличие пробелов, т.е. отсутствие правовой нормы, подлежащей непосредственному применению к общественным отношениям, фактически сложившимся между субъектами гражданского права и отвечающими признакам гражданско-правовых отношений, по нашему мнению, в большей степени обусловлено эволюционными изменениями общественных отношений, нежели просчетами законодателя.

Кроме того, наличие пробелов в гражданско-правовом регулировании изначально предопределено применяемым методом правового регулирования, допускающим существенное усмотрение субъектов гражданского права в процессе моделирования своих правовых связей. Примененный законодателем подход к опосредованию гражданско-правовых отношений и используемые при этом

правовые средства допускают интенсивное развитие гражданско-правовых отношений вне связи с принятыми нормами гражданского права. Единственным требованием развития экономических правовых связей, не подлежащим изменению, является соответствие общественных отношений, развивающихся между субъектами гражданского права, основным началам и смыслу гражданского права как базовой отрасли частного права.

«Нередко общая правовая идея закона, отмечает Я. Шапп, оказывается подходящей для целой группы случаев, но в дословном перечне закона сама эта группа не упоминается. Поскольку дословный текст закона устанавливает границу его толкования, а общая правовая идея закона, тем не менее, подходит для данного случая, такой закон вопреки замыслу является неполным, он обнаруживает пробел» [3, с. 30].

Так, в процессе участия в общественных отношениях, возникающих по поводу производства, обмена и потребления материальных благ, между субъектами гражданского права может возникнуть такая социальная связь, в процессе взаимодействия участников которой не будет прямо опосредован нормами-предписаниями, закрепленными в ГК или иных нормативных правовых актах системы гражданского законодательства. «Ни один закон, согласно утверждению Л.Л. Чантурия, не в силах полноценно ответить на все те вопросы, которые порождает реальная жизнь. Потому в современной юриспруденции не вызывает сомнения тот факт, что закон, даже самый совершенный, обязательно будет грешить пробелами» [2, с. 88]. «Границы правового регулирования и рамки действующих нормативных актов перекрещиваются, отмечает В.В. Лазарев, но не совпадают. Всегда имеется какая-то часть общественных отношений, жизненных ситуаций и обстоятельств, которые, находясь в сфере правового регулирования, не регламентированы нормами права <...>» [4, с. 13].

В том случае, когда взаимодействие субъектов гражданского права будет происходить в соответствии с принципами добросовестности и разумности и, следовательно, участники такой социальной связи будут удовлетворены действиями друг друга, а реализуемые ими субъективные права не будут затрагивать

права и законные интересы третьих лиц, включая государство и общество, отсутствие норм-предписаний, направленных на определение их взаимных прав и обязанностей, по сути, никак не отразится на развитии таких общественных отношений и процессе применения норм гражданского права.

Обратная ситуация возникнет в том случае, когда между сторонами анализируемого общественного отношения возникнет спор о праве гражданском, за разрешением которого участники экономической деятельности, используя юрисдикционную форму защиты, обратятся в компетентный государственный орган – общий или хозяйственный суд в зависимости от правового положения сторон гражданско-правового отношения.

В процессе разрешения возникшего спора суду будет необходимо отыскать подлежащие применению нормы материального права с целью получения на основе их анализа сложного условного логического суждения имплицативного типа о правах и обязанностях участников спорного правоотношения, а по сути, принять необходимое решение в рамках легислатурного процесса.

Отсутствие норм материального права, подлежащих прямому применению к спорному правоотношению, в цивилистической науке называется пробелом в правовом регулировании, который преодолевается путем применения норм гражданского права по аналогии. Аналогия, согласно утверждению В.В. Лазарева, является наиболее распространенным средством преодоления пробелов в праве и «как логический прием означает перенесение некоторых качеств, свойственных одним явлениям, на другие, сходные с первыми в остальных существенных признаках» [5, с. 135].

«Необходимость обращения к аналогии, отмечает В.В. Ровный, возникает при пробелах, а именно – когда то или иное отношение, имеющее гражданско-правовую природу, требует правового регулирования в условиях отсутствия нормы законодательства, соглашения сторон и обычая делового оборота» [6, с. 71]. При этом, продолжает В.В. Ровный, «аналогия – это «запасной» и «худший» регулятор гражданских отношений, который применяется в крайнем случае, за отсутствием других («более лучших») регуляторов» [6, с. 71], с чем, в

целом, можно согласиться.

Легальная возможность применения норм гражданского права по аналогии на территории Республики Беларусь предусмотрена нормами ст. 5 ГК, устанавливающими два вида аналогии – аналогию закона и аналогию права.

Аналогия закона как способ преодоления пробелов в правовом регулировании, в соответствии с нормами п. 1 ст. 5 ГК применяется в тех случаях, когда, во-первых, имеется общественное отношение, по своим признакам подпадающее под понятие предмета гражданско-правового регулирования, т.е., по своей сути, являющееся гражданско-правовым, во-вторых, отсутствуют нормы гражданского права, предлагающие определенную модель поведения субъектов экономической деятельности в складывающихся фактических обстоятельствах или не противоречащее нормам гражданского права соглашение указанных субъектов о своих правах и обязанностях, в-третьих, существуют закрепленные в нормативных правовых актах системы гражданского законодательства нормы предписания, опосредующие сходные общественные отношения.

Таким образом, в процессе принятия решения о разрешении возникшего спора о праве гражданском на основании применения аналогии закона необходимо установить следующие обстоятельства, на которые стандартно указывается в юридической литературе:

- определить соответствие спорного общественного отношения признакам гражданско-правовых отношений;
- исключить наличие в системе нормативных правовых актов гражданского законодательства правовых норм, опосредующих спорное общественное отношение;
- исключить наличие соглашения, действующего между сторонами спорного правоотношения и направленного на установление их прав и обязанностей в отношении друг друга;
- выявить отсутствие обычая делового оборота, применяемого к спорному правоотношению (при условии, что обычай делового оборота как модель поведения, санкционированная правовыми нормами, признается источником гражданско-правовых норм).

данского права в Республике Беларусь);

– выявить закрепленные в нормативных правовых актах системы гражданского законодательства правовые нормы, опосредующие другое общественное отношение, возникающее в процессе производства, обмена и потребления материальных благ, схожее со спорным отношением в существенных признаках;

– установить, что применение подобранных норм-предписаний к участникам спорного отношения не противоречит его существу.

Например, применение к возмездным отношениям норм о дарении противоречит существу таких отношений.

Процедуру применения гражданско-правовых норм по аналогии закона следует отличать от расширительного толкования правовых норм, применяемого в том случае, когда текстовое выражение правовой нормы уже действительного смысла, вложенного в нее законодателем, а также от применения правовых норм к сходным общественным отношениям по прямому указанию правовых норм.

Применение норм гражданского права по аналогии закона отличается от их применения в указанном выше порядке тем, что аналогия закона применяется тогда, когда отсутствует как норма, прямо опосредующая возникшие общественные отношения, так и норма, закрепляющая возможность (устанавливающая обязанность) применения к ним иных, указанных специальной нормой, нормативных предписаний.

В соответствии с указанием нормы п. 1 ст. 5 ГК, поиск правовой нормы, регулирующей сходные общественные отношения, необходимо проводить в нормативных правовых актах системы гражданского законодательства, что исключает возможность применения по аналогии закона правовых норм иных отраслей права, включая другие отрасли, относящиеся к отраслям частного права, а также правовых норм, закрепленных в индивидуальных актах (договорах, уставах, иных внутренних правовых актах).

При этом поиск необходимой правовой нормы, согласно п. 1 ст. 5 ГК, возможно осуществлять во всех нормативных правовых актах системы граждан-

ского законодательства, начиная с Конституции и заканчивая решениями органов местного управления и самоуправления. В этой связи, по нашему мнению, целесообразно установить правило, в соответствии с которым поиск правовой нормы, подлежащей применению по аналогии закона, необходимо проводить последовательно, начиная с анализа вышестоящих по юридической силе нормативных правовых актов системы гражданского законодательства, что позволит избежать конкуренции правовых норм, каждую из которых возможно применить по аналогии закона, но закрепленных в нормативных правовых актах разной юридической силы и, при этом, противоречащих друг другу.

Использованный законодателем подход к подбору правовых норм, подлежащих применению в рамках аналогии закона, следует признать оправданным, обусловленным такими понятиями юриспруденции, как предмет правового регулирования и метод правового регулирования, предполагающими применение определенной совокупности правовых средств, входящих в состав механизма правового регулирования, присущего применяемому методу правового регулирования к общественным отношениям, составляющим предмет правового регулирования. Таким образом, к общественным отношениям, составляющим предмет гражданско-правового регулирования, а именно на такие отношения сделано указание нормой п. 1 ст. 5 ГК, должны применяться правовые средства, используемые в рамках диспозитивного метода правового регулирования, являющегося основой построения гражданского права.

Вместе с тем, применение норм гражданского права как основной отрасли частного права, в рамках аналогии закона к общественным отношениям, составляющим предмет правового регулирования иных отраслей частного права, следует признать допустимым, что прямо предусмотрено ч. 5 п. 1 ст. 1 ГК.

Возможность применения норм ГК к иным имущественным отношениям, подпадающим под признаки гражданско-правовых, но входящим в предмет правового регулирования семейного, трудового, земельного, природоресурсного права, предусмотрена также нормой, закрепленной в ст. 10 Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 г. «О нормативных правовых актах Республики

Беларусь», согласно которой Гражданский кодекс Республики Беларусь имеет большую юридическую силу по отношению к другим кодексам и законам, содержащим нормы гражданского права.

Определяя порядок применения норм гражданского права по аналогии, белорусский законодатель пошел по пути установления прямого запрета на применение по аналогии закона правовых норм, ограничивающих гражданские права и устанавливающих ответственность, что является оправданным, способствующим применению мер юридической ответственности в строго установленных государством случаях.

Наряду с общественными отношениями, возникающими в процессе осуществления экономической деятельности и подлежащими правовому опосредованию нормами гражданского права, регулирующими сходное общественное отношение, между субъектами гражданского права могут установиться такие правовые связи, которые хотя и подпадают под признаки гражданско-правовых, но не имеют аналогов и, как следствие, правовых норм, опосредующих сходные общественные отношения. Вместе с тем, в случае возникновения спора о праве гражданском и передачи его на разрешение общего либо хозяйственного суда, такой спор должен быть разрешен независимо от того, что отсутствует как прямая норма, так и норма, регулирующая сходные общественные отношения.

«История права свидетельствует, утверждает А.В. Поляков, что уже давным-давно и в разных правовых системах утвердился принцип, в соответствии с которым судья не может отказать в иске из-за имеющегося в законодательстве пробела» [1, с. 583].

В частности, в ст. 4 ГК Грузии закреплена прямая норма, запрещающая суду отказывать в осуществлении правосудия по гражданским делам по причине отсутствия правовой нормы. В соответствии с утверждением Я. Шаппа ст. 20 III Основного закона ФРГ устанавливает, что «правопорядок связан не только законом, но также и правом, уполномочивает судью осуществлять поиск права также и за рамками буквального смысла закона» [3, с. 29].

В том случае, когда возникшие между субъектами гражданского права факти-

ческие отношения являются гражданско-правовыми и при этом отсутствует как норма, подлежащая непосредственному применению, так и норма, опосредующая сходные отношения, возникший спор разрешается в соответствии с нормой п. 2 ст. 5 ГК, согласно которой при невозможности использования правовых норм по аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из основных начал и смысла гражданского права.

Приведенная норма закрепляет возможность использования такого приема юридической техники, как аналогии права, под которой понимается разрешение спорного правоотношения в соответствии с основными началами гражданского права и смыслом гражданского права, т.е. легитимирует процесс принятия решения за «рамками закона», но в «границах права».

В процессе принятия решения о разрешении возникшего спора на основании аналогии права необходимо, во-первых, убедиться в отсутствии правовой нормы, прямо направленной на опосредование спорного общественного отношения, во-вторых, выявить соответствие спорного правоотношения всем признакам, необходимым для применения аналогии закона, и, в-третьих, убедиться в том, что отсутствует норма, направленная на опосредование сходного общественного отношения.

Возникновение общественных отношений, подпадающих под признаки предмета гражданско-правового регулирования, но не опосредованных как правовой нормой прямого действия, так и правовой нормой, опосредующей сходные общественные отношения и, следовательно, подлежащих разрешению на основании аналогии права, предопределено нормой п. 1 ст. 7 ГК прямо указывающей на возможность возникновения такой гражданско-правовой связи, основой которой изначально будут основные начала и смысл гражданского права.

Изложенное позволяет сделать, во-первых, вывод о том, что предусмотренная нормами ГК возможность разрешения спора о праве гражданском на основании аналогии права является гарантом того, что любое спорное общественное отношение, подпадающее под признаки, присущие предмету гражданско-правового регулирования, будет разрешено надлежащим образом и, во-вторых,

вывод о том, что современная система гражданского права Республики Беларусь обладает набором правовых средств, предоставляющих участникам гражданско-правовых отношений надлежащие правовые возможности моделирования своих социальных связей и эффективного разрешения возникающих споров о праве гражданском.

Список использованных источников

1. Поляков, А.В. Общая теория права : курс лекций / А.В. Поляков. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 642.
2. Чантурия, Л.Л. Введение в общую часть гражданского права (сравнительно-правовое исследование с учетом некоторых особенностей постсоветского права). – М. : Статут, 2006. – 349 с.
3. Шапп, Я. Система германского гражданского права: учебник / Я. Шапп ; пер. с нем. С.В. Королева. – М. : Междунар. отношения, 2006. – 360 с.
4. Лазарев, В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. – М. : Юрид. лит., 1974. – 184 с.
5. Лазарев, В.В. Применение советского права / В.В. Лазарев. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1972. – 200 с.
6. Гражданское право : учебник : в 3-х т. / Е.Н. Абрамова [и др.] ; под ред. А.П. Сергеева. – М. : ТК Велби, 2008. – Т. 1. – 1008 с.

ГЛАВА 22

ЮРИДИЧЕСКИЕ ФАКТЫ КАК ОСНОВАНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ: НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Общественные отношения, регулируемые нормами гражданского права в большинстве своем возникают и развиваются в сфере экономических интересов человека связанных с владением, пользованием, распоряжением материальными благами, их созданием и передачей прав на них от одного лица другому. По сути своей, нормы гражданского права созданы для урегулирования объективно возникающих между членами социума экономических отношений, направления их развития по пути, приемлемому не только для отдельного индивида или социальной группы, но и для всего общества в целом, в чем проявляются такие принципы гражданского права, как принцип приоритета общественных интересов и принцип социальной направленности регулирования экономической деятельности.

Гражданское право как основная отрасль частного права, позволяет посредством правового воздействия на поведение людей придать объективно необходимым человеку и объективно возникающим между людьми социальным связям юридический характер, возвести их в ранг правовых, что трансформирует обычное, свойственное индивиду, поведение в юридически значимое, придает ему правовую форму.

Правовое регулирование поведения человека с одной стороны связано с некоторым ограничением его экономической свободы, с необходимостью участия в экономических отношениях приемлемым для государства способом, но с другой, – предоставляет участнику экономических процессов возможность обратиться к государству за защитой в случае нарушения его прав и законных интересов.

Государственно-правовое воздействие на сферу экономических интересов человека осуществляется таким образом, что участникам хозяйственной деятельности предоставлены достаточно большие возможности манипулирования гражданско-правовыми нормами с целью выбора для себя наиболее целесообразной модели поведения, что безусловно является квинтэссенцией правового регулирования экономических общественных отношений. Вместе с тем правовому воздействию подвергается не любое поведение человека, в том числе и поведение в сфере экономических отношений, а только являющееся значимым для его социального образа жизни, значимым для государственного устройства, коллективной безопасности.

Человек, являясь членом социума в процессе взаимодействия с себе подобными принимает участие в двух группах общественных отношений – урегулированных нормами права и, следовательно, именуемых правовыми и, соответственно, не урегулированных нормами права. В первом случае поведение человека является юридически значимым и служит основанием возникновения гражданских правоотношений, а во втором – безразличным для государства и правового регулирования.

Действия (бездействие) субъектов гражданского права способные в соответствии с гражданско-правовыми нормами оказать влияние на гражданские права и обязанности, именуются в цивилистической доктрине юридическими фактами, которые непосредственно признаются основаниями возникновения, изменения и прекращения гражданско-правовых отношений.

Действительно, гражданское правоотношение являясь категорией теоретической юриспруденции само по себе, в отрыве от созданной человеком системы норм гражданского права и связанного нормами права поведения человека возникнуть не может. Причем, для возникновения гражданского правоотношения необходимым является наличие в совокупности и регулирующих поведение индивида правовых норм и соответствующего требованиям правовых норм поведения человека. При этом система гражданского права построена таким образом, что входящие в ее состав нормы в большинстве своем не способны прину-

дить субъектов гражданского права к участию в гражданско-правовых отношениях, что указывает на невозможность их возникновения исключительно на основе норм гражданского права, т.е. помимо воли самого человека. Одновременно поведение человека, не подпадающее под воздействие правовых норм само по себе также не порождает гражданско-правовые отношения и признается обычным, не правовым, социальным поведением, основанным на традициях народа, моральных принципах сосуществования людей, обычаях определенной социальной группы и иных социальных устоях.

Таким образом гражданско-правовое отношение, в большинстве случаев, возникает на основе совокупности двух факторов: во-первых, при наличии правовых норм, регулирующих поведение человека и во-вторых, при осуществлении человеком соответствующей юридически значимой, осознанной, волевой деятельности, т.е. действий (бездействия), признаваемых нормами гражданского права юридическими фактами. «При отсутствии соответствующих норм права, на что справедливо указывает С.Ф. Кечекьян, или при ином их содержании факты не становятся юридически релевантными и никаких правоотношений не вызывают» [1, с. 164].

Наряду с поведением человека нормы гражданского права придают юридическое значение и различным событиям в результате наступления которых согласно установленному в Беларуси гражданскому правопорядку возникают, изменяются и прекращаются гражданские права и обязанности. Таким образом юридическими фактами признается не только поведение человека но и события, не связанные с поведением людей.

Отличие юридических фактов-действий от юридических фактов-событий состоит в том, что первые возникают в результате волевого поведения человека, т.е. по желанию субъектов гражданского права и изначально совершаются с целью достижения определенного материального (экономического) и правового результата, а вторые (события) возникают помимо воли субъектов гражданского права и во многих случаях даже вопреки ей, но им придается юридическое значение в силу их способности оказывать влияние на членов социума (их здо-

ровье, жизнь, материальное положение).

На основании изложенного юридические факты можно определить как факты возникающие в реальной действительности (действия и события) с совершением (наступлением) которых нормы гражданского права связывают возникновение, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей (гражданских правоотношений).

В различные периоды существования государства как системы организации политической власти на определенной территории и системы права, как способа легитимного воздействия на людей, проживающих на государственной территории, основания возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей были различными, так же как в настоящее время они отличаются в правовых системах разных стран, что зависит от образа жизни людей, их взглядов на окружающий мир, традиций и потребностей государственного регулирования экономических отношений в каждый конкретный период развития социума.

В настоящее время совокупность фактических обстоятельств, с которыми нормы гражданского права связывают возникновение, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей следует признать наиболее развернутой и адаптированной применительно к предназначению гражданского права, как регулятора имущественно-стоимостных эквивалентно-возмездных отношений, возникающих между обладающими автономной волей юридически равными и экономически независимыми субъектами в процессе производства и обмена материальными благами, а также в процессе их потребления.

В настоящее время классификация системы гражданских юридических фактов может быть представлена в следующем виде.

1. Все юридические факты в первую очередь классифицируются на две основные группы: юридические факты-события и юридические факты-действия.
2. Юридические факты-события классифицируются на природные явления и социальные явления.
3. Юридические факты-действия в свою очередь классифицируются на пра-

вомерные действия и неправомерные действия.

4. Правомерные действия включают в себя юридические поступки и юридические акты.

5. Юридические акты подразделяются на сделки и административные акты, порождающие гражданские права и обязанности.

6. Все юридические факты независимо от принадлежности к одной из указанных выше классификационных групп подразделяются на правоустанавливающие, правоизменяющие и правопрекращающие, т.е. направленные на возникновение правоотношений, изменение правоотношений и прекращение правоотношений.

Открытый и, следовательно, примерный перечень оснований возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей (перечень юридических фактов) закреплен в ст. 7 ГК нормами которой предусмотрена возможность признания в качестве юридических фактов и иных действий физических лиц и организаций, которые не предусмотрены нормами ст. 7 ГК, но в силу основных начал (принципов) и смысла гражданского права порождают гражданские права и обязанности.

Далее рассмотрим отдельные классификационные группы юридических фактов в приведенной выше логической последовательности в соответствии с которой первым элементом анализируемой классификационной группы являются юридические факты-события под которыми в соответствии с лексическим значением данного термина понимается «то или иное значительное явление, факт общественной, личной жизни» [2, с. 740].

Юридическая наука рассматривает событие, признаваемое юридическим фактом, как природное или социальное явление, возникновение и развитие которого в целом не зависит от воли отдельного субъекта гражданского права и, в частности, от субъекта правовое положение которого в результате наступления события изменяется.

К природным явлениям, признаваемым гражданскими юридическими фактами относят наводнения, землетрясения, ураганы, смерчи, оползни, ливни, раз-

ливы рек, весенний ледоход, снегопады, пожары, эпизоотии и иные стихийные природные явления, возникновение и течение которых не подвластно воле отдельного человека.

К социальным явлениям относят забастовки, революции, военные перевороты, войны, иные вооруженные конфликты, эпидемии, техногенные и гуманитарные катастрофы, технические аварии, принятие нормативного правового акта, препятствующего надлежащему исполнению обязательств либо изменяющего помимо воли субъекта отношения собственности и другие гражданско-правовые отношения.

Природные и социальные явления, возникновение и течение которых не зависят от воли конкретного участника гражданского оборота и при этом оказывает влияние на его правовое положение, именуется в гражданском праве непреодолимой силой, т.е. чрезвычайными и непредотвратимыми при данных условиях обстоятельствами. В договорной практике и иногда в юридической литературе указанные обстоятельства именуется форс-мажорными обстоятельствами. Однако нормативного закрепления указанный термин не получил.

Юридическое значение стихийных сил природы и социальных явлений состоит в том, что они способны изменить правовое положение субъекта гражданского права, включая прекращение правосубъектности физического лица, уничтожение его имущества, причинение вреда здоровью или в результате смерти человека, способны повлиять на возможность надлежащего исполнения обязательств, могут являться препятствием к осуществлению гражданских прав и исполнению обязанностей, при прекращении правосубъектности лица или изменении его имущественного положения служат основанием возникновения обязанностей, вытекающих из ранее заключенного договора.

Одной из обязательных и, на наш взгляд, самых важных характеристик юридического факта-события является его непредсказуемость, отсутствие у субъекта возможности предвидеть его наступление и оказать влияние на течение природного или социального явления.

Невозможность предвидеть и предотвратить наступление юридического фак-

та-события обусловила закрепление в ст. 372 ГК и, на ее основе в иных статьях ГК, норм, освобождающих участника гражданского оборота от ответственности если причиной ненадлежащего исполнения либо неисполнения гражданских обязанностей послужило природное или социальное явление, классифицированное как юридический факт-событие, т.е. обстоятельство, являющееся чрезвычайным и непредотвратимым при данных условиях участия в гражданском обороте.

К событиям в теоретической юриспруденции относят рождение человека, его естественную смерть, смерть в результате аварии, несчастного случая, а также в результате умышленного или совершенного по неосторожности убийства. Вместе с тем рождение и смерть человека во всех ее проявлениях, являются событием непосредственно для родившегося или умершего человека. Для родителей или убийцы указанный факт следует считать действием, зависящим от воли указанных лиц и порождающим для родителей обязанности по содержанию и воспитанию ребенка, а для лица, причинившего смерть другому человеку – обязанности претерпеть уголовное наказание, а также, возможно обязанности по содержанию лиц, потерявших кормильца в результате виновного деяния причинителя вреда, обусловленные требованиями норм гражданского права.

Социальные явления, признаваемые юридическими фактами-событиями, могут не зависеть от воли конкретного участника гражданского оборота, но в целом, в отличие от природных явлений, зависят от воли людей и порождаются ими. К социальным явлениям безусловно зависящим от воли людей, следует отнести забастовки, террористические акты, вооруженные конфликты, возникшие по вине человека технические аварии. К социальным явлениям, не зависящим от воли людей следует отнести, например, гуманитарные катастрофы, получившие свое развитие в результате стихийного бедствия, эпизоотии, возникшие по вине диких животных и т.п.

Если природные явления, имеющие юридическое значение, известны человеку с давних времен и, в целом, существуют на земле в неизменном составе весь период существования человечества, то социальные явления получают

развитие в результате активности человека с развитием социальных связей и технического прогресса.

Событиям и, в частности, природным явлениям, не всегда придается юридическое значение, а только в случаях, когда они оказывают влияние на гражданско-правовые отношения, в случаях, когда в результате ливня, наводнения, пожара и т.п. уничтожается или повреждается имущество, получают увечье или гибнут люди, т.е. в случаях, когда природное явление влияет на установление, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей.

В отличие от событий, процессы возникновения и развития которых, по большей части, не зависят от воли субъектов гражданского права, неподвластны ей, действия физических лиц и организаций совершаются в гражданском обороте исключительно в соответствии с самостоятельно сформированной и добровольно выраженной волею человека (самостоятельного участника гражданского оборота или выступающего в гражданском обороте от имени организации со статусом юридического лица).

Действия в отличие от событий, намеренно совершаются субъектами гражданского права с целью породить, изменить или прекратить гражданские права или обязанности для себя или другого лица. Субъект гражданского права совершая определенные действия либо бездействуя заранее предвидит тот положительный экономический и правовой результат, который может наступить вследствие его активности и непременно желает его наступления. Более того, ожидаемый экономический и правовой результаты являются самой целью активного либо пассивного поведения субъекта гражданского права.

Вместе с тем, физические лица будучи неискушенными в юриспруденции, участвуют в гражданском обороте, в первую очередь, для удовлетворения своих материальных и духовных потребностей и не всегда в качестве одной из целей своей активности желают наступления правового результата. Человек, совершая то или иное действие порой не подозревает, что его поведение является юридически значимым и влечет за собой возникновение, изменение или прекращения гражданских прав и обязанностей.

Наряду с действиями, направленными на достижение положительного экономического и правового результата в качестве цели совершения определенных действий, а также наряду с действиями, хотя и совершаемыми без намерения породить соответствующие правовые последствия, но порождающими их, в процессе участия в экономическом обороте субъекты гражданского права могут преднамеренно либо по неосторожности совершать действия, порождающие возникновение охранительных правоотношений и, как следствие, отрицательный экономический результат.

В соответствии с изложенным юридические факты-действия, как указывалось выше, классифицируются на неправомерные действия и правомерные действия, из которых, в свою очередь, выделяют юридические поступки и юридические акты, состоящие из сделок и административных актов на основании которых возникают, изменяются и прекращаются гражданские права и обязанности.

Неправомерные действия представляют собой поведение субъекта гражданского права, нарушающее права и законные интересы других лиц или государства и, следовательно, противоречащее требованиям правовых норм.

В частности к неправомерным (не основанным на нормах гражданского права) действиям, порождающим возникновение, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей нормами ГК отнесены причинение вреда, неосновательное обогащение, неисполнение или ненадлежащее исполнение договорного обязательства, принятие государственным органом акта ненормативного характера, ущемляющего права и законные интересы субъектов гражданского права, совершение абсолютно недействительной сделки иные действия, противоречащие требованиям правовых норм в том числе выходящие за пределы действия принципов гражданско-правового регулирования.

Наряду с противоправными действиями в качестве оснований возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей нормы гражданского права рассматривают противоправное бездействие, влекущее за собой нарушение цикла нормального развития гражданского оборота и, следовательно-

но, причиняющее вред субъектам гражданского права. Бездействие признается неправомерным и, следовательно, имеет юридическое значение, во-первых, если ущемляет права и законные интересы других субъектов гражданского права и, во-вторых, является результатом поведения лица, которое в силу правовых норм обязано было совершить активные положительные действия, но не совершило их.

Совершение неправомерных действий (бездействие) является основанием для возникновения деликтных обязательств, направленных на возмещение причиненного вреда, обязательств из неосновательного обогащения, направленных на восстановление имущественного положения сторон, иных охранительных правоотношений, направленных на приведение поведения сторон в соответствие с требованиями норм гражданского права посредством применения таких гражданско-правовых средств, как реституция, неустойка, путем возложения обязанности по полному возмещению убытков, посредством применения иных гражданско-правовых средств защиты.

В целом признание нормами гражданского права неправомерных действий в качестве оснований возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей, совершение которых влечет применение к правонарушителю гражданско-правовых мер воздействия, служит цели защиты прав и законных интересов добросовестных участников гражданско-правовых отношений, направлено на создание правовых условий правомерного поведения субъектов гражданского права.

Наиболее распространенными основаниями возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей являются юридические факты-действия, в качестве одного из видов которых нормы гражданского права рассматривают юридические поступки под которыми следует понимать активное поведение субъекта воля которого в процессе совершения определенных действий непосредственно не направлена на достижение правового результата, т.е. на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

В качестве действий, представляющих собой юридические поступки нормы ст. 7 ГК предусматривают создание имущества, приобретение имущества вне рамок участия в обязательственных правоотношениях, создание произведений науки, литературы, искусства, изобретений и иных результатов интеллектуальной деятельности. Учитывая открытый перечень оснований возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей, закрепленный в ст. 7 ГК, в качестве юридических поступков могут быть признаны и иные действия, совершаемые субъектом без непосредственного намерения породить правовой результат.

Отнесение указанных действий к юридическим фактам, именуемым юридическими поступками основано на мотивации поведения субъектов, удовлетворяющих в процессе своей активности имущественные или духовные, творческие потребности, и специально не преследующих цели возникновения, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей, как последствий своего поведения.

В процессе своей жизнедеятельности субъект гражданского права может сам того не подозревая совершить юридический поступок непреднамеренно, без какой-либо мотивации, по воле случая. К таким юридическим поступкам относится факт находки потерянного имущества либо может быть отнесена находка имущества, квалифицируемого как клад.

Во всех перечисленных выше случаях субъект гражданского права не преследовал цель вступления в гражданско-правовые отношения но в силу норм гражданского права своими действиями способствовал возникновению, изменению и прекращению граждански прав и обязанностей у себя и иных участников гражданско-правовых отношений.

Одним из самых распространенных юридических фактов-действий, признаются сделки, которые наряду с административными актами входят в состав юридических актов и как юридические факты-действия, представляют собой волевые правомерные фактические действия, совершаемые субъектами гражданского права во-первых, с целью удовлетворение своих экономических по-

требностей в имуществе, результатах работ, услугах а, во-вторых, с целью достижения определенного правового результате в процессе совершения сделок.

Названное правовое средство выступает в качестве оснований возникновения, изменения и прекращения большинства гражданских прав и обязанностей и используется для достижения необходимого правового результат во всех сферах экономической активности субъектов гражданского права. В частности в рамках совершения сделок субъекты гражданского права передают друг другу на возмездной и безвозмездной основе различное имущество, выполняют друг для друга всевозможные работы и оказывают услуги. Причем, сделка, как правовое средство и основание возникновения гражданских прав и обязанностей в равной мере используется как в процессе осуществления предпринимательской и иной хозяйственной деятельности субъектами хозяйствования, так и во взаимоотношениях граждан между собой.

Принимая решение о совершении сделки (юридического акта) субъект гражданского права в отличие от совершения юридического поступка заранее предвидит наступление правового результата и преднамеренно совершает действия, направленные непосредственно на его достижение, т.е. на возникновение, изменение либо прекращение гражданских прав и обязанностей.

Так, приобретение имущества в фактическое владение возможно как правомерным, так и неправомерным, т.е. противоправным способом, а приобретение имущества в фактическое владение с одновременным приобретением юридического титула (права собственности) в отношении имущества возможно посредством совершения сделок, как предусмотренных нормами ГК, так и не предусмотренных нормами ГК, но не противоречащих им.

К действиям, которые в соответствии с нормами права влекут возникновение, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей, т.е. совершаются в рамках сделок, следует отнести в том числе конклюдентные действия и юридически значимое молчание.

Административные акты, как основания возникновения, изменения и прекращения граждански прав и обязанностей, входят в состав юридических актов,

как юридических фактов-действий и представляют собой решение уполномоченного государственного органа, принятое в сфере гражданско-правового регулирования в отношении конкретного субъекта гражданского права и направленное на возникновение, изменение и прекращение его гражданских прав и обязанностей.

Нормы ст. 7 ГК, в частности, в качестве оснований возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей называют: акты государственных органов и органов местного управления и самоуправления, которые предусмотрены правовыми нормами в качестве основания возникновения гражданских прав и обязанностей; судебные решения, устанавливающие гражданские права и обязанности.

К актам государственных органов, устанавливающих, изменяющих и прекращающих гражданские права и обязанности относятся решения о предоставлении (изъятии) земельного участка в собственность, пожизненное наследуемое владение, в аренду, о выделении (изъятии) жилого помещения и иные аналогичные решения в сфере гражданского оборота, о государственной регистрации прав на недвижимое имущество, а также решения государственных органов о национализации, реквизиции и конфискации имущества.

Судебные решения являются основаниями возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей в том случае, когда принимаются в отношении субъектов гражданского права и разрешают по существу спор о праве гражданском либо устанавливают факты, имеющие юридическое значение в сфере гражданско-правового регулирования. Кроме того, гражданским юридическим фактом является судебное решение по уголовному делу, в рамках которого на лицо, совершившее преступление, возлагаются гражданские обязанности, например, по возмещению материального вреда лицам, потерявшим кормильца, либо в качестве мер уголовного наказания применяется ограничение гражданской правоспособности, например, лишение права осуществлять предпринимательскую деятельность в течение определенного периода времени.

Общественные отношения, возникающие в сфере экономического оборота

представляют собой сложный социальный процесс, состоящий из множества разнонаправленных действий его участников, преследующих достижение, иногда одного, положительного экономического результата. В некоторых случаях необходимые действия должны быть совершены в определенной логической последовательности несоблюдение которой исключает возможность наступления желаемого результата, в других – для его достижения необходимым является лишь наличие определенной совокупности действий вне зависимости от очередности их совершения.

Сложная структура социальных связей, возникающих в процессе производства, обмена и потребления материальных благ требует наличия усложненной системы фактических обстоятельств (их совокупности), с которой нормы гражданского права связывают возникновение, изменение и прекращения гражданских прав и обязанностей.

В цивилистике совокупность оснований, необходимую для возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей называют юридическим составом, который в зависимости от требований к последовательности наступления обстоятельств, составляющих совокупность, может быть простым или сложным.

Простым считается юридический состав в который входит некоторая совокупность фактических обстоятельств очередность наступления которых не регламентирована правовыми нормами. Таким образом, для достижение положительного правового результата необходимым и достаточным является совершение всех входящих в простой юридический состав действий вне зависимости от очередности их совершения.

Сложным признается юридический состав, включающий в себя совокупность фактических обстоятельств очередность наступления которых регламентирована правовыми нормами. Таким образом, для достижение положительного правового результата необходимым и достаточным является совершение в строго установленной последовательности всех входящих в сложный юридический состав действий.

Основная масса юридических составов, признаваемых основаниями возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей, является сложными, требующими наступления необходимых фактических обстоятельств в строго установленной правовыми нормами последовательности, что обусловлено определенной логикой развития общественных отношений в сфере производства, обмена и потребления материальных благ.

Одним из видов юридически фактов-действий, входящих в сложные юридические составы являются действия уполномоченных государственных органов по государственной регистрации прав на недвижимое имущество. В тех случаях, когда в соответствии с правовыми нормами возникновение, изменение и прекращение прав на объекты гражданского права подлежит государственной регистрации, соответствующие права возникают, изменяются и прекращаются с момента ее осуществления.

Государственная регистрация производится специально уполномоченными государственными органами в рамках совершения необходимых для этого административных процедур и, как юридический факт-действие, относится к административным актам. Законодательное закрепление обязанности по государственной регистрации возникающих правоотношений или перехода прав на отдельные объекты граждански прав позволяет государству осуществлять контроль за гражданским оборотом определенного имущества либо в определенной области социальных связей.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что гражданское право, как правовое средство регулирования экономических отношений, в максимально возможной степени учитывает различные фактические обстоятельства, наступление (возникновение) которых может изменить экономическое положение субъекта гражданского права, что позволяет придать им юридическое значение вследствие чего вместе с экономическим изменяется и правовое положение субъекта, что делает процесс участия в экономической деятельности легитимным с точки зрения государственного управления.

Список использованных источников

1. Кечекьян, С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе / С.Ф. Кечекьян. – М. : АН СССР, 1958. – 187 с.
2. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН, Ин-тут русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.

ГЛАВА 23

СДЕЛКИ КАК ОСНОВАНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ

В юридической литературе понятие «сделка» является не новым. Исследование сделки, как юридического факта и правового средства участия в гражданских отношениях в той или иной мере проводили практически все известные цивилисты, в частности, Г.Ф. Шершеневич, Д.И. Мейер, М.М. Агарков, Ю.С. Гамбаров, И.Б. Новицкий, О.С. Иоффе, Н.В. Рабинович, Ю.К. Толстой, С.Н. Братусь, Б.Б. Черепахин и другие дореволюционные и советские ученые. В современных учебных и научных трудах по гражданскому праву проблемы сделок рассматривали М.В. Кротов, Е.А. Крашенинников, Д.О. Тузов, В.В. Грачев, Д.И. Мындра, В.С. Ем, В.А. Белов, В.А. Витушко, В.Ф. Чигир и другие ученые.

Вместе с тем, анализ понятия сделки, как действий граждан, направленных на возникновение, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей, дифференциация сделок по различным основаниям не потеряли своей актуальности и в настоящее время, что обусловлено местом сделки, которое она занимает в системе юридических фактов и имеет целью систематизацию сделок для наиболее удобного правоприменения в современных экономических условиях.

Действия субъектов гражданского права, именуемые сделками, подлежат на-

учной классификации по различным основаниям, как предусмотренным нормами гражданского права, так и разработанным цивилистической доктриной. Вместе с тем результаты как практической, так и научной составляющей классификации сделок имеют не только научное, систематизирующее, но и практическое, правоприменительное значение и могут быть использованы субъектами гражданского права как при вступлении в порождаемые сделками гражданские правоотношения, так и судом в случае возникновения между участниками правоотношений спора о праве гражданском и передачи его на разрешение по существу в судебном порядке.

В первую очередь все сделки в соответствии с нормами ст. 155 ГК разграничены по количеству лиц, волеизъявление которых необходимо для совершения сделки, что имеет практическое значение для легитимного вступления в гражданско-правовые отношения и адекватного восприятия участниками сделок тех юридических последствий наступление которых предусмотрено нормами гражданского права в результате их совершения.

По указанному критерию сделки подразделяются на односторонние, двусторонние и многосторонние.

Односторонней признается сделка для совершения которой необходимым и достаточным является волеизъявление одного субъекта, выступающего в качестве стороны сделки и в процессе ее совершения приобретающего непосредственно для себя обязанности, связанные с последующим возможным взаимодействием с ним иных субъектов гражданского права.

К односторонним сделкам, в частности, относятся действия: по составлению завещания, публичному обещанию награды, публичному объявлению конкурса и др. Суть любой односторонней сделки состоит в том, что лицо, совершившее соответствующие юридически значимые действия добровольно возлагает на себя определенные правовыми нормами обязанности в отношении определенного (завещание) или неопределенного (публичное обещание награды, публичное объявление конкурса) круга лиц и, соответственно, должно совершить в отношении лиц, отозвавшихся на объявление предусмотренные правовыми нор-

мами и объявлением действия. При этом ни у лица указанного в завещании, ни у иных субъектов гражданского права (у неопределенного круга лиц), к которым обращено объявление обязанности в указанном случае не возникают. Наследство можно не принимать проигнорировав завещание или отказавшись от наследственного имущества, а на объявление можно не отзываться.

Однако в том случае, если лицо названное в завещании изъявит желание принять наследство, указанные в завещании права и обязанности должны быть переданы наследнику. В том случае, если кто-либо из неопределенного круга лиц выполнит условия объявления, сделавшее объявление лицо будет обязано совершить в отношении отозвавшегося лица предусмотренные объявлением действия (например, выплатить вознаграждение, премию).

В чистом виде односторонние сделки, как основания возникновения, изменения и прекращения гражданско-правовых отношений используются в ограниченном количестве случаев, что обусловлено сложной системой общественных отношений, возникающих в процессе производства, обмена и потребления материальных благ, многоступенчатой структурой возникающих при этом социальных связей.

Двусторонней признается сделка для совершения которой необходимо волеизъявление двух субъектов гражданского права, выступающих в качестве ее сторон у каждой из которых возникают права и обязанности относительно друг друга. Причем система прав и обязанностей участников гражданского правоотношения построена таким образом, что праву одной стороны сделки неизменно корреспондирует обязанность второй стороны. Права и обязанности участников двусторонней сделки являются коррелятивными, что способствует стабильному и эффективному развитию гражданского оборота. Таким образом если одна сторона двусторонней сделки (инициатор сделки) в результате совершения юридически значимых действий приобретает для себя обязанности, то второй стороне в обязательном порядке предоставляются права.

По сути своей любая двусторонняя сделка представляет собой несколько совершенных последовательно односторонних сделок в результате совершения

которых возникает договорное либо внедоговорное обязательственное правоотношение. Несколько совершенных последовательно односторонних сделок представляют собой ни что иное как юридический состав, являющийся основанием возникновения как договорных так и внедоговорных обязательственных правоотношений.

Так, любой гражданско-правовой договор возникает на основании сложного юридического состава в который последовательно входит две односторонние сделки, совершенные двумя субъектами гражданского права. Первой односторонней сделкой, которую необходимо совершить для заключения договора является оферта (предложение одного субъекта, направленное в соответствии с требованиями, установленными нормами ГК второму субъекту, о заключении договора), налагающая на субъекта, сделавшего предложение, определенные обязанности. Второй односторонней сделкой, необходимой для заключения договора является акцепт (ответ субъекта о полном и безоговорочном согласии заключить договор, сделанный в соответствии с требованиями, установленными нормами ГК). Акцепт является правом а не обязанностью второй стороны будущего обязательственного договорного правоотношения и совершается, по общему правилу, на основании добровольного волеизъявления субъекта гражданского права.

Многосторонней признается сделка для совершения которой необходимо волеизъявление трех и более субъектов, каждый из которых является самостоятельной стороной совершенной сделки.

К многосторонним сделкам в полной мере применимо все, что выше указано в отношении двусторонних сделок. Единственным отличием многосторонних сделок от двусторонних является процесс возникновения прав и обязанностей субъектов, для чего в многосторонних сделках большее количество субъектов гражданского права должно выразить свою волю в установленном порядке.

Все сделки, совершение которых возможно в рамках гражданско-правового регулирования согласно нормам ст. 159 ГК классифицируются по форме волеизъявления (совершения) на устные, письменные, совершаемые путем молча-

ния или посредством конклюдентных действий.

Классификация сделок по форме совершения имеет непосредственное практическое значение, связанное, в некоторых случаях, с юридической действительностью совершенных действий, с признанием за ними государством способности порождать желаемые правовые последствия, а в некоторых случаях с возможностью выбора средств доказывания в процессе разрешения судом спора о праве гражданском.

Устное выражение воли субъектами гражданского права допускается в ограниченных случаях в процессе совершения односторонних сделок как имеющих самостоятельное значение, так и входящих в юридические составы, являющиеся основаниями возникновения обязательственных правоотношений. Устная форма волеизъявления может быть применена, например, для публичного объявления о выплате вознаграждения, т.е. совершения односторонней сделки, имеющей самостоятельное значение. Вместе с тем, совершение такой односторонней сделки, как составление завещания, допускается, под страхом недействительности, исключительно в квалифицированной письменной форме, т.е. путем составления письменного документа с последующим нотариальным удостоверением.

В устной форме допускается совершение предложения о заключении договора (оферты), представляющего собой одностороннюю сделку, входящую в сложный юридический состав, необходимый для заключения гражданско-правового договора и, соответственно, в устной форме должен быть сделан ее акцепт – вторая односторонняя сделка, входящая в указанный юридический состав.

Письменная форма выражения воли субъектами гражданского права (как простая, так и квалифицированная) применяется, в основном, в процессе вступления в договорные обязательственные правоотношения, но может быть использована и при совершении самостоятельных односторонних сделок таких, например, как объявление о выплате награды, а также подлежит обязательному использованию при составлении завещания. При этом несоблюдение требова-

ний правовых норм о необходимости применения простой письменной формы волеизъявления в процессе вступления в договорные отношения в большинстве случаев не влияет на признание за совершенными сделками, образующими сложный юридический состав, качеств юридического факта, а заключенного на их основании договора – действительным.

В большинстве случаев простая письменная форма волеизъявления имеет исключительно доказательственное значение в отношении факта совершения определенных юридически значимых действий, порождающих у лиц, их совершивших, соответствующие права и обязанности. Несоблюдение письменной формы волеизъявления сторон договорного обязательства влечет необходимость применения к возникшим правоотношениям норм, закрепленных в п. 1 ст. 163 ГК, согласно которым в случае несоблюдения простой письменной формы волеизъявления сторон договора и возникновения при этом между ними спора, связанного с существующими договорными отношениями, стороны лишаются права ссылаться на свидетельские показания в обоснование факта вступления в договорные отношения, но могут приводить иные доказательства, не являющиеся свидетельскими показаниями и указывающие на существование между спорящими сторонами договорных правоотношений.

Квалифицированная письменная форма волеизъявления подлежит обязательному применению только в случаях, прямо предусмотренных правовыми нормами. Несоблюдение указанной формы согласно нормам ст. 166 ГК влечет абсолютную недействительность совершенных действий, лишает их юридического значения с момента совершения.

Молчание, как способ волеизъявления субъектов гражданского права допускается только в случаях, прямо предусмотренных правовыми нормами или соглашением сторон. В частности посредством молчания допускается совершение: отказа от права преимущественной покупки доли в имуществе, принадлежащем на праве общей совместной собственности нескольким лицам; отказа от права преимущественной покупки доли в уставном фонде хозяйственного общества. В ряде случаев посредством молчания допускается выражение воли на

пролонгацию действия существующего между субъектами гражданско-правового договора (например, договора аренды, заключенного на определенный срок).

Молчание, как способ выражения воли субъекта, характеризуется его полным бездействием, чем отличается от конклюдентных действий, одним из характерных признаков которых также является молчание, но сопровождающееся активными действиями субъекта, из которых однозначно следует воля совершающего их лица вступить в гражданско-правовые отношения. В частности такие действия используются субъектами в качестве способа выражения своей воли при приобретении товаров с использованием торговых автоматов, в процессе эксплуатации автоматических камер хранения, транспорта общего пользования, движущегося по установленным маршрутам, при оплате товара в магазинах самообслуживания, при оплате коммунальных услуг, услуг связи и т.п. через специализированные электронные платежные терминалы (инфокиоски), при получении наличных денежных средств с использованием банкоматов и в других аналогичных случаях.

Вследствие постоянного развития экономических отношений, внедрения новых технических, в том числе, электронных систем появляются новые возможности участия в гражданско-правовых отношениях посредством совершения конклюдентных действий.

В соответствии со следующей классификационной группой, традиционно представляемой во всех учебных и научных трудах по гражданскому праву сделки подразделяются на каузальные и абстрактные.

Каузальными признаются такие сделки для совершения которых, во-первых, имеется правовое основание, а, во-вторых, очевидны и правомерны экономическая и правовая цели, достижение которых преследуют стороны сделки в процессе совершения соответствующих действий.

Так, основанием участия в отношениях купли-продажи следует признать соответствие правового положения как продавца, так и покупателя требованиям правовых норм, предъявляемым к участникам возникающих правоотношений

(должная правосубъектность, способность отчуждать и принимать имущество на праве собственности). В качестве экономической цели к достижению которой стремятся участники купли-продажи следует рассматривать фактический переход имущества от продавца к покупателю, а в качестве правовой – переход права собственности на предмет договора.

Отсутствие правового основания совершения указанных действий, либо несовпадение экономической и правовой целей сделки являются основаниями для признания такой сделки недействительной.

Например, недействительной является сделка по отчуждению имущества лицом, не обладающим достаточным объемом дееспособности либо правом на отчуждение имущества. Такая сделка не соответствует требованиям правовых норм и, следовательно, совершается без соответствующего правового основания.

Недействительной является сделка по отчуждению имущества, совершенная без намерения породить соответствующие экономические последствия, т.е. фиктивно. Несмотря на то, что формально право собственности на имущество по такой сделке переходит к покупателю по устной договоренности сторон сделки фактическим собственником и, соответственно, владельцем предмета договора по прежнему остается продавец имущества. В качестве действительной цели такой сделки следует рассматривать желание ее сторон скрыть фактического собственника имущества, ввести в заблуждение окружающих во избежание, например, обращения взыскания на предмет сделки по решению суда. Следовательно, во-первых экономическая цель в такой сделке не соответствует ее правовой цели, которая, в свою очередь, является фиктивной и противоправной, предполагающей введение в заблуждение иных участников гражданского оборота.

Абстрактными признаются сделки основание и цели которых является известными также как и при совершении казуальных сделок, однако действительность абстрактной сделки не ставится в зависимость от экономической и правовой цели ее совершения.

При этом для действительности абстрактной сделки наличие соответствующего правового основания ее совершения является обязательным. В качестве примера абстрактных сделок в юридической литературе стандартно приводят пример векселя указывая, что действительность векселя не зависит от того, действительно ли основание по которому он выдан [1, с. 231]. Вместе с тем, если основанием сделки, как указывалось выше признать соответствие субъекта сделки условиям ее совершения, предусмотренным правовыми нормами, то основанием для выдачи векселя согласно нормам подп. 1.2 п. 1 Указа Президента Республики Беларусь от 28 апреля 2006 г. № 278 «О совершенствовании регулирования вексельного обращения в Республике Беларусь» является в том числе наличие у лица, у которого возникают обязанности по векселю, денежных средств либо имущества, достаточных для обеспечения требований по выданному векселю. В случае отсутствия предусмотренного нормами Указа № 278 основания выдача векселя не допускается.

По степени доверия участников сделки друг к другу выделяют фидуциарные сделки, т.е. сделки, основанные на лично-доверительных отношениях ее сторон. К таким в частности относится факт выдачи доверенности, которая во многих случаях выдается лицу, с которым у доверителя сложились определенные взаимоотношения, основанные на личном доверии друг к другу.

По степени уверенности сторон сделки в достижении ими положительного экономического результата выделяют алеаторные (рисковые) сделки, т.е. такие, достижение положительного экономического результата в которых зависит от случайных событий которые могут наступить или не наступить. В частности к рисковому относятся страховые правоотношения в которых положительный экономический эффект для каждой из сторон зависит от наступления или ненаступления страхового случая в отношении которого точно не известно наступит он или нет.

Белов В.А. проводит классификацию сделок по юридическим последствиям на которые они направлены. В соответствии с данной классификацией ученый выделяет распорядительные сделки и обязательственные сделки [2, с. 172]. Так,

согласно приведенной классификации под распорядительной сделкой понимаются такие, которые непосредственно направлены на изменение существующих гражданско-правовых отношений и, в частности, на переход права собственности на вещь от одного лица к другому, т.е. фактически, на распоряжение правами. Например, дарение вещи. Обязательственными признаются такие сделки, вследствие совершения которых возникают не существовавшие ранее у сторон сделки права и обязанности, реализация которых влечет изменение существующих гражданско-правовых отношений и, в частности, переход права собственности на вещь от одного лица к другому.

Анализирую классификацию сделок в юридической литературе также выделяют следующие их классификационные группы: реальные и консенсуальные; возмездные и безвозмездные; срочные и бессрочные; обычные и условные. Однако, по нашему мнению, указанные классификационные группы характеризуют не саму сделку, как действие об установлении, изменении или прекращении прав и обязанностей, а договор, как соглашение об установлении, изменении или прекращении прав и обязанностей, что исключает необходимость анализа указанных классификационных групп в рамках проведенного исследования.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что гражданское право Республики Беларусь как базовая отрасль частного права располагает достаточным правовым арсеналом, позволяющим субъектам гражданского права обеспечить свое легитимное участие в экономических отношениях при самых различных фактических обстоятельствах.

Список использованных источников

1. Гражданское право : учеб. / О.В. Бойков [и др.] ; под ред. В.Ф. Яковлева. – М. : РАГС, 2003. – 503 с.

2. Белов В.А. Гражданское право : Общая и Особенная часть : учеб. / В.А. Белов. М. : Центр ЮрИнфоР, 2003. – 728 с.

ГЛАВА 24

УСЛОВИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК: СОВРЕМЕННАЯ НАУЧНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Нормы гражданского права предъявляют к действиям субъектов, совершаемым в гражданском обороте и именуемым сделками, ряд специальных требований, выполнение которых позволяет придать таким действиям качества юридических фактов, признать поведение субъектов легитимным, а совершенные ими сделки действительными в свете гражданско-правового регулирования соответствующих общественных отношений.

В качестве одного из основных критериев признания сделки действительной и, следовательно, признания совершенных в ее рамках действий основаниями возникновения, изменения или прекращения гражданских правоотношений, наука гражданского права рассматривает юридическую способность к совершению сделки лица, ее совершившего, а также наличие воли субъекта на совершение соответствующих действий.

Воля должна быть сформирована добровольно, психическое и физическое состояние субъекта должны позволять ему адекватно оценивать реальную действительность. В момент формирования воли на субъекта не должны оказывать влияние негативные внутренние или внешние факторы, способные ввести его в заблуждение, исказить представление об экономических и правовых последствиях будущего деяния.

На процесс формирования воли человека относительно необходимости участия в гражданско-правовых отношениях могут оказывать влияние различные внутренние и внешние факторы. Внутренними факторами являются, например, отношение человека к себе, своему благосостоянию, наличие или отсутствие у человека потребности в том или ином имуществе, стремление человека к самосовершенствованию, его эмоциональное состояние в момент принятия решения и т.п. В качестве примера внешних факторов можно привести изменение кли-

матических условий, переезд на работу в другую местность, смена профессии, изменение моды в одежде и т.п.

Учитывая тот факт, что формирование воли является психическим процессом, одним из главных качеств, соответствующих установленным правовыми нормами требованиям, которыми должен обладать субъект в момент формирования своей воли на совершение сделки, является наличие у него гражданской дееспособности, объем которой как раз и отражает способность человека адекватно оценивать свое поведение применительно к конкретным обстоятельствам, преодолевать возможное негативное влияние внутренних и внешних факторов при принятии юридически значимых решений.

Непосредственно закрепление за субъектом дееспособности в достаточном для совершения конкретной сделки объеме является первичным условием признания совершенного деяния легитимным, придания ему качеств юридического факта, признания такого деяния сделкой.

Как следует из юридической литературы, неадекватное психическое поведение человека является одним из критериев, используемых для ограничения или лишения такого человека дееспособности в полном объеме. Недостаточное для участия в гражданском обороте возрастное психическое развитие человека (с рождения до восемнадцати лет) явилось основанием установления в ГК минимального возрастного ограничения признания за ним (человеком) дееспособности в полном объеме.

Безусловно, дееспособность, как категория гражданского права, отражает способность человека непосредственно осуществлять задуманные действия, т.е. выражать сформированную волю во вне, облекать ее в форму, доступную для восприятия окружающих. Вместе с тем отсутствие дееспособности в объеме, необходимом для участия в соответствующих правоотношениях, лишает процесс формирования воли субъекта юридической составляющей, а самого субъекта возможности практической реализации задуманного в рамках установленного на государственной территории гражданского правопорядка.

Наряду с достаточной дееспособностью субъекта и добровольно сформиро-

ванной им волей еще одной необходимой составляющей действительности любой сделки является надлежащее волеизъявление субъекта на совершение соответствующих действий, под которым понимается процесс выражения субъектом добровольно сформированной воли во вне, что делает его волю доступной для других участников гражданского оборота.

Воля субъекта, как продукт его внутренней психической деятельности, в отрыве от волеизъявления лица юридического значение не имеет и, сама по себе, не способна породить, изменить, или прекратить гражданско-правовые отношения. Внутренние желания человека, не доступные для восприятия окружающих, не оказывают влияния ни на правовое, ни на фактическое положение человека в обществе, также, как и не оказывают влияние на само общество и составляющих его индивидов.

Непосредственно с выражением субъектом своей воли во вне нормы гражданского права связывают возможность наступления юридических последствий поведения субъекта в виде возникновения, изменения или прекращения прав и обязанностей в рамках гражданского правоотношения, что является основанием для предъявления к процессу волеизъявления соответствующих требований.

Во-первых, волеизъявление субъекта должно полностью совпадать с его волей, сформированной согласно выше указанным требованиям. Непосредственно единство воли, как внутреннего психического процесса человека и волеизъявления, как основанного на его внутренних желаниях внешнего поведения, являются одним из условий признания совершенных им действий юридически значимыми, действительными с точки зрения гражданско-правового регулирования и, следовательно, порождающими соответствующие положительные правовые последствия. Несовпадение воли и волеизъявления субъекта является основанием для признания совершенной им сделки недействительной и, как следствие, не влекущей соответствующих юридических последствий.

Во-вторых, волеизъявление, также как и процесс формирования воли, должно быть исключительно добровольным, свободным от негативного влияния различных факторов, как внутренних (психических), так и внешних. Негатив-

ное влияние на процесс волеизъявления любых факторов ведет к тому, что совершенное деяние либо изначально не будет иметь юридических последствий либо такие последствия будут отменены в будущем.

В-третьих, волеизъявление должно быть облечено в форму, соответствующую требованиям правовых норм, предъявляемым к конкретному случаю участия в гражданском обороте. Необходимость придания волеизъявлению определенной формы вызвана рядом причин физического и юридического свойства и, в частности, необходимостью создания условий для адекватного восприятия воли субъекта иными участниками гражданского оборота с целью принятия им соответствующих решений, а также необходимостью связать факт волеизъявления с определенными юридическими последствиями с целью стабилизации процесса участия в гражданских правоотношениях.

Нормы гражданского права допускают возможность выражения субъектами гражданского права своей воли в таких формах, как: устная, письменная, молчание, совершение конклюдентных действий.

Требования к форме выражения воли субъекта в процессе участия в гражданских правоотношениях закреплены в стст. 159–164 ГК.

Согласно нормам указанных статей ГК устная форма выражения воли допускается в тех случаях, когда в качестве субъекта гражданского права выступает физическое лицо, совершающее действия, связанные с участием в гражданском правоотношении в отношении объекта, стоимость которого менее десяти базовых величин (к зачету берется размер базовой величины, установленный правовыми нормами на момент совершения соответствующих действий) и участие в правоотношении не связано с осуществлением физическим лицом предпринимательской деятельности. Кроме того устная форма выражения воли допускается применительно к любому субъекту, действия которого как связаны, так и несвязаны с осуществлением предпринимательской деятельности, вне зависимости от стоимости объекта, в отношении которого совершаются действия, в том случае, когда правоотношение возникает и прекращается в момент совершения соответствующего действия.

Во всех остальных случаях субъекты гражданского права должны применять письменную форму выражения своей воли. При этом названные нормы ГК предусматривают два вида письменной формы, применяемой в гражданском обороте: простую и нотариальную (усложненную, квалифицированную).

Выражение воли на участие в гражданских правоотношениях путем молчания возможно только в случаях, прямо предусмотренных правовыми нормами или соглашением сторон, и в большей степени относится к продлению срока действия гражданско-правового договора, существующего между субъектами. Вместе с тем молчание может рассматриваться как согласие либо как отказ от вступления в соответствующие гражданско-правовые отношения.

Конклюдентные действия, под которыми понимаются фактические действия участника гражданского оборота, направленные на установление правоотношения, как форма выражения воли субъекта, применимы, когда это следует из существа складывающегося правоотношения и в большинстве случаев используются для заключения некоторых гражданско-правовых договоров.

В-четвертых, воля субъекта и соответствующее ей волеизъявление должны укладываться в рамки правомерного поведения, под которым следует понимать соответствие действий участников гражданско-правовых отношений требованиям установленного на территории Республики Беларусь гражданского правопорядка. Воля субъекта в процессе участия в гражданских правоотношениях не должна быть направлена на причинение вреда (ущемление прав и законных интересов) иным участникам гражданского оборота, интересам общества и государства.

Еще одним условием действительности сделки является наличие правовой цели участия в гражданском правоотношении, под которой следует понимать те правовые последствия, наступление которых преследуют субъекты, совершая те или иные юридически значимые действия.

Цель участия в гражданско-правовом отношении, цель совершения сделки должна соответствовать определенным критериям, а именно должна быть правомерной и достижимой. Так, участие в гражданско-правовых отношениях с за-

ведомо противоправными целями лишает действия субъектов качеств сделки, лишает их положительного юридического значения и, соответственно, качеств юридического факта.

Совершение действий, не соответствующих требованиям норм гражданского права, т.е. неправомерных, влечет наступление отрицательного правового результата, выражающегося в негативной оценке действий субъекта обществом и государством и, в частности, признания такой сделки, согласно нормам ст. 169 ГК, по общему правилу, абсолютно недействительной.

Цель сделки – те правовые последствия, наступления которых ожидают субъекты от совершения соответствующих юридически значимых действий, может быть достигнута только в том случае, когда субъект гражданского права, совершая соответствующие юридически значимые действия, направленные на установление, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей, имел на это соответствующее правовое основание, которое, наряду с правовой целью сделки является условием ее действительности.

В настоящее время в юридической литературе не сложилось единого мнения относительно соотношения таких гражданско-правовых категорий, как основание сделки и цель сделки. Также существенно различается и вкладываемый в них смысл.

Так, Д.Д. Грим, в частности, понимает под основанием сделки тот объективный результат, который должен быть достигнут в результате совершения сделки и противопоставляет его цели, ради которой совершается сделка [1, с. 94–97]. Мнение Д.Д. Грима разделяет М.В. Кротов [2, с. 246].

Вместе с тем ряд авторов не противопоставляет две названные категории, а наоборот, рассматривает их как синонимы, объединяет их. В частности, В.С. Ем утверждает, что «цель, преследуемая субъектами, совершающими сделку, всегда носит правовой характер – приобретение права собственности ...» [3, с. 331] и т.п., что не вызывает сомнений. Безусловно целью сделки является тот правовой результат, на достижение которого направлены устремления сторон сделки. Однако далее В.С. Ем указывает на то, что «типичная для данного вида

сделок правовая цель, ради которой она совершается, называется основанием сделки (causa)» [3, с. 331].

Аналогичной точки зрения придерживается Д.А. Колбасин, который указывает на то, что «казуальными признаются сделки, действительность которых зависит от четкости и ясности обозначения их правового основания (цели)» [4, с. 214], отождествляя таким образом две гражданско-правовые категории «цель сделки» и «основание сделки».

Мейер Д.И. определяет цель сделки, как приобретение или отчуждение права, указывая на то, что достижение названной цели возможно только в том случае, если лицо способно к приобретению либо отчуждению конкретного права [5, с. 205–206], т.е. имеет соответствующее правовое основание к приобретению или отчуждению права.

Для уяснения действительного содержания анализируемых категорий гражданского права необходимо, в первую очередь, определить их терминологическое значение как основных единиц русского языка. Так, термином «основание» в русском языке обозначается «причина, достаточный повод» [6, с. 463] к чему либо, а термин «цель» понимается, как «предмет стремления, то, что надо, желательно осуществить» [6, с. 873].

Исходя из приведенных терминологических значений можно сделать вполне определенный вывод о том, что основание и цель не могут отождествляться так, как их значения в русском языке различны и следовательно, можно признать несостоятельными утверждения В.С. Ема и Д.А. Колбасина.

Лексическое значение термина «основание» указывает на то, что под основанием сделки следует понимать наличие у субъекта возможности к совершению соответствующих действий и способности к отчуждению или приобретению соответствующих прав и обязанностей, на что указывал Д.И. Мейер. Следовательно, содержание основания сделки, в первую очередь, составляет надлежащая правосубъектность лица, которая позволяет ему совершать юридически значимые действия по приобретению или отчуждению прав и обязанностей, а во вторую, наличие у него тех прав, которые он желает передать в процессе

участие в сделке другому лицу.

Так, для передачи права собственности на вещь субъект сам должен обладать таким правом либо должен быть наделен правом передачи права собственности лицом, которому оно принадлежит (собственником вещи). Наличие необходимой для участия в соответствующей сделке правосубъектности и наличие правомочия по передаче права собственности и будет являться правовым основанием участия в соответствующих общественных отношениях. Отсутствие хотя бы одной из двух составляющих основания сделки приведет к ее недействительности. Для того, что бы субъект мог принять право собственности на вещь, он должен обладать для этого соответствующей правосубъектностью. Например, не может частная организация принять в собственность имущество, которое в соответствии с правовыми нормами может находиться только в собственности государства. Не может открыть в банке расчетный счет лицо, не достигшее четырнадцати лет либо достигшее указанного возраста, но не имеющее документа, удостоверяющего личность (паспорт). Таким образом отсутствие у второй стороны сделки необходимой правосубъектности либо несоответствие правового положения субъекта иным условиям участия в сделке лишает совершенные действия юридического значения, переводит их в разряд юридически недействительных.

Лексическое значение термина «цель» позволяет нам понимать под целью сделки те правовые последствия, наступления которых желают участники соответствующего правоотношения. К указанным последствиям, в частности, относится возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей, т.е. изменение правового положения субъектов по отношению к друг другу и другим участникам гражданского оборота.

В качестве правовых целей сделки следует рассматривать отчуждение либо приобретение права собственности и иных вещных прав (отношения купли-продажи), добровольное возложение на себя обязанности, например, по выплате награды (публичное обещание награды), распоряжение своим имуществом на случай смерти (составление завещания), закрепление за собой прав на соз-

данный личным творческим трудом объект интеллектуальной собственности (регистрация изобретения) и иные правовые последствия участия в гражданско-правовых отношениях.

Правовым основанием совершения действий, направленных на достижение указанных выше правовых целей, являются, в первую очередь, надлежащая правосубъектность лиц, совершающих юридически значимые действия, а во вторую:

- для передачи права собственности или иных вещных прав необходимо наличие таких прав у субъекта либо наличие полномочий на отчуждение прав, переданных обладателем отчуждаемых прав;

- для публичного объявления о выплате вознаграждения достаточно одной правосубъектности;

- для составления завещания дополнительным критерием является наличие права собственности на имущество, включенное в завещание;

- для регистрации прав на изобретение необходимо наличие изобретения, созданного личным творческим трудом лица, претендующего на получение патента.

Участвуя в экономических общественных отношениях субъекты гражданского права наряду с правовыми целями преследуют и экономические, которые являясь первичными, предполагают фактическую передачу субъекту определенного имущества, вознаграждения за соответствующие действия и т.п. Причем, если достижение правовой цели без достижения экономической в принципе возможно, то достижение экономической цели без достижения правовой ставит под сомнение легитимность поведения субъектов гражданского права и предполагает негативную оценку их деятельности со стороны государства.

Наряду с основанием и целью сделки в процессе анализа исследуемого юридического факта ряд ученых рассматривает мотив участия в соответствующих гражданско-правовых отношениях под которым следует понимать «то, что побуждает деятельность человека» [7, с. 764].

Так, побудительным мотивом для приобретения пищи является потребность

человека в удовлетворении голода, мотивом для приобретения строительных материалов – необходимость осуществления ремонта помещения, мотивом для приобретения туристической путевки – потребность в отдыхе. Мотивация субъекта на совершение одних и тех же юридически значимых действий может быть различной (один субъект высаживает на своем приусадебном участке кусты роз из любви к прекрасному, другой – из любви к деньгам, которые можно выручить от продажи цветов роз), что не оказывает юридического значения на процесс совершения сделки, на содержание возникающих в результате ее совершения юридических последствий и на их действительность.

Таким образом в качестве условий действительности действий, совершаемых в рамках гражданского оборота и направленных на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, т.е. в качестве условий действительности сделок, наука гражданского права рассматривает следующие обстоятельства их совершения:

1) сделка должна быть совершена надлежащим субъектом, т.е. лицом, обладающим достаточным для участия в соответствующем правоотношении объемом правосубъектности;

2) воля субъекта на совершение сделки должна быть сформирована им добровольно, должна быть свободна от влияния внутренних и внешних негативных факторов и не должна быть направлена на причинение вреда иным субъектам гражданского права, обществу и государству;

3) волеизъявление субъекта должно полностью соответствовать его воле (имеет место единство воли и волеизъявления), должно быть добровольным, т.е. свободным от влияния негативных внутренних и внешних факторов;

4) форма волеизъявления должна соответствовать требованиям правовых норм;

5) содержание сделки (поведение субъектов и иные условия участия в сделке) должно отвечать требованиям правомерности, соответствовать установленному на территории Республики Беларусь гражданскому правопорядку;

6) совершаема сделка должна иметь под собой соответствующее правовое ос-

нование;

7) цель сделки должна быть правомерной и осуществимой.

Список использованных источников

1. Гримм, Д.Д. Лекции по догме римского права / Д.Д. Гримм. – СПб., 1907. – 436 с.

2. Гражданское право : учеб. : в 3 т. / А.П. Сергеев [и др.] ; под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – 5-е изд. перераб. и доп. – М. : ПБОЮЛ; Л.В. Рожников, 2001. – Т. 1. – 632 с.

3. Гражданское право : учеб. : в 2 т. / Е.А. Суханов [и др.] ; под ред. Е.А. Суханова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : БЕК, 2002. – Т. 1. – 816 с.

4. Колбасин, Д.А. Гражданское право : Общая часть : учеб. пособие : в 2-х т. / Д.А. Колбасин. – Минск : Аккад. МВД Респ. Беларусь, 2008. – Т. 1. – 263 с.

5. Русское гражданское право : чтения Д.И. Мейера. – 7-е изд. / под ред. А.И. Вицына. – СПб. : Типография Д.В. Чичинадзе, 1897. – 831 с.

6. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН, Ин-тут русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

7. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд., перераб. и доп.; редкол.: Л.М. Ланда [и др.] . – М. : Большая Российская энциклопедия, СПб. : Норинт, 1997. – 1456 с.

FOR AUTHOR USE ONLY

FOR AUTHOR USE ONLY

Люблю **книги**
ljubljudknigi.ru

yes I want morebooks!

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн - в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов! Мы используем экологически безопасную технологию "Печать-на-Заказ".

Покупайте Ваши книги на
www.ljubljudknigi.ru

Buy your books fast and straightforward online - at one of the world's fastest growing online book stores! Environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at
www.get-morebooks.com

FOR AUTHOR USE ONLY

FOR AUTHOR USE ONLY

FOR AUTHOR USE ONLY